

ВСЕЖИЗНЬ
СРЕДЫ

ЕЩЕ СВОБОДА
КЛЮЧЕНИЯ
ТАКТИКА

ЦЕНА
50 КОП

РЕДАКЦИЯ „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“

уведомляет своих читателей о том, что во втором полугодии в журнале предполагено, между прочим, напечатать следующие очерки и рассказы, имеющиеся в портфеле редакции:

«БЕЛЫЙ ДИКАРЬ». Рассказ А. БЕЛЯЕВА о находке в Гималаях человека неизвестной расы и его приключениях в культурной Европе.

«МЕЖДУПЛАНЕТНЫЕ КОЛУМБЫ». Научно-фантастический рассказ И. ОКСТОН на тему о путешествиях в мировом пространстве.

«ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ». Научно-фантастический рассказ о странной жизни и необычайных приключениях земноводного человека.

«ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ». Приключения русского путешественника Миклухо-Маклая среди папуасов Новой Гвинеи (к 80-летию со дня его рождения).

«ВЛАСТЕЛИН ЗВУКОВ». Научно-фантастический рассказ А. ЛИНЧА.

«ЖЕМЧУЖИНА ТАХЕУ». Тихоокеанский рассказ из жизни канаков ДЕ-ВЭР-СТЭКПУЛ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СРЕДИ РЫБ: 1) «ВЕРХОМ НА ОСЕТРЕ» (из туркестанских рассказов А. Сытина), 2) «В ПАСТИ СОМА» (рассказ-быль А. ШУБНИКОВА), 3) «РЫБАК, ПОЙМАННЫЙ РЫБОЙ».

«ЗАМУРОВАННЫЕ В ПЕЩЕРЕ». Приключения собирателя крымских сказок и песен АРКАДИЯ КОНЧЕВСКОГО.

«ОСТРОВА БЛАЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ». (Два года среди туземцев островов Самоа). Записки кино-режисера Р. ФЛАГЕРТИ с множеством художественных фото автора.

«ДИКОВИНКИ ЗАПАДА». Приключения русских людей за границей в XVIII веке. (Отрывки из записок современников).

«ДОЛИНА ЧУДОВИЩ». Научно-фантастический рассказ на тему об ископаемых предках зверей и птиц МОРИСА РЕНАР.

«ЯЩЕРЫ-ГИГАНТЫ». Очерк В. АФАНАСЬЕВА (с рис. автора), из истории ископаемого животного мира.

«В МАЛАЙСКИХ ДЖУНГЛЯХ». Приключения известного американского ловца зверей Майера на Больших Зондских островах.

«СЛЕДОПЫТЫ БОБРОВОГО МОРЯ». К двухсотлетию путешествия и открытий русского мореплавателя Беринга. Географич. очерк Н. ЛЕБЕДЕВА и много другого занимательного и образовательного материала для чтения.

**СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ
НА ЖУРНАЛ**

„ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“.

Условия подписки — см. на 4-ой стр. обложки.

1926

ВСЕМИРНЫЙ

№ 6

СЛЕДОПЫТЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
Ж У Р Н А Л**ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ФАНТАСТИКИ**

(II-ой год издания)

СОДЕРЖАНИЕ:

Ни жизнь, ни смерть. Научно-фантастический рассказ *А. Беллева*. — Странный матрос. Необычайные приключения капитана Фурга. — В подземном лабиринте. Рассказ *С. Лихачева*. — Идеофон. Рассказ *А. Рома*. — Пасть тигра. Фото с натуры. — Два берега. Рассказ *Леонида Тютрюмова*. — Победители моря. Очерк *Н. Константинова*. — Месть пумы. Рассказ

Ч. Робертса. — Телеграфистка-краснокожая. Заметка. — Двести часов ожидания. Заметка. — Полярные следопыты. Очерки, отрывки, заметки по поводу экспедиции Амундсена к Сев. полюсу. — Охота летом. — Образовательные путешествия. — Чудовищная ящерица. Заметка. — Следопыт среди книг. — Пень пеньку — рознь. Заметка. — Из великой книги природы.

ОТПЕЧАТАНО В ТИП. «ГУДОК».

УЛ. СТАНКЕВИЧА, Д. 7.

В КОЛИЧ. 35.000 ЭКЗ.

ГЛАВЛИТ № 62923.

Мы жизнь, ни смерть

Научно-фантастический рассказ А. Беляева.

Рисунки худ. С. Лодыгина.

Содержание первых глав рассказа, напечатанных в предыдущем № нашего журнала. К английскому углепромышленнику Гильберту является некто Карлсон и предлагает странный проект: применить анабиоз (особое состояние организма, когда приостанавливаются все жизненные процессы) — к безработным углекопам, оживляя их по мере надобности в рабочей силе. Гильберт относится к проекту недоверчиво, но дела его так плохи (кризис сбыта, волнения рабочих), что он решает сделать попытку «замораживания людей». Это замораживание должно иметь вначале опытный характер. «А дальше рабочие сами поймут», — уверяет Карлсон. Делается объявление в газетах, приглашающее желающих подвергнуть себя публично анабиозу (чтобы показать его полную безопасность). Объявление обещает крупное вознаграждение первым смельчакам. На объявление откликаются безнадежно-больной астроном Лесли и голодный поэт Мерз. Первый опыт замораживания удается блестяще. Лесли и Мерз оживают. Больше того: Лесли исцеляется от туберкулеза. Тысячи больных туберкулезом обращаются к Гильберту и Карлсону с просьбой «заморозить» и излечить их. Гренландский «санаторий», где в старых шахтах происходит массовое замораживание, дает хороший доход, но рабочие пока не идут. «Они еще придут, нужда заставит», — уверяет Карлсон. И они пришли...

VI. Во льдах Гренландии.

Холодный осенний ветер валит с ног. Молодой шахтер-забойщик, работавший в кардиффских шахтах, понутив голову, медленно подходил к небольшому коттеджу, видневшемуся сквозь обнаженные ветви сада.

Бенджэмин Джонсон постоял у двери, глубоко вздохнул, прежде чем открыть ее, и, наконец, несмело вошел в дом.

Его жена, Фредерика Джонсон, мыла у большого камина посуду. Двухлетний сын, Самуэль, уже спал.

Фредерика вопросительно посмотрела на мужа.

Джонсон, не раздеваясь, опустился на стул и тихо проговорил:

— Не достал!..

Тарелка выскользнула из рук Фредерики и со звоном упала в лохань. Она со страхом оглянулась на ребенка, но он не проснулся.

— Забастовочный комитет не имеет больше средств... В лавке не отпускают в кредит...

Фредерика перестала мыть посуду, отерла руки о фартук и молча села к столу, глядя в угол, чтобы скрыть от мужа свое волнение.

Джонсон медленно вынул из кармана пальто, легкого не по сезону, измятый номер газеты и положил на стол перед женой.

— На вот, читай!

И Фредерика, смахивая слезу, которая застлала ей глаза, прочитала крупное объявление:

«Пять фунтов в неделю получают семь рабочих, согласившихся проспать до весны»... Дальше шло объяснение, что такое анабиоз. Фредерика уже слыхала о нем. Агенты Гильберта уже давно вели пропаганду анабиоза среди рабочих.

— Ты не сделаешь этого! — твердо сказала она. — Мы не скоты, чтобы нас замораживали!

— Городские джентльмены не брезгают анабиозом!

— С жиру бесятся твои джентльмены! Они нам не указ!

— Послушай, Фредерика, но ведь, в конце концов, в этом нет ничего ни страшного, ни постыдного. Опасности для меня никакой. Я не штрейкбрехерствую, ничьих интересов не затрагиваю.

— А мои, а твои собственные интересы? Ведь это же почти смерть, хоть и на время! Мы должны бороться за право на жизнь, а не отлеживаться заморожен-

ными тушами до тех пор, пока господа хозяева не соблаговолят воскресить нас!

Она разгорячилась и говорила слишком громко.

Маленький Самуэль проснулся, заплакал и стал просить есть. Фредерика взяла его на руки, стала укачивать. Джонсон с унылой тоской смотрел на русую головку сына. Он так побледнел за последнее время! Побледнела и Фредерика...

Ребенок уснул, и Фредерика опустилась у стола, закрыв лицо руками. Она не могла больше сдерживать слез.

Бенджэмин гладил своей грубой рукой зайчишку ее пушистые волосы, такие же светлые, как у сына, и ласково, как ребенка, уговаривал:

— Ведь я за вас болею душой! Пойми же! Завтра Самуэль будет иметь большие кружки дымящегося молока и белый хлеб, а у тебя на столе будет хороший кусок говядины, картофель, масло, кофе... Разлучаться трудно, но ведь это только до весны! Зацветут яблони в нашем саду, и я опять буду с вами. Я встречу вас—веселых, здоровых, цветущих, как наши яблони!..

Фредерика еще раз всхлипнула и умоляла.

— Спать пора, Бен...

Больше они ни о чем не говорили.

Но Бенджэмин знал, что она согласна. А на другой день, простившись с женой и ребенком, он уже летел на пассажирском аэроплане в Гренландию.

Серо-зеленая пелена Атлантического океана сменилась полярными картинами севера. Ледяная пустыня, с разбросанными по ней кое-где горными вершинами... Временами аэроплан пролетал низко над землей, и тогда видны были хозяева этих пустынных мест—белые медведи. При виде аэроплана они в ужасе поднимались на дыбы, протягивая вверх лапы, как бы прося пощады, потом бросались убегать с нежданной скоростью.

Джонсон невольно улыбнулся им, позабывал суровой, но вольной их жизни.

Вдали показались подземные постройки и аэродром.

— Прилетели!

Дальнейшие события шли необычайно быстро.

Джонсона пригласили в контору «Консерваториума», где записали его фами-

лию, адрес и снабдили номером, который был прикреплен к руке в виде браслета.

Затем он спустился в подземные помещения.

Подъемная машина летела вниз с головокружительной быстротой, пересекая ряд горизонтальных шахт. Температура постепенно повышалась. В верхних шахтах она была значительно ниже нуля, тогда как внизу поднималась до 10 градусов.

Машина неожиданно остановилась.

Джонсон вошел в ярко освещенную комнату, посреди которой находилась площадка с четырьмя металлическими канатами, уходившими в широкое отверстие в потолке. На площадке находилась низкая кровать, застланная белой простыней. Джонсона переодели в легкий халат и предложили лечь в кровать. На лицо надели маску, заставляя его дышать какими-то парами.

— Можно! — услышал он голос врача.

И в ту же минуту площадка с его кроватью стала подниматься вверх. Скоро он почувствовал все усиливавшийся холод. Наконец, холод стал невыносимым. Он пытался крикнуть, сойти с площадки, но все члены его тела как-бы окаменели... Сознание его стало мутиться. И вдруг он почувствовал, как приятная теплота разливается по его телу. Но это был обман чувств, который испытывают все замерзающие: в последнем усилии организм поднимает температуру тела перед тем, как отдать все тепло холодному пространству. В это короткое время мысли Джонсона заработали с необычайной быстротой и ясностью. Вернее, это были не мысли, а яркие образы. Он видел свой сад в золотых лучах солнца, яблони, покрытые пушистыми, белыми цветами, желтую дорожку, по которой бежит к нему навстречу его маленький Самуэль, а вслед за ним идет улыбающаяся, юная, краснощекая, белокурая Фредерика...

Потом все стало меркнуть, и он окончательно потерял сознание.

Через какое-нибудь мгновение оно вернулось к нему, и он открыл глаза.

Перед ним, наклонившись, сидел молодой человек:

— Как вы себя чувствуете, Джонсон?—спросил он, улыбаясь.

Внизу расстилась вечная ледяная пустыня... Та же пересеченная местность, те же оледенелые кратеры.

— Благодарю вас, небольшая слабость в теле, а в общем не плохо! — ответил Джонсон, оглядываясь вокруг. Он лежал в белой, ярко освещенной комнате.

— Подкрепитесь стаканом вина и бульоном, а потом в дорогу!

— Позвольте, доктор, а как же с анабиозом? Он не удался, или на шахтах срочно потребовались рабочие?

Молодой человек улыбнулся.

— Я не доктор. Будем знакомы. Моя фамилия Крукс, — и он протянул Джонсону руку. — Анабиоз удался, но мы об этом еще успеем поговорить. Нас ждет аэроплан!

Джонсон, удивляясь, что с анабиозом так скоро все покончено, быстро оделся и поднялся с Круксом на поверхность.

— А Фредерика-то проплакала, небось, всю ночь, — думал он, улыбаясь скорой встрече.

У входа в подземелье стоял большой пассажирский аэроплан. Кругом расстилалась вечная ледяная пустыня. Была ночь. Северное сияние полосовало небо снопами лучей нежной меняющейся окраски.

Джонсон, уже в теплой шубе, с удовольствием вдыхал чистый морозный воздух.

— Я доставлю вас до дома! — сказал Крукс, помогая Джонсону подниматься по лестнице в кабину.

Аэроплан быстро взвился на воздух.

Джонсон увидел ту же пересеченную местность, те же оледенелые кратеры, появляющиеся от времени до времени на пути, как степные курганы, и тех же медведей, которым он так недавно позавидовал. Вот и древние седые волны Атлантического океана. Еще немного времени, — и на горизонте, в сизом тумане, показались берега Англии.

Кардифф... шахты... уютные коттэджи... Вот виднеется и его беленький коттэдж, утопающий в густой зелени сада... У Джонсона сильно забилося сердце. Сейчас он увидит Фредерику, возьмет на руки маленького Самуэля и начнет подбрасывать вверх.

— Еще, еще, — будет лепетать малыш по своему обыкновению.

Аэроплан сделал крутой вираж и спустился на лужайке у домика Джонсона.

VII. Возвращение.

Джонсон в нетерпении вышел из кабины. Воздух был теплый. Сбросив шубу, Джонсон побежал к дому. Крукс едва поспевал за ним.

Был прекрасный осенний вечер. Заходившее солнце ярко освещало крупные красные яблоки на яблонях сада.

— Однако, — с удивлением произнес Джонсон, — неужели я проспал до осени?

Он подбежал к ограде сада и увидел сына и жену. Маленький Самуэль сидел среди осенних цветов и со смехом бросал яблоки матери. Лица Фредерики не было видно за ветками яблони.

— Самуэль! Фредерика! — радостно закричал Джонсон и, перепрыгнув через низкую ограду, побежал через клумбы навстречу жене и сыну.

Но малыш вместо того, чтобы броситься навстречу отцу, вдруг заплакал, увидя приближавшегося Джонсона, и в испуге бросился к матери.

Джонсон остановился и вдруг увидел свою ошибку: это были не Самуэль и Фредерика, хотя мальчик очень походил на его сына. Молодая мать вышла из-за ветки дерева. Она была одних лет с Фредерикой, такая же светлая и румяная. Но волосы были темнее. Конечно, это не Фредерика! И как только он мог ошибиться! Вероятно, это одна из подруг или соседок Фредерики.

Джонсон медленно подошел и поклонился. Молодая женщина выжидательно смотрела на него.

— Простите, я, кажется, испугал вашего сына! — сказал он, приглядываясь к ребенку и удивляясь сходству с Самуэлем. — Фредерика дома?

— Какая Фредерика? — спросила женщина.

— Фредерика Джонсон, моя жена!

— Не ошиблись ли вы адресом? — ответила женщина. — Здесь нет Фредерики...

— Хорошенькое дело! чтобы я ошибся в адресе собственного дома!

— Вашего дома?..

— А чьего же? — Джонсона начала раздражать эта бестолковая женщина.

На пороге домика показался молодой человек лет тридцати трех, привлеченный, очевидно, шумом голосов.

— В чем дело, Элен?—спросил он, не сходя со ступеньки крыльца и попыхивая коротенькой трубкой.

— Дело в том, — ответил Джонсон на вопрос, обращенный не к нему, — что за время моего отсутствия здесь, очевидно, произошли какие-то изменения... В моем доме поселились другие...

— В вашем доме? — насмешливо спросил молодой человек, стоявший на крыльце.

— Да, в моем доме! — ответил Джонсон, махнув рукой на свой коттедж.

— С кем же я имею честь говорить? — спросил молодой человек.

— Я Бенджэмин Джонсон!

— Бенджэмин Джонсон? — переспросил молодой человек и расхохотался. — Слышишь, Элен?—обратился он к женщине. — Еще один Бенджэмин Джонсон и владелец этого коттеджа!

— Позвольте вас уверить, — вдруг вмешался в разговор подошедший Крукс, — что перед вами, действительно, Бенджэмин Джонсон, — и он указал на Джонсона рукой.

— Это становится занятно. И свидетеля с собой притащил! Но позвольте и вам сказать, что ваша шутка неудачна! Тридцать три года я был Бенджэмин Джонсон, родившийся в этом самом доме и его собственник, а теперь вы хотите меня убедить, что собственник дома Бенджэмин Джонсон, вот этот молодой человек!

— Я не только хочу, но и надеюсь убедить вас в этом, если вы разрешите зайти в дом и раз'яснить вам некоторые обстоятельства, очевидно, неизвестные вам.

Крукс говорил так убедительно, что молодой человек, подумав немного, пригласил его и Джонсона в дом.

С волнением вошел Джонсон в свой дом, который оставил так недавно. Он еще надеялся встретить на обычном месте, у камина, Фредерику и сына, играющего у ее ног на полу. Но их там не было...

С жадным любопытством окинул Джонсон комнату, в которой провел столько радостных и горьких минут.

Вся мебель была незнакомой, чуждой ему.

Только над камином висели еще расписные тарелки елизаветинских времен — фамильная драгоценность Джонсонов.

А у камина, в глубоком кресле, сидел седой, дряхлый старик с завернутыми в плед ногами, несмотря на теплый день. Старик окинул вошедших недружелюбным взглядом.

— Отец, — обратился молодой человек к старику, — вот эти люди утверждают, что один из них Бенджэмин Джонсон и собственник дома. Не желаешь ли заполучить еще одного сына?

— Бенджэмин Джонсон, — прошамкал старик, разглядывая Крукса, — так звали моего отца... но он давно погиб в Гренландии, в этом проклятом леднике, где морозили людей!..

— Позвольте мне рассказать, как было дело, — ответил Крукс. — Прежде всего, Джонсон не я, а вот он. Я—Крукс. Ученый, историк.

И, обращаясь к старику, он начал свой рассказ.

— Вам было, если не ошибаюсь, около двух лет, когда ваш отец, Бенджэмин Джонсон, попался на удочку углепромышленника Гильберта и решил подвергнуть себя «замораживанию», чтобы спасти вас и вашу мать от голодной смерти во время безработицы. Примеру Джонсона скоро последовали и многие другие пострадавшие и отчаявшиеся семейные рабочие. Пустовавший «Консерваториум», на северо-западном берегу Гренландии, быстро заполнился телами замороженных рабочих. Но Карлсон и Гильберт ошиблись в своих расчетах.

«Замораживание» рабочих не разрешило кризиса, который переживал английский капитализм. Даже наоборот: это только обострило разгоревшиеся страсти классовой борьбы. Наиболее стойкие рабочие были возмущены «замороженной человечиною», как называли они применение анабиоза к «консервированию» безработных, и использовали «замораживание», как агитационное средство. Вспыхнула революция. Отряд вооруженных рабочих, захватив аэропланы, направился в Гренландию с целью оживить своих братьев, спавших мертвым сном, и поставить их в ряды борющихся.

Тогда Карлсон и Гильберт, желая предупредить события, дали по радио приказ

своим прислужникам в Гренландии взорвать «Консерваториум», надеясь объяснить это преступление несчастным случаем.

Радиотелеграмма была перехвачена, и Карлсон и Гильберт понесли заслуженное наказание. Однако, радиоволны летят быстрее всякого аэроплана. И когда красные летчики спустились у цели своего полета, они застали только зияющие, дымящиеся пропасти, обломки построек и куски мороженого человеческого мяса... Удалось раскопать несколько нетронутых катастрофой тел, но и эти погибли от слишком быстрого повышения температуры, а, может быть, и от удушья. Работы затруднялись тем, что планы подземных телохранилищ исчезли. Оставалось только поставить памятник над этим печальным местом. Прошло семьдесят три года...

Джонсон невольно вскрикнул.

— И вот, не так давно, изучая историю нашей революции по архивным материалам, в архиве одного из бывших министерств я нашел заявление Гильберта о разрешении ему построить «Консерваториум» для консервирования безработных. Гильберт подробно и красноречиво писал о том, какую пользу можно извлечь из этого средства в «деле изжития периодических кризисов и связанных с ними рабочих волнений». Рукою министра на этом заявлении была наложена резолюция: «Конечно, лучше, если они будут мирно почивать, чем бунтовать. Разрешить»...

Но самое интересное было то, что к заявлению Гильберта был приложен план шахт. И в этом плане мое внимание обратила одна шахта, шедшая далеко в сторону от общей сети. Не знаю, какими соображениями руководились строители шахт, прокладывая эту галерею. Меня заинтересовало другое: в этой шахте могли остаться тела, неповрежденные катастрофой. Я тотчас сообщил об этом нашему правительству. Была снаряжена специальная экспедиция, и приступлено к раскопкам. После нескольких недель неудачных поисков нам удалось открыть вход в эту шахту. Она была почти нетронута, и мы направились вглубь ее.

Жуткое зрелище представилось нашим глазам. Вдоль длинного коридора в стенах были устроены ниши в три ряда, а в них лежали тела. Ближе ко входу, очевидно, проник горячий воздух, при взрыве он сразу убил лежавших в анабиозе людей. Ближе к середине шахт температура, видимо, повышалась более медленно, и несколько рабочих ожило, но они, вероятно, погибли от удушья, голода или холода. Их искаженные лица и судорожно сведенные члены говорили о предсмертных страданиях.

Наконец, в самой глубине шахты, за крутым поворотом, стояла ровная холодная температура. Здесь мы нашли только три тела, — остальные ниши были пустые. Со всеми предосторожностями мы постарались оживить их. И это нам удалось. Первым из них был известный астроном Эдуард Лесли, гибель которого оплакивал весь ученый мир, вторым — поэт Мерэ и третьим — Бенджамин Джонсон, только что доставленный мною сюда на аэроплане... Если моих слов недостаточно, в подтверждение их я могу привести неоспоримые доказательства. Я кончил!

Все сидели молча, пораженные рассказом. Наконец, Джонсон тяжело вздохнул и сказал:

— Значит, я проспал семьдесят три года? Отчего же вы не сказали мне об этом сразу? — обратился он с упреком к Круксу.

— Дорогой мой, я опасался подвергать вас слишком сильному потрясению после вашего пробуждения.

— Семьдесят три года!.. — в раздумьи проговорил Джонсон. — Какой же у нас теперь год?

— Август месяц, тысяча девятьсот девяносто восьмой год.

— Тогда мне было двадцать пять лет. Значит, теперь мне девяносто восемь...

— Но биологически вам осталось двадцать пять, — ответил Крукс, — так как все ваши жизненные процессы были приостановлены, пока вы лежали в состоянии анабиоза.

— Но Фредерика, Фредерика!.. — с тихой вскричал Джонсон.

— Увы, ее давно нет! — сказал Крукс.

— Моя мать умерла уже тридцать лет тому назад, — прокрипел старик.

— Вот так штука! — воскликнул молодой человек. И, обращаясь к Джонсону, он сказал:

— Выходит, что вы мой дедушка! Вы

своему тезке Бенджамину, — а та женщина и ребенок?..

— Моя жена и сын...

— Ваш сын... Значит, мой правнук! Он в том же возрасте, в каком я оставил моего маленького Самуэля!

— Не забывай, что я твой отец! — крикнул с дерева Джонсон расхопившемуся старику.

моложе меня, а у вас семидесятипятилетний сын!..

Джонсону показалось, что он бредит. Он провел ладонью по своему лбу.

— Да... сын! Самуэль! Мой маленький Самуэль — вот этот старик! Фредерики нет... Вы — мой внук, обратился он к

Мысль Джонсона отказывалась воспринимать, что этот дряхлый старик и есть его сын... Старик-сын также не мог признать в молодом, цветущем, двадцатипятилетнем юноше своего отца...

И они сидели смущенные, в неловком молчании, глядя друг на друга...

VIII. Агасфер.

Прошло почти два месяца после того, как Джонсон вернулся к жизни.

В холодный, ветреный сентябрьский день он играл в саду со своим правнуком Георгом.

Игра эта состояла в том, что мальчик усаживался в маленькую летательную машину, — авиэтку с автоматическим управлением. Джонсон настраивал аппарат управления, пускал мотор, и мальчик, громко крича от восторга, летал вокруг сада на высоте трех метров от земли. После нескольких кругов аппарат плавно опускался на заранее определенное место.

Джонсон долго не мог привыкнуть к этой новой детской забаве, неизвестной в его время. Он боялся, что с механизмом может что-либо случиться и ребенок упадет и расшибется. Однако, летательный аппарат действовал безукоризненно.

— Посадить ребенка на велосипед тоже казалось нам когда-то опасным, — думал Джонсон, следя за летающим правнуком.

Вдруг резкий порыв ветра отбросил авиэтку в сторону. Механическое управление тотчас же восстановило нарушенное равновесие, но ветер отнес аппарат в сторону. Авиэтка, изменив направление полета, налетела на яблоню и застряла в ветвях дерева.

Ребенок в испуге закричал. Джонсон, в неменьшем испуге, бросился на помощь внуку. Он быстро вскарабкался на яблоню и стал снимать маленького Георга.

— Сколько раз я говорил вам, чтобы вы не устраивали ваших полетов в саду, — вдруг услышал Джонсон голос своего сына, Самуэля.

Старик стоял на крыльце и в гневе потрясал кулаком.

— Есть, кажется, площадка для полетов, нет, непременно надо в саду! Неслухи! Беда с этими мальчишками. Вот поломаете мне яблоню, уж я вас!..

Джонсона возмутил этот стариковский эгоизм. Старик Самуэль очень любил печеные яблоки и больше беспокоился за целостность яблонь, чем за жизнь внука.

— Ну, ты, не забывайся! — воскликнул Джонсон, — обращаясь к старику-сыну. — Этот сад был впервые разведен мною, когда еще тебя на свете не было! И покрикивай на кого-нибудь другого. Не забывай, что я твой отец!

— Что ж, что отец? — ворчливо ответил старик. — По милости судьбы, у меня отец оказался мальчишкой! Ты мне почти-что во внуки годен! Старших слушаться надо! — наставительно закончил он.

— Родителей слушаться надо! — не унимался Джонсон, спуская правнука на землю. — И, кроме того, я и старше тебя. Мне девяносто восемь лет!

Маленький Георг побежал в дом к матери. Старик постоял еще немного, шевеля губами, потом сердито махнул рукой и тоже ушел.

Джонсон отвез авиэтку в большую садовую беседку, заменявшую ангар, и там устало опустился на скамейку, среди лопат и граблей.

Он чувствовал себя одиноким...

Со стариком-сыном у него совершенно не сложились отношения. Двадцатипятилетний отец и семидесятипятилетний сын, — это ни с чем несообразное соотношение лет положило преграду между ними. Как ни напрягал Джонсон свое воображение, оно отказывалось связать воедино два образа: маленького двухлетнего Самуэля и этого дряхлого старика.

Ближе всех он сошелся с правнуком — Георгом. Юность вечна. Дух нового времени не наложил еще на Георга своего отпечатка. Ребенок в возрасте Георга радуется и солнечному лучу, и ласковой улыбке, и красному яблоку так же, как радовались дети его возраста тысячи лет назад. Притом и лицом он напоминал его сына — Самуэля-ребенка... Мать Георга, Элен, также несколько напоминала Джонсону Фредерику, и он не раз останавливался на ней взгляд тоскующей нежности. Но в глазах Элен, устремленных на него, он видел только жалость, смешанную с любопытством и страхом, — как-будто он был выходцем из могилы.

А ее муж, внук Джонсона, носивший его имя, Бенджамин Джонсон, был далек ему, как и все люди этого нового, чуждого ему поколения.

Джонсон впервые почувствовал власть времени, власть века. Как жителю долины трудно дышать разреженным горным воздухом, так Джонсону, жившему в первую четверть двадцатого века, трудно было примениться к условиям жизни конца этого века.

Внешне все изменилось не так уж сильно, как можно было предполагать.

Правда, Лондон разросся на многие мили в ширину и поднялся вверх тысячами небоскребов.

Воздушные сообщения сделались почти исключительным способом передвижения.

А в городах — движущиеся экипажи были заменены подвижными дорогами. В городах стало тише и чище. Перестали дымить трубы фабрик и заводов. Техника создала новые способы добывания энергии.

Но в общественной жизни и в быте произошло много перемен с его времени.

Рабочих не стало на ступенях общественной лестницы, как низшей группы, группы, отличной от выше стоящих и по костюму, и по образованию, и по привычкам.

Машины почти освободили рабочих от наиболее тяжелого и грязного физического труда.

Здоровые, просто, но хорошо одетые, веселые, независимые рабочие были единственным классом, державшим в руках все нити отечественной жизни. Все они получали образование. И Джонсон, учившийся на медные деньги, почти сто лет тому назад, чувствовал себя неловко в их среде, несмотря на всю их приветливость.

Все свободное время они проводили больше на воздухе, летая на своих легких авиэтках, чем на земле. У них были совершенно иные интересы, запросы, развлечения.

Даже их короткий, сжатый язык, со многими новыми словами, выражавшими новые понятия, был во многом непонятен Джонсону.

Они говорили о новых для Джонсона обществах, учреждениях, новых видах имущества и спорта...

На каждом шагу, при каждой фразе он должен был спрашивать:

— А что это такое?

Ему нужно было нагнать то, что протекло без него в продолжение семидесяти трех лет, и он чувствовал, что не в силах сделать это. Трудность заключалась не только в обширности новых знаний, но и в том, что ум его не был так воспитан, чтобы воспринять и усвоить все накопленное человечеством за три четверти века. Он мог быть только сторонним, чуждым наблюдателем и предметом наблюдения для других. Это также стесняло его. Он чувствовал постоянно направленные на него взгляды скрытого любопытства. Он был чем-то вроде ожившей мумии, археологической находкой занятого предмета старины. Между ним и обществом лежала непреодолимая грань времени.

— Агасфер!.. — подумал он, вспомнив легенду, прочитанную им в юности. — Агасфер, вечный странник, наказанный бессмертием, чуждый всему и всем... К счастью, я не наказан бессмертием! Я могу умереть... и хочу умереть! Во всем мире нет человека моего времени, за исключением, может быть, нескольких забытых смертью стариков... Но и они не поймут меня, потому что они все время жили, а в моей жизни провал! Нет никого...

Вдруг у него в уме шевельнулась неожиданная мысль:

— А те двое, которые ожили вместе со мной там, в Гренландии?..

Он в волнении поднялся. Его неудержимо потянуло к этим неизвестным людям, которые вдруг стали ему так дороги. Они жили в одно время с Фредерикой и маленьким Самуэлем... Какие-то нити протянуты между ними... Но как найти их? Крукс!.. Он должен знать!

Крукс не оставлял Джонсона, пользуясь им, как «живым историческим источником» для своей работы по истории революции.

И Джонсон поспешил к Круксу и изложил ему свою просьбу, ожидая ответа с таким волнением, как-будто ему предстояло свидание с женой и маленьким сыном...

Крукс что-то соображал.

— Сейчас конец сентября... А ноябрь тысяча девятьсот девяноста восьмого года... Ну, да, конечно, Эдуард Лесли должен быть уже в Пулковской обсерватории...

рии, сидеть за телескопом в поисках своих исчезающих Леонид. В Пулковской обсерватории лучший рефрактор в мире. Лесли, конечно, там. Там же вы найдете и поэта Мерэ... Он писал мне недавно, что едет к профессору Лесли.

И, улыбнувшись, Крукс добавил:

— Очевидно, все вы, «старички», чувствуете тяготение друг к другу.

Джонсон наскоро простился и отправился в путь с первым отлетавшим на Ленинград пассажирским дирижаблем.

Он сам не представлял себе, каково будет предстоящее свидание, но чувствовал, что это все, что еще может интересоваться его в жизни.

IX. Под звездным небом.

Дрожащей рукой Джонсон открыл двери зала в Пулковской обсерватории. Огромный круглый зал тонул во мраке.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, Джонсон увидел стоявший среди зала гигантский телескоп, напоминавший дальнобойную пушку, направившую свое жерло в одно из отверстий в куполе. Труба была укреплена на массивной подставке, вдоль которой шла лестница в пятьдесят ступеней. Лестницы вели и к площадке для наблюдения, на высоте трех метров. С этой площадки, сверху, слышался чей-то голос.

— ...Отклонение от формы растянутого эллипса и приближение к форме параболы происходит в зависимости от особенного действия масс отдельных планет, которому кометы и астероиды подвергаются при своем движении по направлению к солнцу. Наибольшее влияние в этом отношении как раз оказывает Юпитер, сила притяжения которого составляет почти тысячную долю притяжения солнца...

Когда Джонсон услышал этот голос, четко раздавшийся в пустоте зала, когда он услышал эти непонятные слова, на него напала робость. Зачем он пришел сюда? Что скажет профессору Лесли? Разве эти параболы и эллипсы не так же непонятны ему, как и новые слова новых людей? Но отступить было поздно, и он кашлянул.

— Кто там?

— Можно видеть профессора Лесли?

Чьи-то шаги быстро простучали по железным ступеням лестницы.

— Я — профессор Лесли. Чем могу служить?

— А я Бенджамин Джонсон, который... который лежал с вами в Гренландии, погруженный в анабиоз... Мне хотелось поговорить с вами...

И Джонсон путанно стал объяснять цель своего прихода. Он говорил о своем одиночестве, о своей потерянности в этом новом, непонятном для него мире, даже о том, что он хотел умереть...

Наверно, эти, новые, не поняли бы его. Но профессор Лесли понял тем легче, что многие переживания Джонсона испытал он сам.

— Не печальтесь, Джонсон, не вы один страдаете от этого разрыва времени. Нечто подобное испытал и я, так же, как и мой друг Мерэ, — позвольте его представить вам!

Джонсон пожал руку спустившемуся Мерэ, по старой привычке, давно оставленной «новыми» людьми, которые восстановили красивый и гигиенический обычай древних римлян поднимать, в знак приветствия, руку.

— Вы что же, тоже из рабочих? — спросил Джонсон Мерэ, хотя тот очень мало походил на рабочего.

— Нет! Я поэт.

— Зачем же вы замораживали себя?

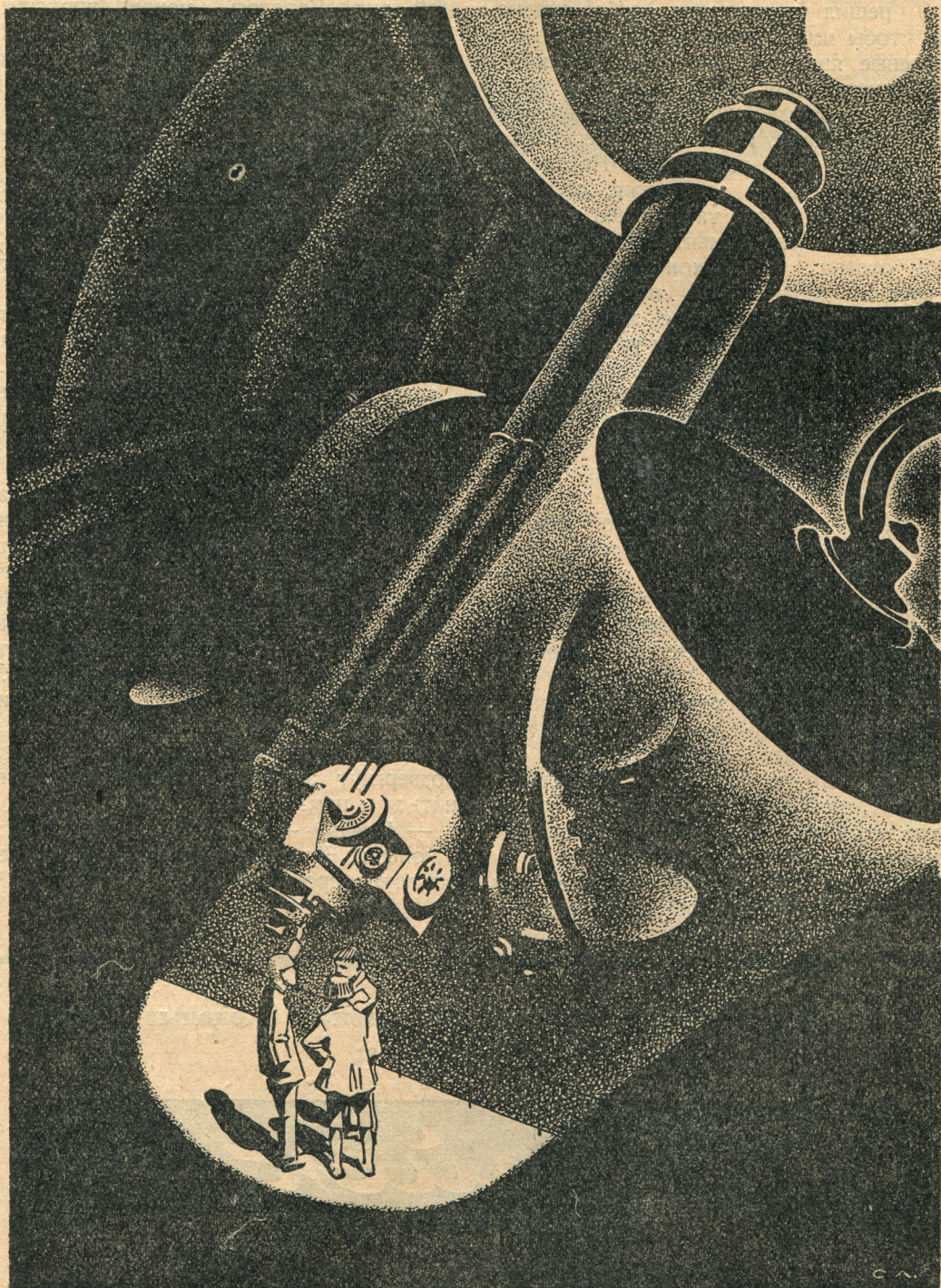
— Из любопытства... а, пожалуй, и из нужды...

— И вы пролежали столько же времени, как и я?

— Нет, несколько меньше... Я пролежал сперва всего два месяца, был «воскрешен», а потом опять решил погрузиться в анабиоз. Я хотел... как можно дольше сохранить молодость! — и Мерэ засмеялся.

Несмотря на разность по развитию и по прежнему положению, этих трех людей сближала общая, странная судьба и эпоха, в которую они жили. К удивлению Джонсона, беседа приняла оживленный характер. Каждый многое мог рассказать другим.

— Да, друг мой, — обратился Лесли к Джонсону, — не один вы испытываете оторванность от этого нового мира. Я сам ошибся во многих расчетах!

Там, — Лесли указал на звездное небо, — время исчисляется миллионами лет. Что значат для звезд наши столетия?..

Я решил подвергнуть себя анабиозу, чтобы иметь возможность наблюдать небесные явления, которые происходят через несколько десятков лет. Я хотел разрешить труднейшую для того времени научную задачу. И что же? Теперь все эти задачи давно разрешены. Наука сделала колоссальные открытия, раскрыла за это время такие тайны неба, о которых мы не смели и мечтать!

Я отстал... Я бесконечно отстал,— с грустью добавил он после паузы и вздохнул. — Но все же я, мне кажется, счастливее вас! Там,—и он указал на купол,—время исчисляется миллионами лет. Что значат для звезд наши столетия?.. Вы никогда, Джонсон, не наблюдали звездного неба в телескоп?

— Не до этого было, — махнул рукой Джонсон.

— Посмотрите на нашего вечного спутника луну!—и Лесли провел Джонсона к телескопу.

Джонсон посмотрел в телескоп и невольно вскрикнул от удивления.

Лесли засмеялся и сказал с удовольствием знатока.

— Да, таких инструментов не знало наше время!..

Джонсон видел луну, как-будто она была от него на расстоянии нескольких километров. Огромные кратеры поднимали свои вершины, черные зияющие трещины бороздили пустыни...

Яркий до боли свет и глубокие тени придавали картине необычайно рельеф-

ный вид. Казалось, можно протянуть руку и взять один из лунных камней.

— Вы видите, Джонсон, луну такую, какую она была и тысячи лет тому назад. На ней ничего не изменилось... Для вечности семьдесят пять лет — меньше, чем одно мгновение. Будем же жить для вечности, если судьба оторвала нас от настоящего! Будем погружаться в анабиоз, в этот сон без сновидений, чтобы, пробуждаясь раз в столетие, наблюдать, что творится на земле и на небе.

Через двести-триста лет мы, быть может, будем наблюдать на планетах жизнь животных, растений и людей... Через тысячи лет мы проникнем в тайны самых отдаленных времен. И мы увидим новых людей, менее похожих на теперешних, чем обезьяны на людей...

Быть может, Джонсон, будущие обитатели нашей планеты низведут нас на степень низших существ, будут гнушаться родством с нами и даже отрицать это родство? Пусть так... Мы не обидчивы. Но за то мы будем видеть такие вещи, о которых и не смеют мечтать люди, отживающие положенный им жизнью срок... Разве ради этого не стоит жить, Джонсон?

По нашей просьбе, меня и Мерэ снова подвергнут анабиозу. Хотите присоединиться к нам?..

— Опять? — с ужасом воскликнул Джонсон. Но после долгого молчания он глухо произнес, опустив голову:

— Все равно!..

В следующем номере журнала „Всемирный Следопыт“ будет помещен рассказ:

Необычайные приключения капитана Фурга.

Рисунки худ. В. Ватагина.

1. Загадочный бриг.

Трехмачтовое судно «Звезда Волн» было задержано штилем среди Атлантического океана, в четырехстах милях от Мадеры, на обратном пути с Антильских островов в Бордо. Капитан Фург и его помощник Робер, стоя на юте, рассматривали в бинокль парусник, слабо намечавшийся вдалеке, непонятные движения которого казались им подозрительными. Напрягая зрение, оба они старались понять, почему на этом судне не видно ни одного паруса, тогда как «Звезда Волн» всеми своими парусами ловила малейшее дуновение ветерка.

— Бьюсь об заклад, — сказал Фург, выдвигая трубки бинокля, — что это покинутое судно.

— Но ведь оно вовсе не похоже на судно, потерпевшее кораблекрушение, — возразил Робер, пристально всматриваясь. — Паруса его брошены, это правда, но рангоут, видимо, не попорчен.

— Ну, что вы говорите! В такой штиль всякий уважающий себя капитан развесит все тряпки по концам швабр. Чорт побери! Только бы ветер хоть к ночи немного усилился. Нет, нет, держу хоть какое-угодно пари, на судне нет ни одной живой души.

— Это было бы не плохо. Весь груз наш! Тем хуже для тех, кто дает судну болтаться среди океана. Это, должно быть, из тех бригов, которые гуляют в Сенегал и Конго за дорогим лесом, за каучуком, за птицами и животными. Такой груз — сущий клад, не хуже золота. И стоит только нагнуться, чтобы набить карманы.

— Может быть и так, — ответил Фург довольно сухо, украдкой наблюдая за

Робером, лицо которого осветилось алчной улыбкой. — Смотрите ка, задувает! — прибавил он, подняв голову к парусам. — Только бы ветер немного продержался, и мы к вечеру будем там. Спустим шлюпку, и я пойду на бриг. Я почти уверен, что нам удастся привести парусник в Бордо.

— Я поеду с вами, — сказал Робер, — Позвольте мне набрать команду и доверьте мне управление бригом.

— Как бы не так! — воскликнул капитан. — Доверить судно вам и вашей шайке бездельников! Да за кого вы меня принимаете? Чтобы вы, найдя какой-нибудь укромный порт, там распродали в розницу груз, да вдобавок к нему и самое судно!

— Что вы, капитан! — воскликнул Робер с достоинством. — Вы меня оскорбляете. На этом бриге потребуется не больше шести-семи человек команды. Вам нечего и беспокоиться самому. Оставайтесь на «Звезде Волн». Мы отлично справимся одни и доведем судно до Бордо.

— Я знаю, что говорю. Я сам, слышите ли, один, войду на судно. Я, Фург, сам осмотрю его от рангоута до трюма. А, если будет надо, то и заночую там.

— Но, ведь вы рискуете, капитан!

— Эти две руки, вооруженные револьверами, ничего не боятся. Да, я уж стреляный волк. Тому не поздоровится, кто попадется мне в лапы. Всю ночь, Робер, вы будете лежать в дрейфе, в двух-трех кабельтовых от брига. Завтра утром вы подойдете, я вам прокричу все распоряжения. Если судно не в порядке, мы его потащим на буксире. Если оно цело, вы наберете команду, и мы пойдем вместе. Но до тех пор, кроме меня, там ни-

кто не смеет распоряжаться. Это понятно? Ветер крепчает. Стойте на мостике, пока я схожу в каюту. Предупредите меня, когда будете подходить к бригу.

Выражение лица и голос Фурга не допускали возражений. Робер ничего не ответил, посмотрел вслед капитану и направил «Звезду Волн» к загадочному судну.

Вечером к нему подошли поближе; оно не давало ответа ни на призывные сигналы, ни на крики команды; не оставалось никакого сомнения, что это разбитое судно. Паруса не были закреплены и праздно болтались, как тряпки. Никто им не управлял. Палуба и мостик были пусты. Покинутое на волю судьбы, судно должно было стать добычей того, кто его найдет.

Фург поднялся на палубу. В его правом кармане лежали два револьвера и запас патронов. В левом — пачка свечей, клубок ниток, хороший нож, табак, огниво. Вот и весь багаж. Настоящему моряку ничего больше и не надо.

Когда вельбот подехал к неподвижному бригу, Фург, взобравшись на покинутое судно, отослал людей обратно:

— Оставайтесь там до утра, что бы ни случилось. Это судно — загадка. Мне никого не надо.

Фург ничего не боялся. Ему, однако, было известно, с какими неожиданностями можно встретиться на море. Взойдя на пустой мостик, он вооружился револьверами. Одну руку направил вперед, другую выставил сзади. А сам тем временем осматривался. Все было тихо.

— Недурной бриг! — тихо проговорил он. — Не совсем новый, но в порядке. Все снасти на месте, четыре-пять человек отлично справятся с судном. Все отлично, прилажено, все под рукой. Но почему не поставлены паруса? Почему судно брошено? И сраженья тут, видимо, не было! Ничего не поломано, все в порядке, не видно следов крови! Паруса все целы! Чорт возьми! Забросить судно, которое само просится в плавание!

Фург предвидел загадку, но надеялся быстро ее решить. А между тем, все было непонятно. Осторожно подвигаясь, он направился к корме корабля, туда, где должна была находиться каюта капитана. Он нисколько бы не удивился, если

бы нашел там его труп. Это все-таки была бы разгадка. Но в каюте на століке стояла пустая чашка, пустая сахарница, лежала неразвернутая салфетка, нетронутый прибор. Все указывало на то, что готовились к раннему завтраку. Недоставало только человека. В открытом ящике видна была морская аптечка. Сквозь открытый люк над самым столом Фург увидел потемневшее небо. Блестела звездочка.

— Надо зажечь свечу. Мертвецы где-нибудь в другом месте.

Он сошел на палубу. Все было тихо и пустынно. Он уже начинал ко всему готовиться. Бриг слабо покачивался на волнах. Брасы натягивались, реи скрипели. Ничего не было слышно, кроме этих сухих и коротких звуков. Однако, какая-то жизнь чувствовалась на бриге. Словно кто-то притаился. Ему послышалось, что кто-то рычит, визжит, стонет. Левая рука Фурга, державшая свечу, покрылась потом, правая нервно сжимала револьвер.

— Ну вот, теперь уж мне начинает чужиться! — бормотал он, освещая свечей все закоулки. — Ведь нет же ни одной живой души. Не приведения ли это уж хохочут и визжат, как обезьяны в лесу? Надо спуститься в трюм. Если и там никого не окажется, то бриг мой! Да, мой! А тут должно быть не мало всякого добра. Но кто ж это шевелится там, сзади?! Выходи, мерзавец, мне надоело дрожать! Выходи же, выходи! Где ты? Вот тебе, вот и вот еще!

Три выстрела прервали тишину мертвой ночи. Пули пробили фальшборт, очень далеко одна от другой. Последовало ужасное молчание. Фург осветил свечей дыры, но не видел ничего, кроме трех черных точек. Очень высоко, наверху мачты, скрипел такелаж... Бриг жил таинственной жизнью.

— С ума я, что ли, схожу! — пробормотал Фург, снова заряжая револьвер. Будь кто-нибудь передо мной, я бы его уколошил, и рука бы не дрогнула. А тут приходится стрелять на ветер! Никого тут нет, на этом бриге, слышишь ты? Кроме тебя нет никого, и бриг тебе принадлежит. Удержи ка свое сердце, а то оно что-то расшалилось. Лучше сойдем поскорее в трюм, посмотрим, не спря-

тался ли кто там. А потом можно выйти на палубу, там раскурить трубочку.

Фург спустился. Как опытный моряк, он без труда нашел трапы и люки, ведущие в трюм. Оттуда доносился крепкий запах драгоценного дерева. Темные, крепкие доски свалены были плотной кучей. Это было целое богатство. Пришлось итти согнувшись, так как трюм был битком набит. Свеча бросала слабый свет в этот таинственный сумрак, полный благоухания.

II. Кто там?!

Между тем, сверху доносились неопределенные, необъяснимые, непонятные звуки. Что это? Топот ли чьих-то невидимых ног? Скрип ли мачт и снастей? Фург поминутно останавливался, прислушиваясь и сжимая револьвер. В ушах у него шумело, сердце готово было выпрыгнуть.

— Ну, и ерунда же! — злился он, — никого тут, кроме меня, нет. Ведь я все осмотрел.

В камбузе все припасы за железной решеткой было нетронуты. Бочки с маслом, ящики с сухарями, красные сыры, — все было приготовлено и все оставлено. Ключ валялся на земле. Фург взял его с собой. Отчего они ничего не взяли? Какое ужасное несчастье опустошило бриг? Никто ни к чему не притронулся! Не с неба же опустилась рука и всех их сонных повыбросила за шиворот в море? Тут что-то неладно. Вот опять зашумело на палубе.

Он попытался определить, понять звуки. Нечеловеческие, резкие, они были похожи на крик сумасшедшего. Но ведь это только скрипели рей, колеблемые боковой качкой. Фург отер лоб.

— Жаль, что я не взял с собой Робера. Он трусливее меня, и я бы над ним посмеялся. Ну, надо вылезать из трюма, а то этот запах меня дурманит. Мне всюду мерещатся чудеса. А дело-то очень просто. Они все погибли. Каким образом? — Неизвестно. Где они? — На это никто не даст ответа. И куда они дели всех птиц, которые тут были? Клетки все пустые, а они были закрыты. Только один пух остался на полу. Как-будто их ошипали. Одна только клетка открыта. Там, наверно, сидел человек, и они в траги-

ческую минуту забрали его с собой. А не то, может быть, он сам вышел. Замок сломан, ключа нет. Но какие это идиоты перебили людей и животных — и оставили судно со всеми его богатствами? Не меньше, чем на полмиллиона леса...

Уф! Наконец-то выбрался из трюма! Ну, теперь взойду на мостик. Ничего не слышно. Ну, надо загасить свечу и посмотреть, далеко ли «Звезда Волн». Да, где же она, чорт побери? Ночь-то какая темная, ни зги не видно. Есть ли живая душа на судне? Отвечай! Выходи! Лучше убей меня, только не молчи!

Никакого ответа. Конец мачты покачивался между двумя звездами. Чернела мрачная бездна океана. Прислонившись спиной к мачте, опершись ногами на брус, Фург стоял, будучи не в силах побороть ужаса. Сердце его колотилось с страшной силой. Он закричал как только мог громко, чтобы заглушить неизъяснимые звуки брига.

— Мерзавцы! Они ушли и оставили меня одного! Они знают, что судно это проклято! Робер расскажет в Бордо, что я покинул «Звезду Волн», что я ограбил корабль. Тут есть кто-то, я ведь знаю. Выходи скорей, кто бы ты ни был, я хочу тебя видеть. Не хочу умереть, не выдав. Только не сзади! Только не сзади!

Свежий ветер поскрипывал в снастях. Бриг как бы упрашивал, чтобы его пустили в ход, ему хотелось двигаться, рассекал волны. Но паруса его были брошены. Никто не подставлял их ветру. Фург, прислонившись спиной к мачте, повернулся в одну, другую, третью сторону. Сзади, спереди, справа, слева — все было на месте. Глаз его привык к темноте и ясно видел очертания. Вверху, над головой, марсель выделялся темным пятном на фоне созвездия. Вокруг были протянуты пеньковые и провололочные снасти, темными линиями спускавшиеся с неба.

— Ну, час от часу не легче! — ворчал Фург. — Уж не околдовали ли меня? Если бы это было днем, легче было бы разобраться, и в ушах бы не так шумело. Однако, надо взять себя в руки. «Звезда Волн» ушла, это ясно, надо ее догонять. Бриг этот крепок и хорошо сложен. Надо только поднять грот-марсель! Ну,

Робер, что, взял, брат? Далеко от меня не уйдешь!

Его опытные руки отыскивали фал главного паруса. Крепкое тело его выпрямилось, мускулы напряглись, жилы на руках надулись. Но поднять марсофал и тяжелый парус не так-то легко! С этим делом справлялись пять-шесть человек. Ему не хватало сил.

— Ты, видно, не Геркулес, — ворчал он. — А досадно, что не можешь воспользоваться этим ветром. Так бы славно было распустить паруса и помчаться вдогонку за беглецами. Ну, попробую как я опустить фок и натянуть бизань. Если и это мне будет не по силам, так, значит, пора в отставку. Днем виднее будет, может быть, справлюсь и со штилем. Но, что это такое? Чем вымазаны веревки? Концы их словно в смоле, у меня пальцы прилипают. А палуба суха, как трут, вот уже три недели не было дождя!

Дрожь пробежала по телу Фурга. Слух мог его обманывать, но осязание давало вполне реальное ощущение. Его ужас был так велик, что он уже не пытался кричать. Надо было во что бы то ни стало узнать, понять непонятное. Пусть он сойдет с ума, но этой пытки больше терпеть не может...

Фург сломал десять спичек, прежде чем зажег свечу.

Став на колени на палубе, он осветил кснец шкота, какой-то обрывок. Все было мокрое и в то же время растерзанное, как-будто кто-то грыз, жевал, сосал снасти. Веревки были почти теплые, точно их вот-вот смочила чья-то слюна. Волосы встали на голове Фурга.

— Так и есть, — пробормотал он. — Я, кажется, готов. Вот к чему привела меня эта жизнь на море, это тропическое солнце, эти бессонные ночи! Нет, не мне ввести в гавань этот бриг. А «Звезда Волн» уже далеко. Но шум продолжается... Теперь мне кажется, что судно наклоняется налево, теперь оно двигается, словно кто-то поднял марсель, который я не мог подвинуть ни на один миллиметр. Дай ка я посмотрю! Так и есть, парус поднят!

Фург закрыл лицо руками, чтобы не видеть это ужасное, необъяснимое. Затем он уже ничего не помнил, тело его тяжело опустилось на палубу, голова

стукнулась обо что-то твердое. Свеча вывалилась из рук и погасла. Мало-помалу, однако, он пришел в себя. Звезды сияли над его головой, поднятый парус раздувался ветром. Это было слишком ужасно, и Фург закрыл глаза.

Вдруг он почувствовал, что какая-то сила схватила его за плечи, потащила его по палубе, задевая за выступы и снасти. Его подняли и потащили вверх, вдоль вантов и штагов.

— Если только я уцелею, — шептал, как во сне, Фург, — я буду рассказывать, как я умирал и как меня тащили на небо. Ну, вот, теперь мы остановились, кажется, добрались до реи. Попробую ка я открыть глаза. Да, уж не ослеп ли я?

Сперва Фургу трудно было разобаться. Да, это была рея. В сорока футах под его ногами была палуба брига, над его головой звезды.

Вдруг чье-то горячее дыхание коснулось его лица, послышался сильный, омерзительный запах. Фург хотел обернуться, но чьи-то сильные руки, как клещами, сжали его плечи. Он мог только нагнуть голову, но этого было достаточно, чтобы увидеть то, что он увидел. Тут только он понял, что не умер и не грезит. Видение было слишком реально. Осознав ужасную действительность, он понял, что гибель его неминуема.

III. Не на живот, а на смерть.

Горилла, громадная африканская горилла, обнюхивала его лицо. Пасть ее была полуоткрыта, поблескивал ряд страшных зубов. Маленькие глазки ее, вонзившись в лицо Фурга, как бы ощупывали его. Она прижимала к своей волосатой груди эту куклу, с которой еще не решила, как поступить. Она уже давно высматривала его с высоты реи, только поджидала минуты, когда бы лучше его прикончить.

Фург пошевелил руками, чтобы достать револьвер, но железные тиски так сжали его, что кости чуть не захрустели. Боль окончательно привела его в сознание.

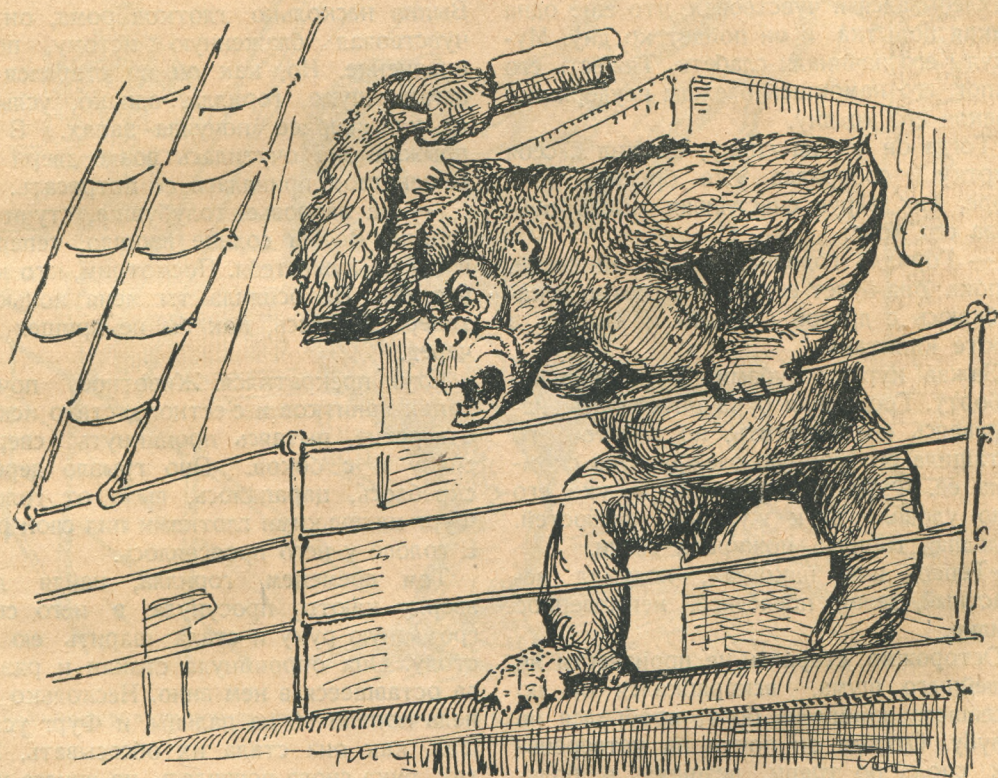
— Ну что ж, — проворчал он. — Растерзай меня, и дело с концом! Чего ты

юлишь и притворяешься? Так вот и раз-
гадка всему. Это ты всех побросала в
море. Ты открыла клетку и всех уко-
кошила. А я, идиот, ломал себе голову.
А камбуз ты и не смогла открыть, решет-
ка слишком крепка. И теперь ты поды-
хаешь с голоду и жажды. Ты жуешь ве-
ревки. Когда ты увидела, что я подни-
маю марсель, то вскарабкалась и дернула
фал, каналья ты эдакая. А фал остался
в блоке. Бриг тронулся. Полегче, отпусти

метровой глубины. — Ведь я старый мо-
ряк, такие ванны мне нестрашны.

К счастью, опять штилело, бриг почти
не двигался.

Энергично рассекая воду руками, он
в несколько минут был возле брига, схва-
тился за конец, висевший за бортом, и
принялся карабкаться. Но сверху на не-
го глядело ужасное лицо чудовища; рука
его, казавшаяся необъятной длины, гото-
ва была схватить пловца за горло.

Она хватала куски дерева, валявшиеся на палубе, и бросала в надоевшего ей упрянца.

хоть немного! С каким бы удовольствием
я всадил штук двенадцать пуль в твою
башку!

Взбешенный Фург извергал целый по-
ток ругательств прямо в лицо чудовищу.
Вдруг, как-будто брань вывела ее из се-
бя, горилла подняла Фурга вверх, раска-
чала его и со всего размаха бросила в
море.

— Вот, так-то лучше, — сказал Фург,
выплывая на поверхность воды с шести-

— Нет, тут дело не выйдет, — и Фург
сильным ударом ноги отделился от суд-
на. — Надо попытаться проскользнуть
как-нибудь незаметно.

Он несколько раз проплыл вдоль бри-
га, стараясь взобраться незаметно то с
одной стороны, то с другой. И каждый
раз над бортом появлялась безобразная
голова, и страшная лапа опускалась к
воде. Горилла мало-по-малу начинала
раздражаться. Она хватала куски дере-

ва, валявшиеся на палубе, и со всей силы кидала их в надоевшего ей упряма, который ни за что не хотел исчезнуть.

Фург нырнул, увертывался. Палки и щепы попадали ему на спину, на плечи, но вода задерживала силу удара.

— Еще пять минут, и я готов. Попробую выстрелить, а там будь, что будет...

Но карманы его были пусты, револьверы давно упали в море. Оставались только свечи, которые удержались, благодаря своей длине. Он выбился из сил, захлебывался и чувствовал, что еще одна такая попытка и он пойдет ко дну. Мышцы его начинали слабеть. Тяжесть его сапог, его намокшей одежды неудержимо влекли его ко дну.

Тогда он лег на спину, стащил с себя куртку и собирался уже бросить ее в море, как вдруг счастливая мысль озарила его мозг:

— Горилла голодна. Брошу ей свечи, а пока она будет есть, я незаметно вскарабкаюсь с другой стороны и запрусь в каюте капитана.

Зажав куртку зубами, Фург подплыл к борту. Громадная рука опустилась, намереваясь его схватить, но вместо него вытащила его мокрую одежду. Она скомкала ее. Фург прислушался, и ухо его ясно уловило звук жующих челюстей. Голодная горилла пожирала свечи.

«Теперь или никогда», подумал несчастный, делая последнее, невероятное усилие.

Осторожно, стараясь не произвести ни малейшего шума, вскарабкался он по висевшему концу на борт, пробрался на палубу. Отсюда он почти на четвереньках сполз по трапу, ведшему в большую каюту, неслышно открыл дверь, проскользнул туда, запер дверь на задвижку и завалил всем, что мог сдвинуть. После этого он повалился на диван, едва дыша от усталости. Язык его совсем пересох, в голове кружилось и шумело. Он прислушался. Над его головой, сквозь узкий люк, чуть-чуть брезжила заря. Все было тихо. Вдруг послышался шум. Горилла тяжелыми прыжками обегала палубу, ища неприятеля.

— Ищи, ищи! — улыбнулся Фург. — Дай же я выпью глоточек воды, хоть немного прояснится в уме. — Посмотрим потом, чья возьмет!

Он ошупью пробрался в соседнюю кладовку, отыскал стакан, подставил его под кран, наполнил водой и с жадностью поднес ко рту.

— Немного рому дела бы не испортило, — сказал он, утолив жажду.

Ступая на носках, он неслышно передвигался по каюте и открывал ящики, которые заметил раньше и в которых он нашел лекарства и разного рода жидкости. Обоняние безошибочно подсказывала ему, что находилось в сосуде. Выпив несколько глотков рома, он почувствовал блаженную истому, почти опьянение. Но, как он ни старался избежать шума, горилла, однако, услышала или, вернее, почуяла запах. В два прыжка она очутилась возле двери и с бешенством принялась ее потрясать.

— На здоровье, голубушка, стучи погромче. Вот и солнце взошло, теперь я вижу не хуже тебя. Посмотрим, кто кого одолеет. Не осилила ты меня ночью, а теперь берегись, как бы не пришел мой черед.

Стук прекратился. Животное, почуяв запах напитков и с'естного, стало искать отверстие, пытаясь проникнуть сверху, снизу и с боков. Оно грызло дерево, скреблось, царапалось, выло от голода. Фург маленькими глотками пил свой ром. В голове у него прояснялось.

Тем временем, горилла, найдя люк вверх каюты, просунула в него свою громадную руку и стала шарить ею по столу. Она опрокинула стакан и разлила оставшееся в нем вино. Несколько капель попало ей на пальцы, и Фург услышал, как она стала их обсасывать. Затем рука снова появилась, но ничего уже не нашла на столе. Плечо гориллы опускалось все ниже и ниже, но раздвинуть отверстие она была не в силах. Фург вернулся в кладовку. В голове его созрел план.

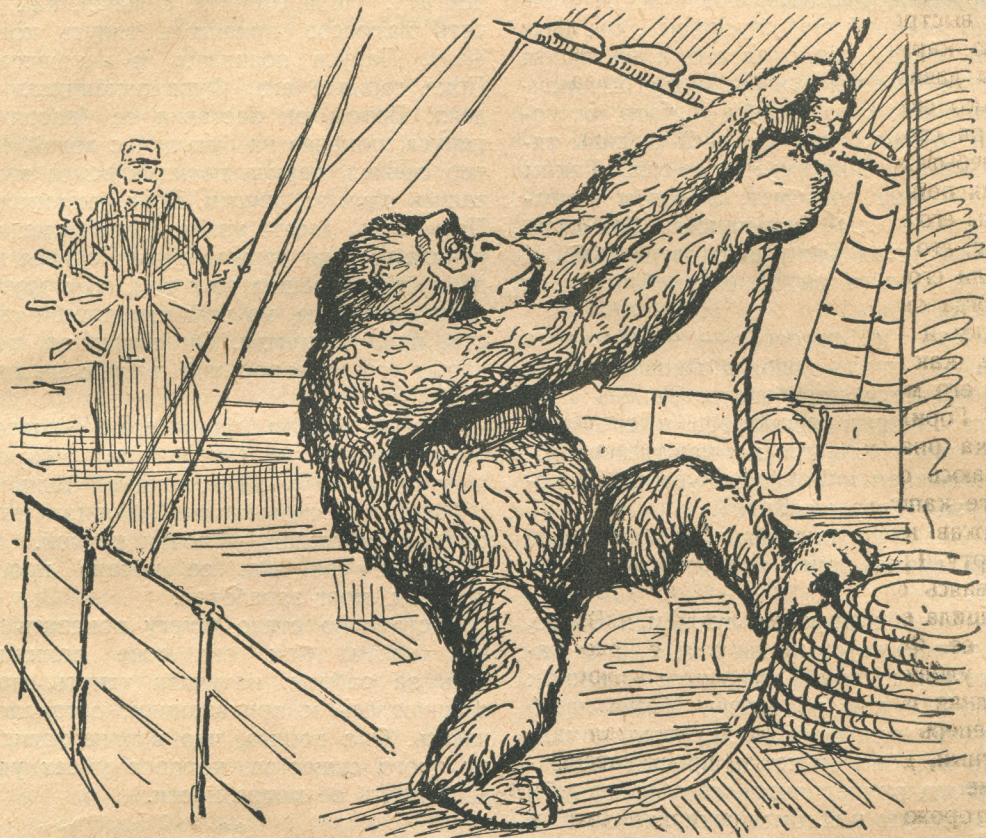
— Да будет благословен тот, кто устроил это отверстие таким узким, что в него не может пролезть горилла. Тебе хочется пить, голубушка. Отлично: я тебя напою, только прибавлю несколько капель опия. Это не вредно, ты заснешь часов на двенадцать непробудным сном. Вот и все. Тем временем я подумаю... А через неделю мы будем в Бордо. Ты умеешь ставить паруса? Ага!

Я буду капитаном, ты — моей командой, ты одна. И вот посмеемся мы над «Звездой Волн» и ее шайкой.

Фург отыскал в аптечке пузырек с опиумом. Рука гориллы продолжала шалить, размахивая, как маятник. Став,

кольца. В эти кольца он вдел цепи. Затем подтащил к ним бесчувственную гориллу.

— Жаль будет, если я переборщил, — бормотал он. — Горилла не должна умереть.

Горилла принималась за работу: начинала тянуть, прислушивалась к приказаниям, оставалась на месте.

как можно дальше, Фург поднес животному большую кружку с приготовленной смесью. Рука моментально исчезла.

Горилла одним глотком опорожнила сосуд, причмокивая от удовольствия. Затем послышался топот ее тяжелых ног, наконец, она остановилась и со всего размаху грохнулась. Все затихло.

IV. Ты будешь матросом!

Весь следующий день Фург провел за работой. Он нашел два железных кольца, которые привинтил около мачты. Моряки умеют крепко ввинчивать такие

Но грудь животного равномерно поднималась. Оно было живо, и страшно было думать, что оно проснется внезапно.

Фург два раза обмотал железную цепь вокруг шеи гориллы; распилив одно из звеньев, вставил туда конец цепи, забил его молотком. Другую цепь он укрепил таким же образом у задней части туловища.

— Пусть ты будешь сильна, как пять чертей, все равно ты не порвешь цепь и не вывернешь колец.

Окончив работу, Фург отправился в камбуз, где подкрепился обильным завтраком. Сухари с маслом, мясные кон-

сервы, большой кусок сыра, стаканчик доброго вина. Потом он поднялся на палубу и поставил на пол сосуд с пищей, приготовленный для его спутника.

Вымерив высоту каждой мачты, длину каждой снасти, отделявшей точку, на которую паруса были подняты, от точки, до которой они спускались, он, взяв конец фала, размотал его и на одном кончике укрепил сухарь, к другому привязал кусок сыра. Чтобы достать их, горилла должна будет изо всей ее силы тянуть веревку. Голод удвоит ее силы. Таким образом, она поднимет, а потом направит грот-марсель, фок-марсель, брамсель. Фург высчитал длину шкотов, гафелей. К разным концам он привязал бутылки с водой.

— Вот и готово! — пробормотал Фург. — Если ты голодна и хочешь пить, тебе придется поработать. Теперь пойдем, посмотрим хронометр и секстант. Надо определить, где мы находимся. Потом повернем к Бордо и пустимся в погоню за «Звездой Волн».

На юте Фург определил по положению солнца время, нанес местоположение на карту.

— Через неделю мы придем в Бордо, если только ветер не сыграет с нами какой-нибудь шутки. С таким помощником все пойдет как по маслу. У хорошего капитана должна быть хорошая команда. Но вот она, кажется, просыпается.

Горилла приподнялась, села на палубе, человеческим жестом протерла глаза и вдруг издала сердитый и вместе с тем жалобный вой. Она была сердита, что опять видит около себя этого человека, и, кроме того, она была голодна. Одним прыжком она очутилась на юте, но тотчас же упала, вытянув руки и вертя головой. Опять поднявшись, она принялась грызть цепь, рвать ее руками с горла.

Но при каждой попытке цепь сжималась все сильнее, спинной хребет все крепче стискивался. Бешеные крики, сумасшедшие прыжки сменились, наконец удивлением, жалобой, потом перешли в просьбу, мольбу. Она хотела пить, хотела есть и просила ее накормить и напоить. Фург подошел и бросил ей несколько кусков сухарей, которые она тотчас же подняла и проглотила. Потом

он показал ей привязанные к веревкам лакомства, которые она должна была заработать.

Горилла понюхала, подтащила цепи, вытянула жадные руки. Но Фург хорошо рассчитал. Ни еду, ни питье нельзя было достать. Тогда горилла, сильная, как десять матросов, принялась тянуть конец фала. Паруса поднялись и натянулись. Пока горилла ела, Фург заканчивал ее дело. Потом он заставил ее бросить паруса, показав на бутылки с водой. Ветер свежел, паруса поднимались и вздувались один за другим. Бриг наклонился. Пять, семь, десять узлов. Вода шумела и пенилась. Фург держал руль. По мере надобности он вешал то с той, то с другой стороны мачты, на той или другой снасти, пищу и питье. Он следил за тем, чтобы его четверорукий матрос не пресытился.

Иногда, когда сон его одолевал, он забывался, но был уверен, что его помощник не учинит никакой ошибки.

Прошло несколько дней. Горилла приумирела и сделалась почти ручной.

Вскоре сознание ее начало пробуждаться, мозг заработал.

Достаточно стало Фургу показать ей на снасти, как она уже принималась за работу: начинала тянуть, прислушивалась к приказаниям, останавливалась. Она поняла, что вполне зависит от этого существа, которое умеет удовлетворять ее потребности.

Когда на горизонте показались берега Франции, человек и горилла были уже друзьями. Цепи были сняты одна за другой.

Матросы и публика в гавани с удивлением смотрели на это судно, о котором «Звезда Волн» еще утром сообщила, как о погибшем.

Капитан Фург, обнявшись с гориллой, рассказал обо всех перипетиях путешествия. Он передавал такие подробности, которые казались невероятными. Горилла же подтверждала его слова, ласково, с преданностью глядя ему в лицо. Ей не доставало только слов, чтобы выразить чувства любви и уважения к этому существу, спасшему ее от голодной смерти.

В ПОДЗЕМНОМ ЛАБИРИНТЕ

Приключения землемера в горах Азербейджана.

Рассказ С. Лихачева.

Палящее солнце жгло бесплодные пески и невысокие, лишенные растительности, горы. Маленькая станция казалась вымершей. Лишь Каспий монотонным шумом своих упорных валов нарушал тишину. Термометр показывал 45° тепла. Южный ветер, раскаленный, как дыхание ада, слабыми порывами обдувал пустыню, шевелил жалкими стеблями полыни, но не приносил желаемого облегчения.

На платформе, на одной из скамеек, угрюмо глядя на вырисовывавшиеся в море острова Обливной и Дуваный, сидел пассажир, сошедший с последнего бакинского поезда. На вид ему можно было дать лет тридцать. Это был догнавший свою партию помощник землемера Дежнев.

Вот уже три часа прошло с тех пор, как поезд, привезший его из города, отгремел по направлению к Алятам, а фургона, который должен был отвезти его на место работ, все еще не было. Дежнев встал и начал нервно ходить по платформе. Что могло задержать возчиков? Наконец, землемер пошел справляться к начальнику станции. Оказалось, что известившая о его приезде телеграмма за неимением оказии не была передана на место работ и фургона ждать было нечего.

Дежнев сдал имевшиеся при нем вещи знакомому рабочему, набрал во флягу свежей воды, подробно расспросил о направлении неизвестной ему дороги и отправился в лагерь пешком.

Партия, в которой он работал, находилась в это время между вершинами Саффери и Таурога, верстах в тридцати от станции. Дорога к месту лагеря сначала шла берегом реки, а затем терялась, извиваясь в лабиринте низких, но крутых кряжей, пересекавших местность. Русло было абсолютно сухо, и воды нигде не было.

Воздух, пропитанный запахом полыни, был чист и приятен. Вокруг ни души. Татарское кочевое население, спасаясь от жары, ушло в горы, и кишлаки стояли пустыми. Дежнев прошел верст пятнадцать, после чего начал плутать и, наконец, понял, что заблудился. Пришлось ночевать в горах.

На следующий день он снова принялся за розыски лагеря. Сначала все шло хорошо, но, когда вода вышла, землемер понял все легкомыслие своего поступка. На расстоянии пятидесяти верст, от Сангачал до Шемахинки, летом нет ни капли влаги. Источники пересыхают сплошь, и воду можно найти только в перпиллях (небольших вулканических озерах).

Надо было во что бы то ни стало выбраться отсюда. Дежнев решил поискать воды. В течение нескольких часов все его старания были безуспешны. В конце концов, он увидел небольшую лужу и бегом направился к ней. Однако, то, что казалось водой, было лишь белой соляной коркой высохшего озера.

Медленно двинулся Дежнев дальше. Усталость и жажда все больше и больше давали себя чувствовать. Он стал задыхаться и с трудом передвигал ноги. Рот высох, голова болела, виски были сжаты, как тисками. Он огляделся вокруг, ища места, где бы можно было укрыться от зноя. Но солнце было высоко, и раскаленные камни не давали тени, а деревьев не было на тридцать верст в окружности. Солнце жгло его голову и тело, несмотря на то, что на нем была одета широкая панاما и толстая белая суконная рубашка. На юге, чтобы спастись от солнечных лучей, люди не раздеваются, а, наоборот, одеваются.

Горы кончились, началась широкая равнина. Справа она тянулась, насколько хватал глаз; слева ее ограничивал поперечный кряж. Впереди, на расстоянии нескольких верст, виднелась громада

Таурога. Гора эта — действующий вулкан. Вершина ее — частью земляная, частью представляет собою кратер, имеющий приблизительно версту в диаметре. Внутренность его заполнена остывшей лавой, оставшейся от предыдущего извержения. Дождевая вода, веками стекая по скатам, образовала ряд глубоких, расходящихся от вершины, впадин. Местами, просачиваясь еще глубже, она вырыла пещеры и подземные галереи. Все они, соединяясь между собой, образуют лабиринт, служащий убежищем змеям, тарантулам, ящерицам и скорпионам. Безжизненная с первого взгляда пустыня на самом деле густо населена.

Дежнев стал искать глазами, не видно ли где-нибудь случайно проезжающего фургона или татарского всадника. Но равнина была пуста, только песчаный смерч, как сказочный великан, маячил вдали. Постоянно останавливаясь, прошел Дежнев пространство, отделявшее его от подножия Таурога. Тут он решил не обходить огромную гору, а, чтобы лучше ориентироваться в местности, взобраться на ее вершину.

Однако, при подеме силы окончательно оставили его. Синие круги пошли перед глазами, далекие горы покрылись какой-то белой дымкой, казалось, тысячи чаек перелетают с места на место... Голова его закружилась, он оступился и соскользнул с утеса, краем которого шла тропинка, прямо в одну из подземных галлерей.

**

Сознание опасности сразу вернуло Дежнева к жизни. Он ухватился рукой за торчавший корень и повис на нем. Затем он попытался вцепиться рукой в стену пещеры и подняться выше, но подъем был слишком крут и порода слишком мягка: песок моментально осыпался. Он снова повис на корне, за который уцепился.

Дежнев осмотрелся вокруг. Отверстие, выходившее в верхнюю расселину, находилось всего на расстоянии двух сажен над его головой, однако, было совершенно недоступно. Внизу чернело дно галлерей. Спуск к нему был очень крут,

но не отвесен. Дежнев сделал еще попытку взобраться наверх, но она снова кончилась неудачей. Он провисел в таком положении около часу. Руки его разжались, корень трещал, в конце концов, не выдержал, оборвался, — и Дежнев снова заскользил в страшную темноту. Но он успел повернуться на спину и вытянуться вдоль стенки обрыва, что спасло ему жизнь.

Очнулся он уже на дне подземелья и, сколько времени длился этот обморок, — он не знал. Ушибы, полученные при падении, были не велики, но кожа на его спине была исцарапана, а платье изорвалось по дороге. Дежнев поднялся на ноги и стал кричать. Он вполне сознавал, что положение его безвыходное. Голос его бесконечным эхом перекачивался по галлереям, но, вероятно, слабо звучал наверху.

Пленник осмотрел свою темницу. Вереница песчаных арок подземелья, сажени в две высотой, с одной стороны спускалась вниз, с другой — подымалась вверх, по направлению к вершине горы. Из-за темноты концов галлерей не было видно.

Землемер начал спускаться вниз, — подземелье, ведь, могло иметь наружный выход. Иногда оно было совершенно темное, иногда, когда сверху встречалось новое наружное отверстие, оно опять становилось светлым. Но все эти отверстия были недоступны для подема. Галлерей становилась все ниже и ниже. Вот уже можно идти только согнувшись, вот высота уже не превышает полутора аршина.

Наконец, Дежнев опустил на четвереньки и пополз, ориентируясь руками, чтобы не свалиться в какую-нибудь яму. Темнота была полная. Вскоре свод понизился настолько, что приходилось двигаться вперед уже на животе. Дежнев полз, пока не убедился, что дальнейшее движение невозможно. Он хотел вернуться обратно, когда увидел перед собой две блестящие точки и услышал злобное шипение. Удар, инстинктивно нанесенный имевшейся у него в руках палкой, спас его. Два глаза отлетели куда-то вправо и бесильно заметались по земле: он перебил змею шею.

Дежнев начал выбираться кверху. Галерея имела и боковые разветвления. Своды ее то повышались, то понижались. Пройдя под отверстием, через которое он свалился в пещеру, землемер стал подыматься по направлению к вершине, пока не уперся в поперечную песчаную стену. Однако, подъем ее был не настолько крут, чтобы нельзя было попробовать взобраться к имевшемуся наверху отверстию. Десять раз пытался сделать это Дежнев, но десять раз терпел неудачу, пока, обессиленный и окровавленный, не растянулся на земле. Песок оседал под ногами, — это была обманчивая опора.

Оставалось испробовать боковые галереи. Не теряя энергии, Дежнев направился в одну из них и скоро попал в пещеру, параллельную первой. Тут он повернул направо.

Дежнев двигался около получаса, когда легкое журчанье достигло его слуха. «Вода», — молнией промелькнула у него мысль. Он начал искать и искал недолго. Родник пробивался из стены пещеры и струился по ее дну куда-то вниз, в темноту. Дежнев пил, пил без конца. Он обмыл свои раны и умылся сам. Затем усталость и пережитые впечатления взяли свое, он выбрал место поглаже, лег, положил руки под голову и моментально заснул.

Темнело. Вокруг блестящих светящихся точек, но спящий не видел их. Да и змеи не обращали никакого внимания на неподвижно валявшееся тело.

Когда Дежнев проснулся на следующее утро, он долго не мог сообразить, где он. Слабый свет падал на него через верхнее отверстие. В подземелье было прохладно. Около журчал ручей.

Дежнев снова начал свои скитания по подземному лабиринту. Если исчезла жажда, то голод давал себя чувствовать все сильнее. Нужно было во что бы то ни стало поесть и выбраться наружу. Галереи разветвлялись, соединялись, переплетались, образуя нечто вроде ажур-

Руки его разжимались, корень трещал.

ного кружева. Казалось, вся внутренность горы была пустая.

Боясь потерять источник, Дежнев исследовал пока только ближайшие пещеры. Он выяснил, что источник исчезал в расселине и уходил под землю и что верхний конец второй галереи был так же недоступен, как и верх первой. Ему удалось проникнуть на один ярус ниже, выше той галереи, в которую он по-

гал сначала. Но верхние отверстия, выходящие в ущелья, шедшие над галлереями, были везде недоступны, а других выходов не было.

В одном месте странный белый предмет привлекал его внимание. Он подошел ближе и вздрогнул. Это был человеческий череп. Кто был умерший от голода или укуса скорпиона в этом проклятом месте? Неужто и ему суждена такая же участь? Дежнев вдруг дико закричал от ужаса. Но что это там... еще один белый предмет и еще один. Его глазам представились кости рук и ног, черепки, обломки первобытного оружия. Это место оказалось пещерой троглодитов. Теперь буйная радость овладела Дежневым. Если тут жили люди, тут должен быть и наружный выход! С удвоенными силами, почти бегом, продолжал он свои розыски, но попрежнему безуспешно.

Желание напиться заставило его вернуться к источнику. Тут он заметил крупного скорпиона. Насекомое, величиной с кулак, с угрожающим видом двигалось вперед, как-будто говоря: «Прочь с дороги, я тут хозяин». Если бы оно встретило слона, оно и ему не уступило бы места. Скорпион привык к тому, что все звери сторонятся его. Он боится только барана. Овца — животное глупое, а потому и не избегает этого маленького чудовища. Ужаленная, она начинает кататься по земле и, совершенно не думая о том, давит своей тяжестью ядовитое насекомое. Кроме того, скорпион путается в ее шерсти. Поэтому спать на кожаном полушубке или войлоке абсолютно безопасно.

Но, если скорпион — господин пустыни, то человек — господин природы. Дежнев хорошо был знаком с нравами скорпиона. Он знал, что существуют три вида схожих насекомых: тарантулы, фаланги и скорпионы. Все они живут семьями. Если убить одного из них, то любящие родственники начинают поиски и успокаиваются не раньше, чем похоронят дорогого покойника в своих желудках. Можно даже определить порядок их появления. Самка отыскивает самца, а ее отыскивает вся семья вместе. Все они ядовиты весной и сравнительно безопасны осенью, перед зимней спячкой. Фаланга плюется, скорпион и тарантул

жалят, один своими бивнями, другой — своим жалом.

Дежнев, убив скорпиона каблуком своего сапога, стал ждать: он решил избавиться от своих врагов раньше, чем они искушают его ночью. Как он и ожидал, первой, двигаясь прямо по следу убитого мужа, явилась самка, с которой он быстро расправился. Затем он раздавил шестерых детенышей. Одного из них, шедшего по верхнему своду пещеры, он не заметил и чуть-чуть не был ужален маленьким чудовищем.

В один из промежутков этой охоты Дежнев заметил шедшую по дну пещеры черепаху. Он поймал и перевернул ее на спину (положенная так черепаха уйти не может). Затем он собрал валявшиеся кое-где корни и сухую траву и устроил небольшой костер. После голодовки полусырая черепаха показалась ему лакомым блюдом.

Покончив со скорпионами, Дежнев потушил костер и с полным сознанием своей безопасности улегся и заснул. Вдруг до чуткого слуха спящего долетел болезненный крик: «Ай! Ай!». Дежнев прислушался. Призыв повторился. Тогда он вскочил на ноги и с криком: «Иду, иду!», ежеминутно рискуя свалиться в какую-нибудь яму, бросился бежать по галлее. Ему казалось, что где-то в глубине подземелий погибает человек.

Дежнев не знал, что случилось и будет ли он в состоянии помочь. Но чувство одиночества было в нем так велико, что он без колебания шел, может быть, на верную смерть. А стогласое эхо пещер между тем вторило страшному крику. Вот он ближе и ближе. Дежнев уже хотел чиркнуть спичку, но — что это? — голос стал удаляться. Казалось, кто-то смеется над ним, перебегая в бесконечных переплетениях галлерей. Уж не сумасшествие ли это?.. Внезапно он почувствовал движение воздуха, что-то пронеслось мимо его головы, и тот же голос крикнул ему в самое ухо: «Ай! Ай!»...

Это была ночная птица.

Дежнев вернулся обратно, но до следующего утра сон уже больше не смыкал его глаз. Бесконечно долго тянулась ночь среди абсолютной темноты, а развести костер он боялся, так как огонь привлекает скорпионов.

На следующий день, нехотя позавтракав новой черепахой, Дежнев пустился на дальнейшие поиски выхода, — опять безуспешные. За свою дальнейшую судьбу он был более или менее спокоен: другие черепахи будут приходить на водопой, а травы и кореньев для костра в подземелье было достаточно. Днем он даже сварил суп в пустом панцире черепахи.

Под вечер мимо пробежала лиса. Дежнев снова приободрился: она не могла попасть сюда без входа. Добравшись по следам до норы, он заглянул в нее. Она имела наружный выход, слабый свет падал туда сверху. Однако, отверстие было слишком мало. Дежнев начал окапывать края норы перочинным ножом. Он рыл, выкидывая землю, снова рыл, создавая узкий, достаточный для движения его тела, проход. Он бросил работу только тогда, когда уперся в твердый, неуязвимый для его ножа пласт.

Неизвестно, как долго продолжились бы еще подземные похождения Дежнева, но случайно он набрел на мазутный источник, стекавший по стене отверстия между двумя расположенными друг над другом галереями. Над первым отверстием имелось второе, выходящее уже наружу. Тут ему пришла счастливая мысль. Если поджечь источник, огонь и дым должны были рано или поздно привлечь чье-нибудь внимание наверху. Конечно, он страшно рисковал при этом. В галлее могли быть газы, которые могли опалить его. Но... чем смерть от ожога хуже смерти от укуса тарантула?

После недолгого колебания Дежнев чиркнул спичку. Газов не оказалось! Тогда он стал сносить в одно место сухую траву, корни, солому из лисьих нор, начал копать и собирать в одно

место землю, пропитанную нефтью, и дым зажженного источника, усиленный горением всех этих материалов, стал высоко подыматься через верхнее отверстие. Теперь Дежнев надеялся, даже — больше: он ждал...

Это место оказалось пещерой первобытных людей.

На Сэффери расположилась землемерная партия.

Года за два до этого вся вершина этой горы была перевернута вырвавшимся из ее кратера столбом огненных газов. Теперь большой кратер утих, но Сэффери успел за это время образовать несколько маленьких. Некоторые из них так малы, что их можно прикрыть шапкой. Они абсолютно безобидны и только плюются грязью.

Был праздничный день, и инженер собирался скрыть один из таких «кратеров» себе на память, когда к нему подбежал запыхавшийся возчик-молоканин.

— Смотри, смотри, дымится... трясение будет!

Инженер обернулся. Из склона Таурогая подымалась легкая струйка дыма... Инженер решил из предосторожности остаться на вершине Сэффери.

Однако, гора, с небольшими перерывами, продолжала дымиться день, два, а землетрясения все не было. Любопытство взяло верх, и начальник партии в сопровождении одного рабочего отправился на разведку.

**
*

Шум шагов и голоса привлекли внимание Дежнева, занимавшегося в это время подкладыванием сухой травы в костер. Сначала он заволновался так, что дыхание захватило. Но потом опомнился и закричал. Ему не ответили, но голоса в следующий раз раздались ближе. Вот небольшой камень, очевидно, упавший из-под ног идущих, свалился на дно пещеры. Кто-то остановился над отверстием, сверху посыпался песок. Дежнев закричал опять.

— Эй, кто там внизу? — раздался голос сверху.

Дежнев назвал себя.

— Как ты попал сюда? — неожиданно перешел на ты невидимый собеседник, — впрочем, об этом потом; скажи скорее, через какое отверстие удобнее спустить тебе веревку. Ты не расшибся при падении?

Пока рабочий ходил в лагерь за народом, Дежнев вкратце рассказал товарищу, что с ним случилось.

Веревку спустили в ближайшее отверстие, находившееся в той же галлее, несколько повыше. Дежнев привязался к ней и стал подниматься наверх, однако, на половине дороги веревку затерло между камнями, и он повис в воздухе. Пришлось опустить вторую веревку. Дежнев обвязался ею, продолжая висеть. Его приподняли на ней, чем сняли тяжесть с первой. Освободить ненатянутую веревку было уже легко, но Дежнев сделал неловкое движение при подъеме на двух веревках и перевернулся вверх ногами. В этом положении спасенного, наконец, вытащили наружу.

Солнечные лучи, несколько дней тому назад так невыносимо палившие его, теперь казались ему райским светом. Раны Дежнева были перевязаны, его накормили, и час спустя он уже вместе со своими избавителями потихоньку ехал к лагерю.

Давая здесь снимок с телеграммы, напечатанной в прошлом году в газете «Известия ЦИК СССР», редакция «Всемирного Следопыта» сообщает, что читатели нашего журнала, которые интересуются находкой человека неведомой расы и его дальнейшей судьбой, найдут в следующем номере нашего журнала

новый рассказ А. Белыева „Белый дикарь“.

Первобытный человек в Гималаях.

ЛОНДОН. 7 мая. (По телефону от наш. ленинградского корр.). Итальянский ученый совершил новую экспедицию по Тибету, встретил в

Гималайских горах на высоте 15 тысяч футов дикара, принадлежащего к неизвестной до сих пор расе первобытных людей.

Рассказ А. Рома.

I.

Судебный следователь Паоло Минетти небрежно бросил пенснэ на раскрытое «дело», провел левой ладонью по высокому лбу, орлиному носу, выступавшему из красных, толстых щек, и зажал седеющую бородку.

— Уведите его!..

Три карабинера, с шашками наголо, в черной форме с красными кантами и в треуголках, украшенных перьями, увели арестованного — молодого человека в рабочем костюме, с загорелым лицом, на которое тюрьма уже наложила сероватый налет.

Оставшись один, следователь, не спеша, закурил длинную сигаретку, отпил из стакана ледяную воду с красным вином и устало посмотрел в окно. Оконная решетка четко выделялась на сверкающей поверхности Средиземного моря. Вдали синели пизанские холмы.

Минетти смахнул мух, облюбовавших его влажный лоб, и досадливо крикнул.

Вот уже две недели, как он сидит в этой дыре — Вольтерра, вызванный сюда для допроса пяти обвиняемых, помещенных в местной тюрьме, похожей на средневековый замок с камерами-клетками для одиночного заключения.

Минетти, завзятый театрал и страстный любитель музыки, был огорчен до глубины души, когда его вызвали сюда из Ливорно в самый разгар гастролей Миланской оперы.

Но, ознакомившись с делом, он утешился.

Дело было интересное и много обещало для его карьеры в случае удачного исхода.

Для него было уже честью, что вести следствие поручили именно ему. Предстоял громкий политический процесс.

При проезде итальянского премьер-министра на автомобиле через Сиену в него был произведен выстрел из толпы, не причинивший вреда. Подоспевшая на место происшествия полиция общественной безопасности арестовала, по подозрению, пятерых человек и овладела вещественным доказательством — револьвером, брошенным на землю. Но кто именно произвел выстрел, выяснить не удалось. Ни у кого из арестованных оружия найдено не было. Не удалось установить и принадлежности кого-либо из них к какой-нибудь «преступной политической организации».

Явно, что при таком положении дела нельзя было предъявить обвинение ко всем пятерым. Нужно было во что бы то ни стало добыть более веские улики. Но как?.. Личное признание было бы лучше всего. Однако, несмотря на весь свой опыт, на все профессиональные уловки и ухищрения, Минетти не мог добиться признания. Все пятеро арестованных категорически отрицали свое участие в покушении на жизнь премьер-министра и при этом смотрели на следователя такими невинными глазами, что он выходил из себя.

— Или все они продувные бестии и стреляли впятером из одного револьвера, или... или стрелял шестой, чорт их всех поberi!..— бормотал Минетти, оставшись один после допроса.

Время шло... Гастролирующая труппа давно уехала из Ливорно, но, чорт с ней, — другая придет. Четырнадцатый день прошел так же бесплодно, как и тринадцать предыдущих, впрочем, не совсем так. В этот день из Рима был прислан запрос, скоро ли Минетти закончить следствие и передаст дело в Трибунал.

Это уже хуже. Еще один такой запрос, и Минетти могут отозвать, а на его место прислать другого следователя. И тогда—

прощай мечты о переводе в Рим или Турин... Хорошо, если еще не переведут куда-нибудь с понижением, в Кальтани-зетту или Сассари, где умрешь от скуки...

От одной этой мысли Минетти почувствовал, что у него начинается мигрень.

Надо действовать быстро, решительно.

— О, проклятые мухи!..—Следователь вынул красный фуляровый платок и накинул его на голову. — Идеофон!.. — проговорил он, улыбнулся какой-то мысли и отрицательно покачал головой.

Наброшенный на голову платок напомнил ему рассказ старого зрителя тюрьмы о том, что местный кандидат на судебные должности, синьор Беричи, изобрел аппарат, при помощи которого можно «слушать чужие мысли» — идеофон. На голову надевается металлический колпак, от которого идут проволоки к телефону...

— Челуха какая-то! — проговорил вслух Минетти. — А, впрочем, чем я риску? Хоть развлекусь немного. Отупел совсем! — И он, вызвав зрителя тюрьмы, попросил пригласить синьора Беричи с его аппаратом.

II.

Синьор Беричи не заставил себя долго ждать. Через полчаса дверь с шумом раскрылась, и в комнату вбежал изобретатель идеофона с саквояжем в руках.

Минетти ожидал увидеть молчаливого, сосредоточенного человека, одного из тех маниаков, которые ломают себе голову над квадратурой круга или изобретают «вечный двигатель». Но перед ним вертелся веселый, живой, как обезьяна, черноволосый, курчавый неаполитанец. Уж не ошибка ли это?

Однако, гость поспешил рассеять сомнения следователя.

— Очень рад познакомиться... Беричи... тот самый!.. А вот и мое детище.

И, крепко пожав руку следователя, улыбаясь во весь рот, сверкая белыми зубами, ни на минуту не умолкая, Беричи стал вынимать из саквояжа «идеофон».

— Вот металлический колпак... Он надевается на голову человека, чьи мысли вы хотите узнать. Очень полезная штука для судебных следователей и ревнивых

мужей... Заявлю патент и положу себе в карман миллион лир!..

При этом Беричи так насмешливо щурил глаза, что невозможно было понять, говорит ли он серьезно или мистифицирует, желая сыграть веселую шутку.

Минетти не успел вставить ни одного слова, а Беричи продолжал трещать, как граммофон, пластинка которого вращается с необычайной быстротой.

— Вам, вероятно, известно, синьор Минетти, что по последним научным изысканиям, наша нервная система и мозг являются трансформатором электромагнитных волн. Результат работы мозга — наша мысль — излучает особые электро-волны. Надо только поймать их и произвести обратную трансформацию электро-волн в мысли, в звучащие мысли, если хотите. Металлический колпак — приемник. Вот этот ящик — усилитель электромагнитных колебаний, производимых мыслью, а вот этот ящик — обратный трансформатор. Здесь электро-волны оформляются в звукомысли. А вот это приемный телефон. Ясно, как молодой месяц, не правда ли?..

Минетти неопределенно промычал.

— Разрешите сделать опыт... Я уже распорядился привести сюда одного из пяти арестованных, по имени Селла.

И, не ожидая ответа, Беричи раскрыл дверь и крикнул:

— Введите!

Карабинеры ввели арестованного.

Беричи носился по кабинету, расставлял мебель и прилаживал аппарат.

Минетти с гримасой недоверия следил за всей этой суетой. Он уже раскаивался в своей затее развлечься «идеофоном».

— Усаживайтесь на этот стул, — обратился Беричи к арестованному, — мы сейчас наденем вам на голову вот эту красивую шапочку и пустим самый маленький электрический ток.

Арестант вздрогнул. Лицо его побледнело.

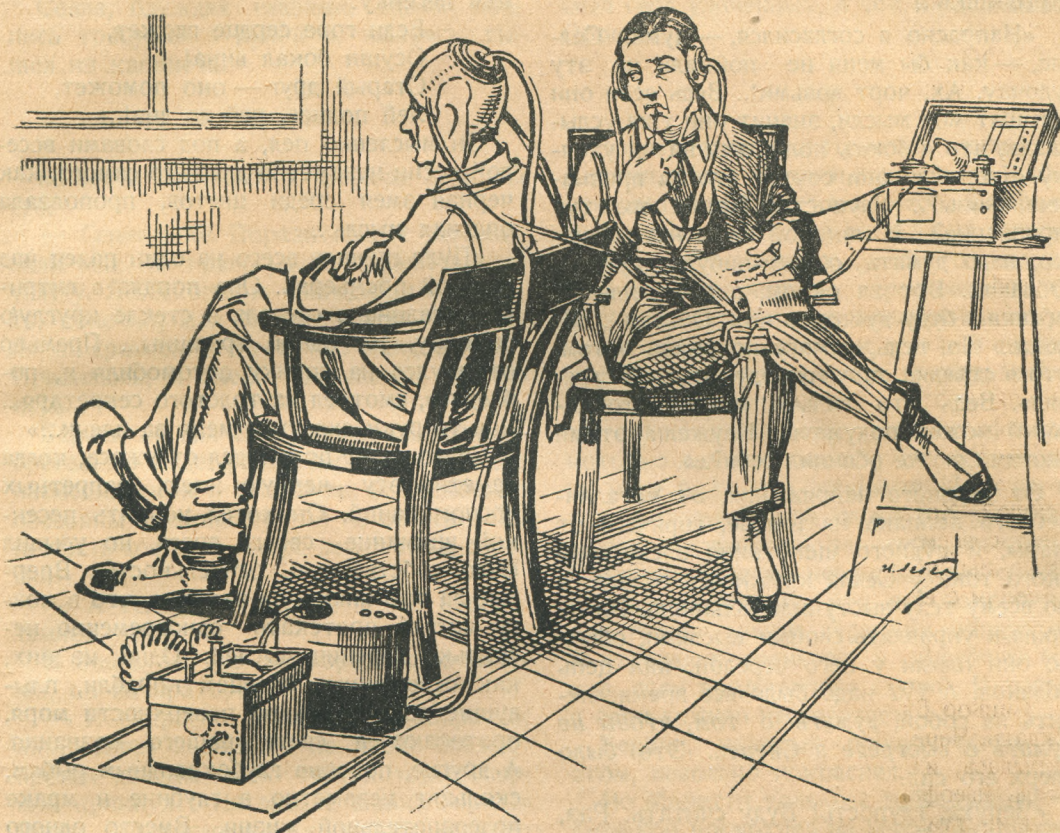
— С каких это пор, — ответил он, — в Италии без суда казнят людей электричеством?..

Беричи громко рассмеялся.

— Ничего подобного! — и он надел себе на голову металлический колпак. — Вот смотрите. Эта штука столь же безопасна для жизни, как ваша собственная

шевелюра. Это новый аппарат, при помощи которого можно слушать ваши мысли. И если вы невиновны, то должны охотно согласиться на опыт: мы тотчас же убедимся, что ваша совесть чиста, как стерилизованное молоко.

— Ведь не больно? Даже приятно, не правда ли? И предохраняет голову от мух. Вот так. А я усядусь здесь, за вами, буду слушать в телефон и записывать ваши безгрешные мысли. Сидите совершенно спокойно и думайте, о чем хотите.

О скоро Селла начал испытывать боязнь погубить себя неосторожной мыслью.

Селла вопросительно посмотрел на следователя.

— Ручаюсь вам, Селла, что ваша жизнь вне опасности, — нетвердо проговорил Минетти. Правду сказать, в эту минуту он сам сомневался в безопасности опыта, но отступать было поздно.

Селла подумал и, махнув рукой, уселся в кресло.

Беричи быстро надел на голову арестанта металлический колпак и что-то повертел в одной из коробочек. Послышалось жужжание индукционной катушки. Легкий ток пополз, как прикосновение муравьиных ножек, по голове арестанта. Селла вздрогнул и поморщился.

И изобретатель идеофона уселся в кресло с телефонными наушниками на голове и с карандашом и блок-нотом в руках.

III.

Наступило жуткое молчание. Тишина нарушалась только жужжаньем индукционной катушки. Минетти и карабинеры с тревогой следили за опытом.

Через несколько минут Селла привык к проходившему по голове току и почти уже не ощущал его. Но скоро он начал испытывать нечто более мучительное: боязнь погубить себя неосторожной мыслью. Он изнемогал от внутренней борь-

бы. Необычайным усилием воли он старался отвлечь свои мысли от опасных воспоминаний. Но непокорная мысль возвращалась к этим запретным местам памяти, как мотылек к пламени свечи, которое рано или поздно обожжет его крылышки...

«Напрасно я согласился, — думал Селла, — как бы меня не поймали на эту удочку. Ах, чорт возьми!.. Ведь если они слышат мои мысли, значит они уже услышали, что я боюсь попасться на их удочку. Что, если они сочтут это за признание вины?.. Глупости! Какое же тут признание?.. И никакой вины нет. Однако, надо думать о чем-нибудь другом... Облака... Вот за окном, в небе, плывут облака... буду думать о них. Облака... облака... Но, ведь, я могу подумать о том, что я стрелял, просто подумать: «Я стрелял». Ведь это только мысль! Это каждый может подумать. Неужели этими словами я уже обвинил себя?..».

От нервного напряжения, от металлического колпака на голове, горячего от жары, и нудного щекотания электрического тока у Селла кружилась голова, и по всему телу выступила испарина. Он не привык управлять своими мыслями, обычно они плыли у него чередой, как цепь облаков. А тут надо было все время следить за собой, думать о том, чтобы не думать о выстреле в Сиене... Это было сверх его сил.

«Чепуха, глупость! Буду считать. Раз, два, три... Премьер-министр ехал в черном автомобиле со своим толстым секретарем... четыре, пять... Переодетые сыщики изображали народ, приветствовавший «любимого» вожда... шесть, семь... опять я думаю об этом! Ну, и что ж из этого?.. Ведь, я случайно находился на месте происшествия!.. И потом это только мысль... Анжелика... — вдруг неожиданно подумал Селла о жене. — Как она волнуется!.. А Миксуэль, вероятно, доволен. Он остался мне должен. Вот, вот, буду думать о своем».

Но через несколько минут его мысли вновь витали над роковой площадью в Сиене.

Вдруг Селла показалось, что он избрал очень остроумный способ борьбы с врагом, подслушивающим его мысли.

«Эй, вы, синьор! Слушайте!.. Я стрелял, я не стрелял. Я стрелял, я не стрелял. Записывайте, если хотите, но записывайте все! Что, взяли?..»

Селла улыбнулся. Он стал весел.

«Если хотите, синьор, я мысленно спою вам песенку:

Если горе сердце гложет,

Осуши бокал вина!

Старый друг — оно поможет,

Лей полнее, пей до дна!..»

Он мысленно пел, а под словами веселой песни незаметно для него самого, как черная змея среди цветов, проползала опасная мысль...

«Пуля прошла всего на один палец над головой премьера... Она попала в витрину магазина и сделала в стекле круглую дырочку. Ни одной трещины... Премьер откинулся на спинку автомобиля и, поблуднев, смотрел на толстого секретаря... Чьи-то руки схватили меня за плечи...»

Селла вдруг похолодел от ужаса, когда заметил эту черную змею запретных воспоминаний. Он хотел усыпить песенкой внимание своего врага, но уснул свою собственную бдительность. Впервые за всю жизнь он заметил, что в мозгу могут протекать одновременно несколько верениц мыслей. Одни из них, как освещенные солнцем корабли, плывущие по зеркальной поверхности моря, протекают в свете нашего сознания. А другие, подобно глубоководным рыбам, скользят незаметно в глубине и мраке подсознательной жизни. Вместо одного врага, одной вереницы мыслей, их было несколько — тысячи цепочек мыслей, за которыми невозможно уследить... Что если все их можно подслушать этим чертовским аппаратом?..»

Селла похолодел. Он скрипнул зубами и не мог сдержать стога. Его нервное напряжение готово было перейти в истерический припадок. Он уже хотел крикнуть: «Довольно! Я виновен!», чтобы скорее прекратить эту попытку.

И, как только он подумал об этом, жужжание индукционной катушки вдруг прекратилось.

— Ну, что ж, достаточно! — услышал он голос Беричи, сделавшийся вдруг сухим и официальным.

— К сожалению, вы оказались не столь невинным... За это время, как я слушал

ваши мысли, вы не раз, не два и не три выдали себя, хоть и пытались отвлечь свои мысли от опасных воспоминаний... Извольте же подписать заявление о том, что вы признаете себя виновным в покушении!

Селла, блуждая глазами, сделал подпись трясущейся рукой и, шатаясь, вышел из кабинета.

IV.

Минетти бросился к Беричи и обнял его.

— Гениально! Поразительно! Вы оказали мне и правосудию чрезвычайную услугу. Я бесконечно благодарен вам, хотя, конечно, моя благодарность ничтожна по сравнению с тем, что ожидает вас... Признаюсь, я очень сомневался, но теперь...

Беричи не дал ему договорить. К изобретателю «идеофона» вернулась вся его насмешливость и веселость. С ловкостью обезьяны выскользнул он из объятий Минетти и, сощутив хитро левый глаз, спросил:

— А теперь вы верите в мое изобретение?

И опять, не дав договорить следователю, он затараторил:

— И напрасно! Совершенно напрасно! Мой секрет изобретен не мною. Он изобретен давным давно тем, который первый крикнул: «На злодее шапка горит!» Разве эта пословица, в разных вариантах, не существует у всех народов сотни лет?.. Так вот, шапку, которая на злодее горит, я, по моде двадцатого века, украсил только электрической отделкой!

Минетти был поражен и разочарован.

— Значит, никакого изобретения нет?..

— Ну, не совсем так. Нам все же удалось при помощи этого «изобретения» добиться сознания. Но это только игра на

психологии! Попробуйте стать в угол с тем, чтобы не думать о леопарде. Вам это не удастся. Ну, а для Селла таким «леопардом» является его преступление. Он не мог не думать о нем. Уверенный же, что все его мысли узаны, преступник счел себя уличенным, в чем и расписался. Просто?..

V.

Несмотря на всю строгость тюремного режима, весть о признании Селла, добытом при помощи какого-то аппарата, скоро стала известна всем заключенным.

И когда в кабинет судебного следователя привели четырех арестованных по делу о покушении на премьер-министра, чтобы объявить им о том, что они свободны, один из них подошел к следователю и твердо сказал:

— Я не принадлежу к тем простачкам, которые сами сознаются, хотя бы их вина и не была еще доказана. Но я не из тех, которые из-за своей шкуры допускают пострадать за себя невинного. Селла совершенно невиновен. Он сознался только потому, что вы заморочили ему голову вашим дурацким аппаратом. Я стрелял в премьера и выстрелю еще раз, если представится случай. И только я один должен нести ответ.

Беричи, который присутствовал при этом, невольно покраснел.

Но Минетти только с добродушной насмешкой посмотрел на него. Да, «изобретение» Беричи не совсем идеально. Шапка оказалась способной гореть на голове не только злодея и чуть было не погубила невинного. Но разве суд может существовать без судебных ошибок?.. Главное было сделано: виновник найден, и Минетти ждало повышение.

А каким путем это было достигнуто, не все ли равно?.. Только бы этот путь привел его в Рим!..

Пасть тигра. Фотография с натуры (см. очерк «Единоборство с тигром» в отделе «Следопыт среди книг»).

Рассказ Леонида Тютрюмова.

I.

Погоня осталась позади, и человек по непривычному вдохнул полной грудью струю свежего утреннего воздуха. Деревья в сонной полудремоте лениво пригибались к просыпающейся земле. Серебряные росяные слезы, срываясь с острых поникших листьев, падали вниз. От земли шел легкий пар, похожий на сизый табачный дым. Зелень приподняла свое благоухающее лицо и потянулась к солнцу.

Человек шагал упрямо, преодолевая усталость. Иногда он останавливался, но затем громадным усилием воли заставлял себя снова двигаться вперед.

Небольшого роста, слегка сутулый, но крепкий, он потерялся среди спокойно-широких и высоких дубов.

Его странного желто-серого оттенка, давно небритое лицо выражало недоумение и было напряжено, как бы перед решением трудной и чрезвычайно сложной задачи. Он слегка прихрамывал на левую ногу, но шаг его от этого не изменялся и был попрежнему тороплив. С высоко закинутой головой, весь настороженный, он был похож на загнанного ветвисторогатого оленя и, казалось, еще где-то в теплом воздухе были слышны дребезжащие звуки охотничьего рожка. Шагая, человек поправил тяжелый кольт с длинным, сурово мерцающим черным стволом, жутким, как сама смерть, и лицо его вновь искривилось в болезненную усмешку. Наверху пронзительно заверещала иволга. Воздух был наполнен густым запахом, лесной полупрелой сыростью раннего утра.

Неожиданно споткнувшись, путник вскрикнул, — боль усилилась, и его шаг стал немного замедленным, хотя он знал, что за ним могла быть погоня. Он играл с закрытыми глазами: на чью сторону

должен был упасть выигрыш, для него было неизвестно.

Однако, несмотря на все препятствия утомительной дороги, он решил не уступить своего права на выигрыш.

Вновь, сопровождая человека, пронзительно запела любопытная иволга. Не обращая внимания на пение птицы, он шагал дальше.

Во рту у него пересохло. Нервы его были болезненно натянуты. Каждый легкий посторонний шум отражался на них, как на тончайшем инструменте в нежных руках музыканта. Пыль на его сапогах говорила о пройденном пути, и это было так же верно, как и то, что человек в лесу от кого-то спасался.

Дорога спускалась вниз, пересекая собою сырой овраг, и затем поднималась дальше, выше уровня пройденного пути. Поднимаясь на другую сторону оврага, беглец решил было присесть, чтобы, передохнув, двинуться дальше, но потом раздумал, подошел к кряжистому дубу, пригнувшемуся вблизи дороги.

Лес притих в полуденной жаре, вяло вздрагивая от пробегающего легкого ветерка.

Беглец стал карабкаться по ветвям. Это было трудно. Он порывисто дышал, обдирав руки и лицо и все же взбирался выше и выше. Но вот ветвей стало меньше, и он, наконец, добрался до вершины дуба.

Всюду, куда только достигал взгляд человека, был лес.

Над лесной густо-синей чащей, плавно раскинув хищные крылья, парил одинокий жуткий ястреб.

Облака, нежные и легкие, почти прозрачные, словно перламутровые, обхватывали темным кольцом конец колышавшейся черной дали. Откуда-то со стороны подплывала омраченная приближавшимся вечером широкая туча. Она плы-

ла, словно плот среди широкой реки, слегка качаясь.

Дали потемнели.

Человек прищурил глаза. Вдруг его лицо осветилось в радостной усмешке, и он стал спускаться вниз.

Он увидел синюю полосу реки, мелькнувшую за лесной синевой. Это был Дунай, а за ним—необычайно заманчивая страна, наполнявшая его сердце радостным, тревожным и торжественным предчувствием.

Оглянулся еще раз, сзади ничего не было слышно. Облегченно вздохнул, любовно погладил кольт.

Ему вспомнилась румынская тюрьма, из которой он бежал с таким трудом, и человек засмеялся хриплым коротким лаем. Лицо его, бледное и печальное, заискрилось внутренним хорошим светом.

Где-то наверху белка стала перепрыгивать с дерева на дерево. Посмотрев на нее, почувствовал легкость своих движений. На руках не было тяжелых цепей. Затем он перевел взгляд на дорогу. Через дорогу переползал черный жук, и беглец еще раз густо вздохнул.

Одиночка с омертвело-серыми стенами, мордобития и вонь тюремных коридоров,— все это осталось позади в туманном далеке. С отворачиванием вздрогнул от воспоминаний, сжал по своей привычке челюсти.

На минуту его сознание заполнила жалость к покинутым товарищам. Жук продолжал переползать ему дорогу. Он проследил за ним внимательным взглядом, затем, подняв ногу, осторожно перешагнул через жука и пошел дальше.

Чувство жалости сразу оборвалось и отошло на задний план, уступив место борьбе за существование.

II.

Усталость начала брать свое. Но впереди была небольшая пестрая поляна, и он добрался до нее. Поляна была вышита разноцветной тканью цветов. Человек устало склонился к траве и, заметив землянику, стал жадно собирать ее. Ползая на коленях за ягодами, он забрался далеко от дороги, под приземистый и тенистый куст. Густая, высокая трава манила его к себе, и, не выдержав, он решил

немного вздремнуть перед последним и решительным переходом. Это был заслуженный отдых и тем более потому, что погоня осталась позади. Зверь, проворный и ловкий, ускользнул из рук охотников. Почему-то ему опять вспомнилась тюремная камера, ругань с надзирателем, высокие каменные стены, за которыми держали целый ассортимент людей, и, утопая в своих беспокойных мыслях, он чему-то усмехнулся, слегка вздрогнул и сразу погрузился в теплый безмятежный сон.

Ветер, мягкий и осторожный, как ладонь любящей матери, погладил успокоившееся лицо путника.

На давно небритую желтую щеку опустилась назойливая муха. Человек нетерпеливо от нее отмахнулся, перевернулся на другой бок и, уткнувшись в радостную землю, окончательно уснул.

Прошло некоторое время. Лес перебирал свои листья, как монахиня четки, и от этого казалось, что гудящее море плескалось о крутые берега. Листва сонно шевелилась, измученная палящим зноем дня. Было слышно, как пчела перелетала с цветка на цветок и потом, покружившись на месте, ткнулась в пахучий медовый цветок.

Наверху попрежнему прыгала белка и вдруг, подскочив на задние лапы, замерла, насторожившись остроконечными ушками.

Лес молчал. Белка повертела головкой, перескочила на новый сучок и, неожиданно подпрыгнув, выпустила из коготливых лапок орешек. Орешек, стукнувшись о сук, неслышно упал в траву. Белка перескочила на новый сучок и опять насторожилась. Внизу, из густых кустов, выскочила пичужка, закружилась осенним листом и тревожно уселась на ближний от дороги куст. Лес замер и насторожился.

Вдалеке послышался конский топот, и несколько всадников пронеслось мимо опушки со спящим беглецом. Судя по одежде, всадники принадлежали к румынскому конному раз'езду. Их сытые с лоснящейся шерстью и обрубленными хвостами кони дробно перебирали забытую дорогу. Танцуя, кони замедлили ход. Всадники непринужденно болтали между собой.

Впереди ехал стройный, красивый юноша с благородными очертаниями безусого лица. Он не был похож на своих подчиненных. В его крепкой кавалерийской посадке была видна уверенность и превосходное знание верховой езды. Пренебрежительно осматриваясь по сторонам, он неожиданно приподнялся на стременах и затем, опустившись в седло, вытянул гибким хлыстом по крупу стройной кобылы. Вся кавалькада, пригнувшись вперед, с гиканьем, подняв столб пыли, скрылась вдали.

Топот копыт медленно стихал и затем совсем растаял. Белка снова запрыгала. Лес, качаясь, плескался ветвями и тихо, задумчиво шумел. Белка прыгнула на сушочок, тот подломился на своем конце и, задев ветки, упал на спящего человека.

Встревоженный и испуганный, тот подскочил и стал озиаться по сторонам.

Спросонок ему показалось, что чьи-то крепкие, как клещи, руки схватили его за горло и стали душить. Затем, успокоившись, он сел на траву. Прислушиваясь к мертвой лесной тишине, человек зевнул, прикрыв рот рукой, и, приподнявшись с травы, пошел по вечеряющей дороге.

Лошадиные следы привлекли его внимание. Он нахмурился, разглядывая их. Человек посмотрел по сторонам, положил на колыт руку, расстегнул кобур и, весь собравшийся в упругий комочек, скользнул в чащу, где, осторожно раздвигая кусты, пошел рядом с дорогой.

III.

Лесная дорога, извилистая, как горная речушка, уперлась в большую поляну. Посредине поляны стояла полуразрушенная лесная сторожка. Около нее копошился проезжавший перед тем небольшой отряд всадников, и, беглец, раздвинув кусты, понял, какой опасности ему удалось избежать.

Всадники спешили, расположились на траве и жадно закусывали, видимо торопясь.

Один из них, высокий и тонкий, бросил в сторону обглоданную кость. Человек вспомнил о своем голоде, и его глаза жадно заблестали. Отвернувшись в сто-

рону, затянул потуже ремень на животе. Около его носа прополз муравей. Человек, следя за ним, заставил отвлечь свое внимание от закусывающих врагов.

Один из них, уса́тый и плотный кавалерист в синих тугих рейтузах с красным кантом, закусывая большим куском жирной ветчины, произнес:

— Экая bestия. А все-таки мы его поймаем,—и он стряхнул крошки со своих усов.

— Не понимаю, зачем они только бегают. Поймали, и сиди, если кормят хлебом,—добавил второй.

Все рассмеялись.

— В город сегодня приехала оперетка,—задумчиво произнес один из всадников.

— Надо скорее кончать. Этак мы не застанем ни одного спектакля, — приподнялся с земли другой.

Их начальник стоял поодаль, перебирая свои бумаги.

Его лицо было грустно. Вздохнув, он спрятал бумажник в планшетку, поправил портупею и затем отдал команду садиться на коней.

Всадники, подтянув подпруги, вскочили на коней и тронулись в путь.

Человек беззвучно засмеялся, довольный тем, что обманул судьбу. Всадники скрылись из виду, и он спокойно подошел к хижине. Первым его желанием было подобрать куски хлеба, что он и сделал. В траве он заметил дымящуюся папиросу, душистую и пряную, и, схватив ее, беглец жадно затянулся.

И в это время до его уха донесся лошадиный топот, и прежде, чем он на что-либо решился, оказался возвращающийся кавалерист. Это был начальник конного раз'езда. Он под'ехал к сторожке, куда успел незаметно спрятаться беглец.

Приехавший привязал лошадь к изгороди и, в поисках чего-то потерянного, стал шарить по траве. Он ползал по земле, тщательно раздвигая траву, недовольно что-то бурча себе под нос. Беглец осторожно прильнул к окошку и стал следить за кавалеристом. Тот продолжал поиски.

Незнакомец вынул из кобура колыт и направил на склоненную к земле фигуру юноши. Лошадь стояла в сторонке, изредка пофыркивая, тянулась мордой к тра-

ве. Из леса ползли вечерние тени. Откуда-то сильно подуло прохладой. Трава незаметно стала мокрой.

Беглец вынул из кобура кольт и медленно стал давить на спуск. Тот все

ши. Он оглядел его со всех сторон и облегченно вздохнул.

В окно через спину юноши был виден миниатюрный портрет пожилой женщины, очевидно, матери юноши.

Это была цель, в которую не попал бы лишь слепой.

искал. Мушка колта поравнялась с заголовком юноши. Юноша был блондин. Эта была цель, в которую мог не попасть только слепой. Где-то закуковала, прощально и одиноко, вечно сиротливая, тоскующая кукушка. Поднялся прохладный ветерок, заставивший зашуршать зелень.

Человек, заинтересованный поисками всадника, решил не торопиться и, прижавшись за окном, стал следить, что будет дальше. Всадник приподнялся с колен. В руках он держал небольшой медальон, похожий на греческий орех. Медальон мутно поблескивал в руках юно-

Незнакомец медленно опустил кольт. У него тоже была когда-то мать, любящая его, как всякая мать своего сына, и сын не решился стрелять в сына.

Когда стук копыт замер вдали, незнакомец тяжело вздохнул, отер со лба выступивший крупный пот и вновь тронулся в свой упорный, продолжительный и утомительный путь.

IV.

Под утро другого дня незнакомец осторожно бродил по берегу широкой реки в тщетных поисках переправы. Река после недавних дождей бурлила и неслась желтой стремительной массой. Было видно, как по ее полногрудому течению нелепо кружились сорванные откуда-то доски и ветви. В бесплодных поисках незнакомец напоролся на пограничный румынский пост, но благодаря счастливой случайности ему удалось избежать неприятных последствий.

Там за рекой холодной и равнодушной к его горю, находилась давно эмигрировавшая его семья — маленькая девочка Берта, такая славная и понятливая, больная жена, присылающая ему такие жалобные и ласковые письма, полные внимания и любви.

Но перед ним была все та же широкая река. Он метался по берегу затравленным волком, полный отчаяния, и стал поглядывать на свой кольт, как единствен-

ный выход из положения. Но он должен попасть к своей семье, и кольт был крепко заперт в кобуре.

В середине дня незнакомец в поисках переправы набрел на маленький залив. Это было устье какой-то речушки, впадающей в Дунай. На той стороне поднимался высокий крутой лесистый берег. Спустившись к реке, он раздвинул прибрежные кусты и вскрикнул от радости. Перед ним была привязана к берегу лодка. Челнок был утлый и маленький, как детская люлька, но вида возможности переправы было вполне достаточно, чтобы заставить беглеца, почти обессиленного от радости, взволнованно опуститься наземь.

Лодка была мостом к Советской Республике, к его маленькой любимой дочке, и незнакомец, не выдержав приступа волнения, тихо заплакал, уткнувшись в руки. Его пальцы нервно дрожали, он вспомнил своих товарищей по тюрьме. Из целой сотни друзей и знакомых он один сумел преодолеть все опасности побега и с большим риском для жизни добраться до заветного берега.

С полной реальностью ему затем представилась опять эта страна советов, такая заманчивая и столь необычайная. Ему представился долгий заслуженный отдых и затем работа с новыми усилиями и новой борьбой.

Постепенно все его ощущения заменились зудящим томительным нетерпением.

Человек решил не дожидаться ночи. Оправившись от волнения и снова взяв себя в руки, он отцепил лодку от кустов и оглянулся по сторонам. Нигде никого не было видно, и нигде ничего не было слышно. Место было тихое, кругом высились крутые берега, и незнакомец, сильно оттолкнувшись, отплыл от берега.

Река несла свои стремительные воды, широко дыша, и, успокоившаяся после недавней грозы, она приняла новую ношу и закружила легкий челнок, выкинув его из ивовых кустов на свой безмятежный величавый простор.

И в тот же момент с берега раздалась беспорядочная пальба. Человек стал сильно грести и, рассматривая чуждый, удаляющийся берег, увидел конный патруль, тоже заметивший, наконец, беглеца.

Всадники спешили, легли на землю и стали бить «пачками» по ускользавшей мишени. Выстрелы щелкали, как выпавший на лист железа горох.

Теплое утреннее солнце радостно согревало землю. С берегового обрыва закружился вниз сбитый пулей лист и, подхваченный сырыми волнами, быстро скользнул вниз по течению.

Беглец лихорадочно греб, стараясь выйти победителем из этой неравной борьбы. Челнок летел.

Человек обернулся и заметил советских часовых, бегавших по берегу. Это придало ему новые силы. Пальба не утихла. Пули, жужжа, шлепались около челнока, и, обдавая брызгами гребца, продолжали свой путь к речному дну.

На противоположном берегу было видно, как встревоженные люди торопливо разводили паровой катер.

Пуля ударила беглеца в руку, и он, вскрикнув от боли, выпустил весло. Весло, подхваченное течение, быстро отдалилось от лодки. Не растерявшись, беглец пересилил боль, выдернул скамейку и стал ею грести.

Расстояние между ним и вражеским берегом все увеличивалось.

На советском, все еще далеком, берегу лихорадочно торопились. На румынском — преследователи неистовствовали, награждая крепкой бранью удалявшегося беглеца. Метаясь по берегу, часть из них вскочила на коней и поскакала в обход. Другая половина, бешеная и бессилая, молча стала следить за незнакомцем.

Речушка клекотала, и переплыть через нее на конях было бы верною смертью для рискнувшего.

Силы беглеца заметно иссякали, и быстрое течение реки, безразличное к человеку, тянуло лодчонку к румынскому берегу. Лицо незнакомца побледнело. Из рукава куртки сочилась кровь.

И около самого берега, крутого, как телеграфный столб, незнакомец увидел прежнего юношу. Тот стоял на коленях и молча, тщательно прицеливался в беглеца, выбирая наиболее удобное место для попадания.

Беглец вновь начал грести лихорадочно и бешено, спасая свою жизнь. Навстречу летел пыхтящий маленький катер с крас-

ноармейским патрулем. С каждой секундой лодка приближалась к нему.

Юноша, стройный и безусый, с благородным очертанием лица, почему-то медлил.

Лодка с удалявшимся беглецом приближалась к катеру. Еще раз оглянувшись на берег, беглец окончательно

А. Я.

Навстречу уже летел пыхтящий катер с советским патрулем.

рассмотрел юношу. Тогда, бросив скамейку, заменявшую ему весло, он стал отстегивать кобур. Юноша продолжал целиться.

Катер с красноармейцами, обстрелянный румынским патрулем, завертелся на месте и стал заворачивать обратно.

Беглец, заметив это, бросился к носу лодки и взмахнув рукой, забыв про кольт и юношу, стал кричать вслед отдалявшемуся катеру.

Люди в катере, такие близкие, но почему-то нелюбимые, что-то кричали ему ответное, предостерегающее, указывая на берег.

И в это время путник вспомнил свою дочку, охраняемую людьми далекого берега, больную горячо любимую жену и такую необычайную для чужестранца, такую близкую и в то же время далекую, куда-то отплывающую Страну Советов.

Это было его самым радостным, самым странным и совершенно ему непонятным последним воспоминанием.

И в это время, наконец, раздался томительный жуткий выстрел.

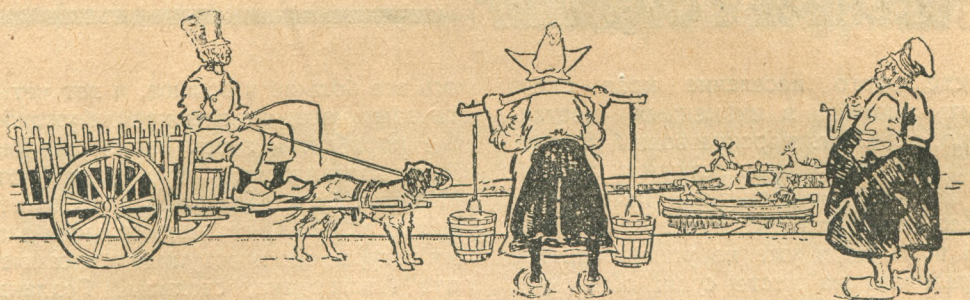
Тело беглеца неуклюже рухнуло за борт челнока и, сделав несколько кругов, медленно повертелось на воде и, скрываясь от людских глаз, нелепо, странно пошло ко дну.

С катера раздался последний, полный ненависти, крик.

Из реки неожиданно выплыла затасканная фуражка беглеца и сиротливо, словно сбитый лист, завертелась, подхваченная быстрым течением, и помчалась, одинокая и страшная, дальше по широким водам.

Мутно-вишневое солнце тоскливо и медленно, словно израненный зверь, тащилось умирать за темную полосу горизонта.

Юноша отер потный лоб, вынул медальон, посмотрел на него, переложил его из одного кармана в другой и, чему-то улыбнувшись, стал собираться в обратный путь.

ПОБЕДИТЕЛИ МОРЯ

Очерк **Н. Константинова.**

Голландия почти на всей своей территории представляет страну, отвоеванную человеком у моря. В Голландии вот уже много веков идет титаническая борьба человека с морем. Море ежечасно, непрерывно и яростно грызет низменные берега Голландии, а голландцы упорно защищают каждый метр земли от нападения моря, воздвигая вдоль побережья мощные плотины и дамбы.

Голландцы ведут с морем не только оборонительную борьбу, но и наступательную. Они не только защищают свое побережье от яростных натисков моря, но завоевывают у моря новые пространства. Так, семьдесят пять лет тому назад, они высушили обширный морской залив, так называемое Гаарлемское море, имевшее более 25 километров в длину. А в настоящее время голландцы осуществляют вот уже несколько лет другой, еще более грандиозный проект — осушение так называемого Южного моря или Зюдерзее.

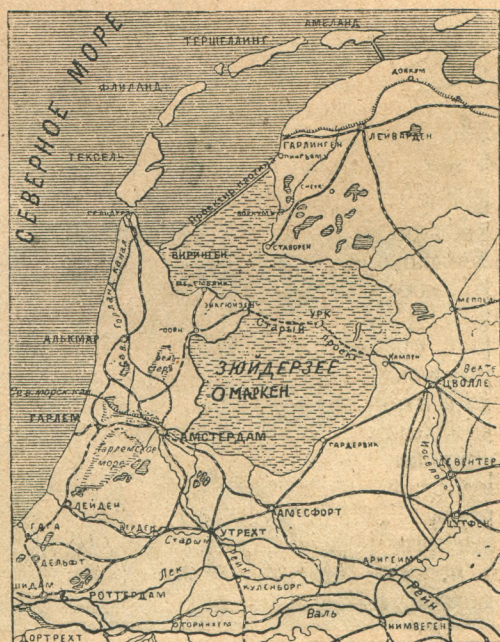
Зюдерзее занимает площадь свыше 5.000 кв. километров. В длину оно имеет 140 километров, а в ширину около 90 километров. Говоря другими словами, вся площадь Зюдерзее равна приблизительно одной пятой всей Московской губернии.

Зюдерзее — самое молодое из европейских морей. Оно образовалось всего лишь семьсот лет тому назад. В начале нашей эры, когда древние римляне проникли на берега Северного моря, в ту область, где находится ныне этот большой морской залив, вся эта местность была покрыта громадными лесами. Большое пресноводное озеро Флево, упоминаемое римским историком Тацитом, омывало берега этих лесов. Из этого

озера в Северное море текла река, которую римляне называли Флевум.

Более тысячи лет тому назад на берегах озера Флево и в лесах стали селиться германские племена, и скоро вся область была покрыта селениями.

Но с течением времени море, находившееся верстах в пятидесяти от озера Флево, все больше и больше размывало низменные берега. Постепенно море наступало на сушу. Наконец, в 1219 г., во время сильной бури ветер нагнал в устье реки Флевум огромную массу воды, и эта вода проникла в озеро Флево, которое вышло из своих берегов и затопило всю низменную часть Голландии.

Отживающая карта Голландии.

После этого население края стало строить плотины в низменных местах. Однако, в 1421 г. морские волны прорвали все плотины, и вода затопила следующие два селения. При этой катастрофе погибло более ста тысяч человек. После этого воды моря уже не ушли обратно, а образовали на месте суши обширный морской залив, который и получил название Южного моря или Зюдерзее.

Теперь по этому морю ходят большие морские пароходы и суда. На этом море есть четыре острова, население которых занимается рыболовством, так как в Южном море водится очень много рыбы, главным образом, сельдей.

Вот это-то обширное море и осушают теперь голландцы. Они хотят отнять у моря ту землю, которую оно затопило семьсот лет тому назад.

Но, прежде чем говорить об этой грандиозной работе, нужно рассказать предварительно об осушении голландцами Гаарлемского моря, что и дало смелость начать более грандиозные работы по осушке Зюдерзее.

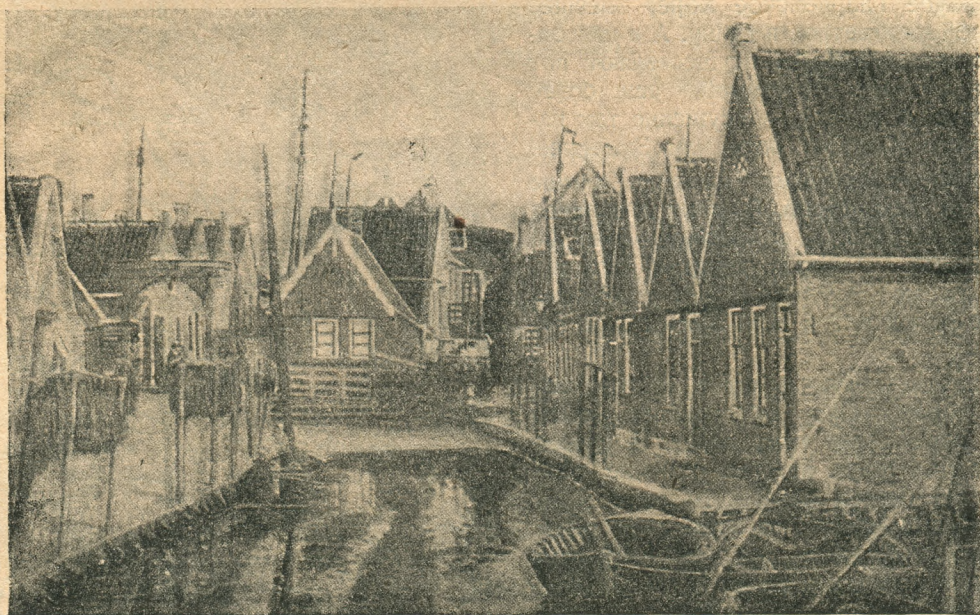
Гаарлемское море образовалось также лет семьсот тому назад, когда вода затопила окрестные поля и пастбища. С каждым десятилетием море увеличива-

лось все больше и больше, и лет четырехста тому назад на нем ходили уже большие корабли, и здесь произошла битва между голландским и испанским флотом.

Каждая буря расширяла пределы этого моря, и в 1836 г., гонимое сильным западным ветром, оно подступило под самые ворота Амстердама, столицы Голландии. Большие плотины, возведенные для удержания напора морских волн, были размыты.

Тогда, наконец, ввиду неминуемой и близкой опасности, голландцы решили осушить Гаарлемское море. Оно имело, как мы говорили, около 25 километров в длину и около 12 километров в ширину. Глубина его была в среднем четыре метра (около двух сажень).

Для того, чтобы осушить этот большой бассейн, голландцы соорудили на берегу высокие прочные плотины, а затем поставили несколько паровых насосов, которые выкачивали день и ночь воду из отгороженного участка моря и выливали ее по ту сторону плотины. Эта работа продолжалась свыше десяти лет и, наконец, вода вся была выкачена, и на месте Гаарлемского моря обнажилось глинистое и торфяное дно, которое вскоре превратилось в цветущие поля и луга.

Уголок голландской деревни на о. Маркене.

Внутренний вид голландского дома на о. Маркене.

Работы по осушению Гаарлемского моря стоили Голландии приблизительно двенадцать миллионов рублей на наши деньги, а поля, которые были разбиты на месте этого моря, оцениваются теперь приблизительно в двести миллионов рублей.

Такое выгодное и удачное дело и заставило голландцев задуматься и над вопросом об осушке Зюдерзее. Правда, Зюдерзее раз в десять больше Гаарлемского моря. Но это не остановило голландцев, и еще до начала войны 1914—18 г. были предприняты работы по осуществлению этого грандиозного проекта.

Война несколько затормозила эти работы. Но в настоящее время работа идет очень быстрым темпом. Работа рассчитана лет на тридцать и ведется по заранее обдуманному плану.

Первоначально голландцы предполагали было осушить только половину Зюдерзее — до острова Урк, как это можно видеть на приложенной карте. Но теперь они решили осушить всю площадь Зюдерзее. Для этого голландцы прежде всего выстроили через море огромный мол, стгораживающий Зюдерзее от Северного моря.

После окончания постройки этой плотины будет приступлено к выкачиванию воды из Зюдерзее и к постепенному осушению береговых участков. Предполагается в первую очередь устроить четыре «польдера» или участка приблизительно в двести двенадцать тысяч десятин. На этих участках могут поселиться 250.000 человек жителей.

Работа по осушке Зюдерзее осложняется еще тем, что в это море впадает шесть рек. Вследствие этого в середине Зюдерзее предполагается устроить особый глубокий канал, куда будут стекать эти реки, а затем избыток воды из этого канала будет выкачиваться или выпускаться в море в часы отлива, когда уровень моря будет ниже уровня воды в канале. Земля, которая получится при углублении этого канала, пойдет на плотины. При осуществлении этого проекта осушки Зюдерзее площадь Голландии увеличится на 10%.

Все работы по осушке Зюдерзее и по постройке плотины будут стоить приблизительно около трехсот миллионов рублей на наши деньги.

Проект по осушке Зюдерзее, увеличивая площадь Голландии, лишает, од-

нако, ее одной характерной черты, которая привлекала в Голландию, на острова Зюдерзее, десятки тысяч туристов.

Мы уже говорили, что на Зюдерзее имеется четыре острова. Рыбаки, жители этих островов, в особенности острова Маркена, по странной случайности, сохранили права и обычаи средневековой Голландии, или, по крайней мере, Голландии семнадцатого века.

В то время, как почти всюду в Голландии вы видите каменные дома, на Маркене все дома деревянные, несмотря на то, что в Голландии своего леса нет и весь лес привозится из других стран.

Все домики похожи на русские избы, только еще меньших размеров, и имеют обыкновенно два окна. Домики состоят, обычно, из одной комнаты, служащей в одно и то же время и кухней и спальней. Но постелей не видно. Они вделаны в нише, в небольшом углублении — чуланчике в стене, — там стоит большая кровать, на которой спит вся семья.

В другом углу стоит первобытный очаг, а в некоторых домах изразцовая небольшая «голландская» печь. Во многих домах часть стен в комнате выложена расписными изразцами.

Все мужчины на острове Маркене ходят в широких плисовых шароварах и в деревянных башмаках, а женщины — в старинных расписных юбках и в больших кружевных чепцах.

Оригинальность женского костюма увеличивается еще тем, что на Маркене все женщины, начиная от самой маленькой девочки и кончая пажилыми, носят **одинаковый** костюм, отличающийся только вышивками и украшениями. На острове Маркене вы не увидите маленьких детей в обычных детских платьицах и в детских башмаках, а там все дети одеты и обуты как взрослые.

Конечно, когда будет осушено Зюдерзее и когда остров Маркен и другие острова Зюдерзее перестанут быть «островами», а сделаются частью общей голландской территории, когда, быть может, через Маркен пройдет железная дорога, тогда вся эта жизнь семнадцатого века, каким-то чудом уцелевшая вплоть до двадцатого, вероятно, сразу будет смыта волной современной культуры. Через несколько лет исчезнет остров Маркен, благодаря победе современной техники, а вместе с этим навеки исчезнет и уголок средневековой Голландии.

КТО ХОЧЕТ

аккуратно и правильно получать журнал
„Всемирный Следопыт“,

ТОТ ДОЛЖЕН ПОМНИТЬ, ЧТО

подписной год журнала начался с декабря пр. г., поэтому первое полугодие кончается в мае — этим номером (6-м).

Возобновляя подписку (или подписываясь вновь) на журнал, каждый должен во избежание недоразумений:

- 1) указывать, с какого месяца и с какого номера хочет получать журнал,
- 2) присылать ярлычек отправления, наклеиваемый на бандероль, или сообщать точный адрес получателя журнала.

МЕСТЬ ПУМЫ

К рисунку на обложке.

Рассказ Ч. Робертса.

Место действия—дикие скалы, поросшие почти непроходимым кустарником. Каменистое ложе высохшего потока в Скалистых Горах Сев. Америки.

Время действия—около полудня, когда царит нестерпимый зной.

По камням, оглядываясь по сторонам, исследуя каждый шаг, бредет недавно поселившийся в этих местах Роллер, держа карабин в руках. Он прислушивается к каждому звуку, но звуков этих мало: зной сморил всех и все.

Только цикада звенит, прячась в пыльной листве какого-то кустарника, да по временам откуда-то издали чуть слышно доносится неясный, смутный гул: там, наверху, в горах, есть еще могучий лес, куда пока еще не проник человек. Там ветер колышет верхушки, главы зеленых великанов. И гудит вечный лес.

— Гм! Тут кто-то из них проходил вчера,—бормочет Роллер, разглядывая неясные отпечатки на песках ложа потока и инстинктивно сжимая крепче ствол карабина.—Оба. Но это было вчера. А сегодня?.. Пройдем еще направо. Так. Теперь все ясно: они оба и сегодня прошли тут, очевидно, спускаясь к затону. И это было совсем недавно. След свеж. Обратны они не проходили. Это верно. Значит, малыши дома и... Полторацта долларов хорошие деньги. Но если пумы застучают меня, когда я буду вытаскивать малышей, то... покорно благодарю! У меня шкура своя, не казенная, а с пумой шутки плохи! Ну, будем надеяться, что все обойдется благополучно!

Роллер продвинулся еще на несколько сажен. И вот он стоял у входа в логовище семьи горных львов.

Оглянувшись вокруг, убедившись, что взрослых зверей поблизости нет, он, согнувшись, нырнул в берлогу и буквально через минуту выбежал оттуда, неся в одной руке карабин, а в другой пестрый ковровый мешок, внутри которого отчаянно барахтались, мяукая слабыми голосами, детеныши пумы.

Не легко дались звереныши в руки человеку: как ни малы были они, все же они кусались, а главное, царапались отчаянно,

и правая рука Роллера была до такой степени исцарапана, что по смуглой коже бежали струйки алой крови, и красные капли падали, словно роса, на ложе потока, на камни, на тревожно шепчущиеся о чем-то кусты.

Озираясь вокруг, Роллер сначала шел, потом, выбравшись на более ровное место, почти бежал. И все время он оглядывался, готовясь в случае нужды дать отпор врагу.

А кровь попрежнему алой росой капала из его расцарапанной руки на траву, на камни, на песок. И там, где ложились эти алые капли, к небу поднимался незаметный для человека, но сильный и пряный аромат, запах крови, запах Красной Жизни.

Мать-пума вернулась первой с утренней охоты. Еще подходя к своему логовищу, она насторожилась. Ее чуткое обоняние сказало ей, что тут, так близко, так страшно близко к месту, где находились ее дети, совсем недавно проходил тот, хозяин Красного Слуги, кричащего, как небо в грозу, сверкающего, как молния.

Вот от раскаленного камня отделяется запах его тела. Должно быть, спускаясь в ложе потока, Двухногий опирался ладонью о горячий камень. А вот след от его ног. А тут измята трава: тут он стоял на коленях и разглядывал что-то.

Что именно?—Следы.

Чьи?—Следы ее самой.

Взревев, пума одним прыжком перелетела ложе потока и вихрем ворвалась в берлогу.

Пусто, все пусто! И тут весь воздух был насыщен внушавшим пуме ужас и отвращение запахом Двухногого. Но тот угол, в котором на подстилке из сухих листьев раньше лежали ее дети,—все что было самого дорогого для нее на свете,—тот угол был пуст. Человек пришел, человек взял ее детей. Человек унес их с собою.

С яростным ревом несчастная мать вылетела из берлоги и помчалась легкими упругими прыжками, словно не касаясь

раскаленных камней пушистыми лапами, вперед, вперед.

Порой она останавливалась, припирала к земле, пригибала свою круглую голову и широко раскрытыми ноздрями вдыхала запахи, то, чем дышала в этот знойный полдень мать-земля. И потом, вскочив, испустив короткий, жалобный, хриплый, тоскующий рев, она неслась опять по следам унесшего ее детей человека.

Вперед, все вперед!

И она кричала раздражающим душу голосом. Она звала на помощь себе друга, отца ее украденных детей. Она рыдала...

Теперь она видела Двуногого: тот бежал в расстоянии полукилометра от нее. И ее зоркие материнские глаза видели за его спинною пестрым мешком, и видели в этом мешке что-то живое, барахтавшееся, ворочавшееся беспомощным клубком.

В этот момент на ее жалобные вопли примчался он, пума-самец. Во мгновение ока она сообщила ему все. И он потерял голову! Она уже устала, выбивалась из сил. А он только что позавтракал, был свеж и силен. И раньше, чем она опомнилась, он уже догонял Двуногого.

Но Двуногий обернулся.

Блеснуло что-то. Пророкотало что-то, словно гром, хотя небо было ясно. Запахло противным удушливым едким дымом... Это был запах Красного Слуги.

И когда мать-пума домчалась до того места, где сейчас только готовился к прыжку пума-отец, она увидела его. Она увидела его беспомощно распростертое тело.

А человек был уже далеко...

Мать-пума с полчаса, нет, с час лежала у труна самца, глядела валитыми кровью глазами на его беспомощно распростертое на окровавленной траве тело и иногда, молча, лизала его шерсть своим шершавым языком, словно целуя его.

Потом... потом она побежала. Сначала назад. Потом в сторону.

И опять она неслась легкими упругими прыжками, словно не касаясь земли стальными лапами. Она делала круг, большой круг. Вот перелесок. Оттуда доносился слабый перезвон колокольца. Пума знала, что это значит: там паслась Рогатая. Там была корова, принадлежавшая человеку.

Раньше пумы остерегались заходить в перелесок и, даже когда бывали голодны,

не трогали коровы, хотя могли убить ее в любой момент: они знали, что корова—собственность человека, что человек будет мстить. А у них были дети, и они боялись за них.

Но теперь... Дети, дети!.. Они были в руках человека!

Корова шарахнулась, когда пума прыгнула из кустов на ее спину. Она пробежала десять, пятнадцать шагов, жалобно мыча. И колокольчик заливался испуганно, словно боясь, что и ему грозит смерть.

Потом мычанье оборвалось, и оборвался звон колокольца, потому что корова упала на землю с перекушенным горлом. Оттуда пума помчалась на луг. На лугу она увидела трех бычков. Гоняться за всеми тремя было невозможно. Но одного она настигла, и ударила могучей лапой, и он упал, потому что у него было сломано несколько ребер и алая кровь хлестала из развороченного бока.

— Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Опять поднялась мать-пума и помчалась к жилищу человека.

Была ночь. Все было тихо вокруг. И вдруг дверь распахнулась, огненный меч рассек воздуха, далеко в горах прокатилось эхо ружейного выстрела. Но зверя уже не было: он тенью мелькнул и скрылся среди зарослей.

Ночью человек дважды выходил из блокауза и стрелял, конечно, на воздух. Пума не боялась этих огненных мечей...

— Буренка! Иди сюда-а!—кричал человек.—Где ты, Буренка!

Это он звал Рогатую. Но Рогатая была мертва, как был мертв пума-самец.

Утром, на рассвете, человек вышел из блокауза, добрался до перелеска, увидел труп Буренки и сейчас же вернулся домой, к жене.

— Проклятое животное наделало бед, Энни!—сказал он.—Буренка убита. Один из бычков тоже! Надо убить ее, иначе... иначе мы будем разорены, Энни! Бери ка и ты карабин. Она крутится где-нибудь возле того места, где я ухлопал вчера самца. Кстати снимем с него шкуру. За шкуру нам дадут хоть двадцать долларов. Не много, но лучше что-нибудь, чем ничего!

Они ушли. Пума видела это. И она знала, куда они пошли. Но теперь ей было все равно: она издали слышала, как мяукали в блокаузе ее голодные дети.

Во мгновение ока она была у массивной двери блокауза, и напирала на дверь всем телом, и трясла ее лапою, и пыталась грызть ее зубами, острыми, как сталь, но, увы, оказавшимися совершенно бессильными теперь, когда дело касалось жизни и смерти детенышей...

От двери пума метнулась к окну. Миг — и осколки стекла полетели на землю. Придя в ярость, мать-пума толкала раму окна круглою головою, потом просунула внутрь сильную лапу, рванула...

Стройное, упругое тело стрелою пролетело внутрь блокауза. И через миг вылетело обратно: мать-пума несла в зубах пестрый ковровый мешок, из которого чуть

слышно доносилось слабое мяуканье почуявших близость матери детенышей.

Час спустя Роллер с женою, неся покрытую кровью шкуру убитого самца, вернулась домой.

Он увидел выбитое окно, он увидел следы хищника на земле около окна и следы зубов на досках двери.

— Проклятая тварь украла своих котят! — крикнул он.

Энни смущенно сказала:

— Слушай! ведь она... она мать!

Два дня Роллер с карабином в руках бродил по окрестностям. Но выследить зверя ему так и не удалось.

Пума ушла, ушла далеко от блокауза, дальше в горы, в дикую глухую местность. унося с собою спасенных детей.

Телеграфистка-краснокожая.

В Йеллоустонском Национальном парке (Сев.-Ам. Соед. Штаты), в одном из отелей, есть служащая телеграфистка — чистокровная индианка. Вольные дети прерий, вытесненные из своих исконных территорий белыми, вынуждены зарабатывать кусок хлеба теми формами труда, какие предоставляет им современная цивилизация. Однако, и молодому поколению краснокожих трудно расстаться со своими традиционными костюмом и прической, и, как мы видим на фотографии, индианка-телеграфистка одета в свой национальный костюм, далеко не гармонирующий с изобретениями современной культуры.

Двести часов ожидания.

Охота с фото-камерой, которую ввел знаменитый американский натуралист и писатель Сетон Томпсон, получила ныне самое широкое распространение среди истинных любителей и ценителей природы.

Эта замечательная фотография, стоившая фото-охотнику 200 часов ожидания в горах Шотландии, представляет момент кормления «золотым орлом» своего птенца в гнезде, построенном им на верхушке горной сосны.

«Золотой орел» является одним из наиболее распространенных видов в Северной Европе и, отчасти, в Америке.

Ценность снимка увеличивается еще тем, что эти орлы гнездятся на самых недоступных обрывах скал, и, чтобы достигнуть выгодной позиции, фото-охотнику пришлось совершить головокружительное восхождение на эти высоты.

ПОЛЯРНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

(По поводу экспедиции Амурдсена к Сев. полюсу).

СТАНЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС».

Очерк Н. К. Лебедева.

Что такое представляет собой северный полюс? Какой научный интерес имеет экспедиция на полюс? Почему исследователи так упорно стремятся достигнуть его?

Полюс—это, собственно говоря, воображаемая математическая точка, конец воображаемой оси, вокруг которой совершается суточное вращение земного шара.

Конечно, у земного шара нет никакой оси, и поэтому отыскать на земле то место, вокруг которого как бы происходит движение земли, крайне трудно. Для этого требуются особые приборы и аппараты. Трудность открытия земных полюсов усложняется еще тем, что полюсы, как на севере, так и на юге, находятся в суровых ледяных пустынях.

Сложность открытия земных полюсов заключается в том, что земные полюсы на земле не представляют неподвижных точек, а непрерывно меняют свое положение.

Дело в том, что наша земля, делая полный оборот вокруг своей оси в двадцать четыре часа, колеблется, как волчок, и наклоняет свою воображаемую ось то в одну сторону, то в другую и, таким образом, земные полюсы переходят по земной поверхности и описывают сложные фигуры.

Несмотря, однако, на всю трудность открытия земных полюсов, исследователи всех стран вот уже около ста лет отважно стремятся в холодные мертвящие просторы полярных ледяных пустынь, чтобы открыть эти ледяные точки.

Долгое время причина такого стремления была исключительно научная. Но в наше время к этому примешиваются и материальные интересы, о которых мы скажем ниже.

Полюсы и прилегающие к ним области имеют крайне необычный для нас характер и поэтому, с научной точки зрения, в высшей степени интересны.

На полюсе нет, собственно говоря, **времени** в обычном смысле этого слова. Там не существует наших дней и ночей, время не

делится на сутки, на утро и вечер. На полюсе бывает или шестимесячный сплошной день или шестимесячная ночь.

Летом солнце на полюсе не «закатывается», а в течение целых месяцев «ходит» кругом по небу.

Но зато зимою солнце больше четырех месяцев не показывается над горизонтом, и на полюсе стоит мрачная ночь.

Все это создает в полярной области «ненормальные» воздушные явления. Благодаря тому, что там, даже в период лета, когда солнце не сходит с неба и светит круглые сутки, воздух не успевает нагреваться, полюс одет вечными снегами и льдами. Здесь, на полюсе, рождаются холодные бури, которые разносят свое ледяное дыхание на тысячи километров кругом.

Полюс обладает целым рядом климатических и физико-географических особенностей, резко отличающих его от всех областей земного шара. И потому неудивительно, что многие смелые исследователи, рискуя жизнью и пренебрегая опасностью, стремились достичь этой условной точки, несуществующей реально и постоянно скользящей по земле.

Борьба за северный полюс продолжается около восьмидесяти лет. Одним из первых исследователей, поставивших своей целью достигнуть северного полюса, был американец Кент Кен. В 1853 году Кен отправился к полюсу на парусном бриге. Во время зимовки спутник Кена, Мортон, достиг пешком по льдам до широты 81°.

Вскоре судно Кена было затерто и раздавлено льдом, и путешественники вынуждены были отправиться пешком обратно на юг. Они тащили на себе провизию и лодки, на которых переплывали встречавшиеся проливы. Целых восемьдесят четыре дня они блуждали по ледяной пустыне и с большим трудом добрались до Гренландии, где их приютили эскимосы.

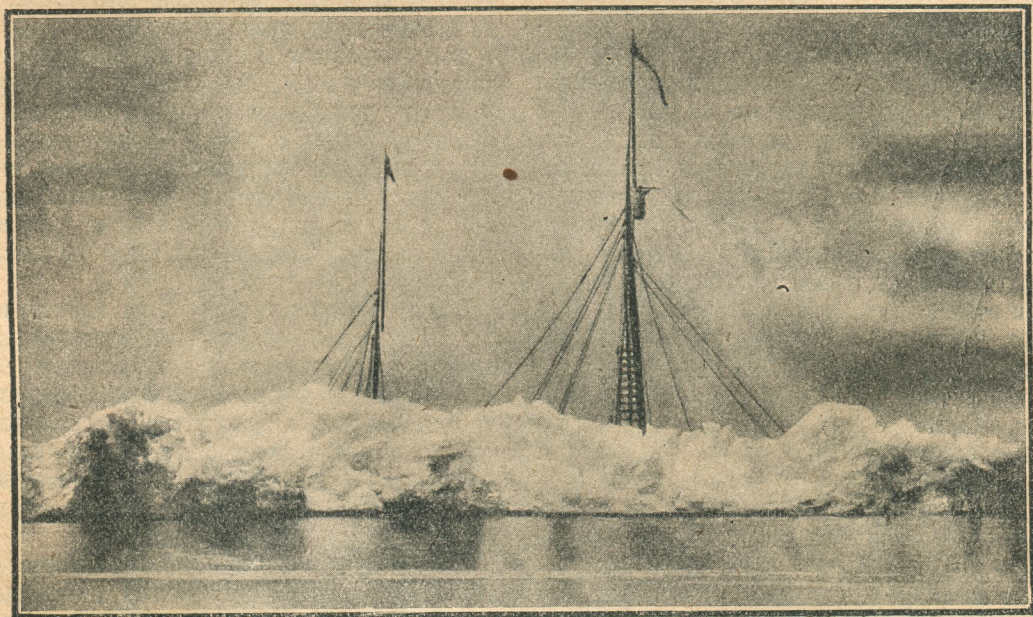
В 1860 году на завоевание полюса отправился доктор Гес, один из спутников Кена, а в 1871 году правительство Соединенных Штатов снарядило корабль «Полярис» под начальством капитана Галля. Галль достиг

до 82° северной широты. Его корабль был раздавлен льдинами, и весь экипаж, выживший на льдину, был унесен в океан. Больше месяца несчастных путешественников носило по океану, — большинство из них погибло, и только немногие случайно были подобраны одним китоловным судном.

С 1875 года на завоевание полюса выступили англичане. Они снарядили два парохода под начальством капитана Нерса. После многократных попыток пробиться через льды к полюсу Нерс пришел к убеждению, что

лась первая глава истории борьбы за северный полюс.

Новую главу в этой истории суждено было открыть знаменитому норвежскому путешественнику Фритиофу Нансену. На это его натолкнул следующий факт: в 1884 году к южному берегу Гренландии была прибита льдина, на которой нашли ящики с сухарями и разные предметы. Все эти вещи принадлежали погибшему у берегов Сибири в 1881 году американскому пароходу «Жаннета».

В ожидании возвращения гидропланов Амундсена с Сев. полюса экипаж норвежского тюленебойного судна, дрейфующего на краю великой ледяной пустыни, высматривает на море наблюдателя, который в подзорную трубу осматривает горизонт из «вороньего гнезда». (К прошлогоднему полету).

полюса нельзя достигнуть, и поэтому он вернулся в Америку и послал оттуда в Лондон Географическому Обществу телеграмму: «Северный полюс недостижим».

Несмотря, однако, на это утверждение, американцы снарядили в 1881 году новую экспедицию к полюсу под начальством лейтенанта Грили. Экспедиция Грили провела во льдах три года; большинство участников погибло от голода и холода, и только шестерым удалось спастись: они, уже больные, были найдены посланной на их розыски экспедицией.

После всех этих неудач экспедиции к полюсу надолго прекратились. Так закончи-

Каким же образом льдина с вещами с этого корабля могла попасть от берегов Сибири на другой конец Ледовитого океана?

Ответ был один: ее могло принести к берегам Гренландии только течение. Следовательно, в Ледовитом океане существует течение, которое, возможно, идет от берегов Сибири через весь океан и, может быть, через самый полюс.

Этим течением и решил воспользоваться Нансен. Он рассуждал таким образом: если построить такой корабль, который мог бы выдержать давление льдов, то этот корабль можно было бы вместе со льдами направить по этому течению, и он был бы доставлен

этим течением на полюс и затем к Гренландии, как и та льдина с вещами с «Жаннеты».

Девять лет Нансен потратил на пропаганду этой идеи, и только в 1893 году он смог приступить к осуществлению своего плана. Он построил специальное судно «Фрам» и на нем отправился к полюсу.

Однако, оказалось, что морское течение идет не через самый полюс, а несколько южнее от него и, таким образом, и этим путем полюс оказался недостижимым.

Когда льды с «Фрамом» стали отклоняться к югу, Нансен решил идти к полюсу пешком, хотя до него оставалось еще не менее четырехсот километров. **Вдвоем** со своим спутником Иогансеном, Нансен отправился на завоевание полюса. Но, пройдя около ста километров, он заметил, что льды, по которым они шли, движутся и вся масса льдов относится течением к югу. Поэтому получался «бег на месте». В то время, как Нансен шел на север, льды, по которым он шел, отнесли его назад, на юг.

Увидав, что таким образом нельзя никогда достигнуть полюса, Нансен повернул назад, к земле Франца Иосифа, находившейся в семистах километрах к югу.

После необычайной зимовки среди льдов, после всевозможных приключений Нансен и Иогансен добрались до земли Франца Иосифа, где они неожиданно встретили английского путешественника Джексона, который и спас их от голодной смерти.

После попытки Нансена стало очевидно, что достигнуть полюса ни на пароходе, ни пешком, невозможно, и тогда зародилась мысль о завоевании полюса воздушным путем.

Идею эту пробовал осуществить шведский ученый Андрэ. Летом 1897 года Андрэ вместе с двумя своими спутниками, Стринбергом и Френкелем, на воздушном шаре вылетел с острова Шпицбергена к северу. С тех пор об Андрэ и его спутниках не было никаких известий. Они бесследно исчезли в ледяных пустынях...

В 1907 году американец Вельман сделал попытку достигнуть полюса на дирижабле, но эта попытка окончилась неудачей.

После этого воздушный путь был также оставлен. Но попытки завоевания полюса продолжались. Исследователи начали после этого свой натиск на полюс со стороны американского материка.

В 1909 году американцу Пири, который посвятил на борьбу за полюс двадцать три года своей жизни, удалось, в сопровождении нескольких эскимосов, на собаках достигнуть полюса. Полюс был открыт.

После Пири была снаряжена русская экспедиция на полюс под начальством капитана Седова, но Седову не удалось достигнуть полюса, и он погиб среди полярных льдов.

Так как Пири не мог сделать детальных научных наблюдений на полюсе, то закончить его дело решил Роальд Амундсен, который вот уже с 1918 года стремится совершить вторичное завоевание полюса. После неудачных попыток достигнуть полюса на корабле, Амундсен решил в 1925 году достигнуть полюса воздушным путем на двух гидропланах. И на этот раз попытка Амундсена не привела к цели.

После этой неудачи Амундсена у Нансена и немецкого пилота Брунса зародилась идея завоевания полюса на дирижабле, осуществить которую, как мы уже знаем, взялись Амундсен—Эльсворт—Нобиле.

В заключение нашего очерка мы должны отметить, что теперешнее оживление борьбы за северный полюс диктуется уже не чисто научными целями, а и материальными.

Дело в том, что, с развитием воздухоплавания, северная полярная область приобрела крайне важное значение. Северный полюс представляет собою как бы центр, вокруг которого расположены Европа, Азия и Америка.

Вследствие этого кратчайшие пути из Европы в Америку и на Дальний Восток лежат через полюс. Насколько сокращается путь между Европой, Америкой и Дальним Востоком при маршруте через Северный полюс, видно из того, что воздушный перелет из Гамбурга в Сан-Франциско или Иокогаму потребует не более семи дней, тогда как самый быстроходный пароход совершает рейс между Гамбургом и Сан-Франциско около четырех недель.

Экономические интересы требуют завоевания северного полюса, так как, при установлении международных воздушных линий, северная полярная область должна стать оживленным перекрестком народов, а сам северный полюс узловой станцией воздушных мировых путей.

НА ГИДРОПЛАНАХ К СЕВ. ПОЛЮСУ.*Отрывки из дневника Р. Амундсена.*

Задачей прошлогодней воздушной экспедиции знаменитого полярного следопыта Роальда Амундсена, которую он предпринял на двух гидропланах «№ 25» и «№ 24», с пятью спутниками, было—достигнуть кратчайшим путем и быстрейшим способом северного полюса. Как известно, обоим гидропланам, начавшим полет в заливе Кингс Бей, на Шпицбергене, пришлось, израсходовав уже половину запаса горючего, снизиться среди хаотически нагроможденных льдов на 88° северной широты, не долетев до воображаемой точки северного полюса всего 254 километров.

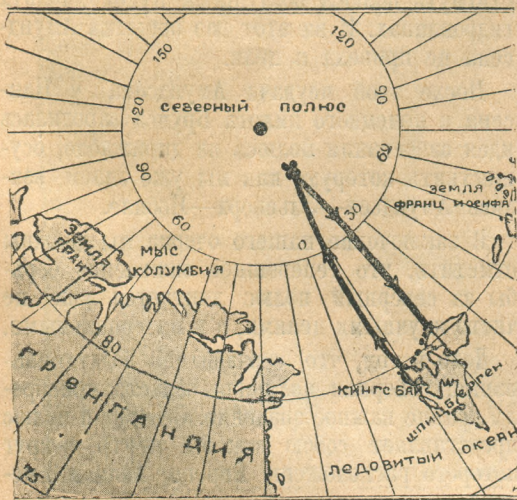

Схема пути, проделанного экспедицией Амундсена на гидропланах (май—июнь 1925 г.).

На «№ 25» летели: пилот Рисер-Ларсен, механик Карл Фохт и, в качестве наблюдателя, сам Амундсен. На «№ 24» летали: пилот Дитрихсон, механик Оскар Омдаль и, в качестве наблюдателя, Линкольн Эльсворт.

При спуске среди ледяных торосов, перерезываемых полыньями,—аппарат «№ 24» был поврежден и покинут, а «№ 25» спустился благополучно. Задачей объединенных усилий шестерых полосоискателей было — спасти и сохранить «№ 25» от напавших на него торосов и, очистив ледяную площадку для взлета аппарата, вернуться на нем уже всем вместе назад, на Шпицберген.

После многодневных нечеловеческих усилий им удалось это сделать, и все шестеро

благополучно вернулись к своей исходной базе—в Кингс Бей, на о. Шпицбергене.

Здесь помещены наиболее яркие отрывки из дневника Амундсена, посвященного этой эпопее. Характерной чертой великого полярного следопыта является бодрый юмор, которым пронизаны его заметки, хотя условия полета и, в особенности, борьбы с подвижными льдами за единственное средство своего спасения—уделевший аппарат «№ 25», как читатель увидит ниже, были порою почти трагическими.

По пути на Шпицберген.

Путешествие наше не было исключительно приятным. Мы были так плотно набиты в каюты, как только вообще возможно набить в каюты человеческие существа. Когда же пароход начало качать и швырять, воздух в каютах стал стучаться все больше и больше, а предметы, висящие перпендикулярно при обычных условиях, как, например, полотенце, пальто и т. д., встали под прямым углом к стенам,—и, конечно, нет ничего удивительного, что «существа» начали чувствовать себя не в своей тарелке. Но, разумеется, морской болезнью никто не заболел! Я плаваю по морю свыше тридцати лет и еще не встречал до сих пор ни одного человека, который сознался бы в том, что он страдает морской болезнью.

— Что вы? Морская болезнь? Да ничего подобного, только немного болел живот или голова!

В своем дневнике я, правда, записал, что на борту было много страдающих морской болезнью, но я прошу у своих спутников извинения, если с моей стороны произошла ошибка. Я, кроме того, столь изумительно правдив в дневнике, что делаю в нем заметку о неуверенности и в своей собственной твердости. Но это замечание, повидимому, могло касаться только одного меня!

Ночь на 10-е апреля была особенно неприятна. Цапфе, Эльсворт и я помещались в кают-компанию. Цапфе сидел в уголке дивана и был довольно бледен, но утверждал, что он никогда не чувствовал себя лучше. Эльсворт и я лежали в своих спальнях мешках, и, если судить по восклицаниям и движениям, которые я видел и слышал, то я, наверное, могу рискнуть на утверждение, что мы все находились в том же состоянии блаженства, что и Цапфе.

Все, что было над головами и могло сорваться с мест, не замедлило это сделать. Стулья, кажется, всецело завладели кают-компанией. Кунштюки, которые они выкидывали в течение ночи, совершенно непостижимы! Иногда они работали в одиночку, иногда действовали сплоченными массами. Какому-то ящику с сигарами тоже удалось присоединиться к ним, и я помню, как сигары со свистом летали мимо наших ушей! Несмотря на бедность, Цапфе не совсем утратил хорошее настроение духа.

— Мне кажется, братцы, что я нахожусь в Гаванне,—прозвучали спокойные и бодрые слова, когда первый заряд сигар попал в него. Я спросил, не удовольствуется ли он Бременом, но на это он не согласился.

В кухне, которая находилась рядом с кают-компанией, как-будто разместился расширенный «джаз-банд». Какими инструментами в нем пользовались, для меня осталось невыясненным. Цинковое ведро во всяком случае старалось изо всех сил! К счастью, волнение немного улеглось на следующий день, и большая часть «существ» появилась на палубе, хоть и с бедностью на лицах и несколько потрепанным видом. Мимоходом я спросил одного из тех, у которого был особенно помятый вид, не страдал ли он морской болезнью, но этого мне не следовало делать.

С холодным презрением он мне ответил, что ничего подобного с ним никогда еще не случилось! Что с ним случилось спустя полминуты, когда ударом волны под корму его вклинило между двумя ящиками и принудило расстаться с последней частью завтрака, об этом я ничего не знаю. Конечно, не морская болезнь!

Парусник Ронне.

Наиболее занятым членом экспедиции был мой старый спутник по путешествиям со времен «Фрама» и «Мод» — матрос-парусник Ронне. Неутомимый и бодрый, он всегда вставал раньше всех и принимался за работу задолго до других. Но ему нужно было вставать рано, если он хотел исполнить во-время все поручения, которые потоком лились к нему ежедневно в огромном количестве. То он шил обувь, то штаны, то палатки, то спальные мешки. Он сработал лодки и сделал переплет на сани.

Одно из его лучших достоинств это — способность брать с собой в путешествие, подобное нашему, все, что другие забыли взять. Не хватало у кого чего-либо, можно было быть уверенным, что Ронне поможет ему выйти из затруднения.

На этот раз его величайшая заслуга состояла в том, что он при нашем отлете на север дал мне длинный нож, сделанный из старого штыка, которому суждено было стать самым выдающимся инструментом для ломки льда. У меня уже был превосходный финский нож, но я взял подарок, чтобы не обидеть его. У меня было намерение отложить его к тем или другим из оставляемых мною вещей, потому что нож был слишком велик для ношения. Но так или иначе нож нашел дорогу в мой рюкзак и позднее сослужил нам неоценимую службу. Целые тонны льда были убраны при помощи его с пути моими товарищами и мною. Когда я поеду в путешествие в следующий раз, то возьму с собой по крайней мере целую дюжину таких ножей!

Старт в Кингс-Бей.

Когда 21-го мая утром я высунул нос из окна, то сразу понял, что для полета день настал. Была чудесная летняя погода при легком береговом бризе, — как раз такая, какую желали наши летчики. Старт был назначен в четыре часа дня.

В три часа дня мы все собрались у машин. В четыре часа пускаются в ход все четыре мотора для разогревания. Для всех нас это знак, что теперь час уже близок. Оба солнечных компаса, которые были поставлены на четыре часа, пускаются в ход одновременно, и моторы гудят. Тем временем мы шестеро облачаемся в свои огромные тяжелые одежды для полета. Оба летчика и наблюдателя одеты одинаково. Толстое шерстяное белье, а поверх меховая одежда.

Мы надеваем по паре тонких чулок и валенки, а поверх них еще натягиваем свои гигантские брезентовые сапоги, набитые осокой. Результаты блестящи. Мы не только не мерзли потом, но некоторые из нас даже жаловались на чрезмерное тепло.

На руках у пилотов толстые кожаные рукавицы, которые вполне их защищают. У меня лично только пара старых шерстяных

перчаток, и то я их почти не надевал во время всего нашего путешествия, так как постоянно должен был писать. Механики одеты легче, так как им все время приходилось быть в оживленном движении между помещением для бензина и моторами.

После того, как покончено с надеванием этого облачения, все члены экспедиции занимают свои места.

Теперь нужно попрощаться со всеми,—и образуется длинная очередь людей, проходящих мимо машин.

Тем временем моторы трещат и работают полным ходом, и вот наступает пять часов. Моторы совершенно разогреты, и Грин одобрительно кивает головой. Его улыбка выражает полнейшее удовлетворение. Последние рукопожатия, и затем—в путь. Мотор работает с бешеной скоростью, и «№ 25» дрожит и трясется. План таков, что наша машина возьмет старт. Точно также решено, что аппараты будут держаться вместе в течение всего полета. Что сделает один, то сделает вслед за ним и другой.

Последний толчок,—и «№ 25» сдвигается и медленно соскальзывает по скату на лед фьорда. Путешествие началось.

С бешеной быстротой—около 1.800 оборотов в минуту—мы бежим по льду к намеченному месту старта посреди фьорда. Вдур мы видим, что лед трескается далеко впереди нас и вода бьет водопадом.

В один миг машина бросается в глубину фьорда, прямо на ледник, и развивает скорость до крайних пределов—2.000 оборотов. Это было одним из самых захватывающих моментов. Пилот сидит у руля. Если бы он сидел за столом и завтракал, то едва ли был бы спокойнее. Но по мере того, как скорость растет,—и мы приближаемся к леднику с бешеной быстротой. Мы несемся по льду с быстротой бури. Скорость растет и растет, и вдруг... да, внезапно, происходит чудо. Резким рывком поднимает он аппарат вверх со льда. Мы в воздухе. Мастерски сделано! Мне кажется, что я ясно слышу, как напряженное состояние всех оставшихся внизу и с затаенным дыханием смотревших на нас разрешается облегченным «А-ах!»—чтобы затем вылиться в бурный клик восторга.

Обе огромные птицы начинают вместе свой полет к неведомому...

Глубокая и искренняя благодарность моим пятерым сотоварищам, которые все добровольно бросают жизнь на чашку весов, благодарность за то, что страшное ярмо снято, наконец, с моих плеч, снято и исчезло навсегда насмешливое презрение, которое мне столько раз приходилось чувствовать за два последних года при моих постоянных неудачах. Даже если бы мы рухнули вниз, тут, на этом месте, то все же с нашего предприятия нельзя было бы уже сорвать печать серьезности.

Над белой пустыней.

Мы быстро летим вдоль северо-западного берега Шпицбергена, где море под нами совершенно свободно ото льда.

Через час полета мы находимся на траверзе Амстердамского острова. Но здесь нас встречает неприятный туман, густой, как каша. Сперва он идет на нас клочьями с северо-востока—сырой и холодный. Затем гуще и гуще. Тем временем пилот берет руль высоты, и мы летим как бы над шерстяным одеялом.

От вершины Амстердамского острова мы направляемся к северу, в царство тумана. Ледяное поле колоссальных размеров лежит перед нами. Целых два часа мы летим над ним, на расстоянии добрых 200 километров. Время от времени мы пролетаем над крохотным просветом в нем, и я получаю представление о характере лежащей внизу местности. Такое странное положение вещей продолжается впредь до самого 82° северной широты.

Немного после восьми часов туман расходится и вдруг, в одно мгновение, исчезает, как под влиянием волшебства, а под нами и впереди нас открывается огромная сверкающая поверхность, знаменитый сплошной лед.

Сколько несчастий на протяжении ряда лет ты ни приносило, о, бесконечное белое пространство, каких только лишений и каких только бедствий ты ни видало! Но ты также повстречалось и с теми, кто поставил ногу на твою выю и силой бросил тебя на колени. Не припомнишь ли ты Нансена и Иогансена? Не припомнишь ли ты герцога Абруццкого? Не припомнишь ли ты Цири? Не припомнишь ли, как они шли по тебе и все же, хотя ты и сопротивлялось, поставили

тебя на колени. Тебе следовало бы отнестись с уважением к этим молодцам! Но что ты сделало с теми, которые держали путь прямо в твое сердце, чтобы никогда больше не вернуться домой? Куда ты их девало, спрашиваю я. Никаких следов, никаких знаков — только одна бесконечная белая пустыня!..

Я никогда еще не видел ничего более пустынного и унылого. Я думал, что изредка покажется какой-нибудь медведь, который хоть немного нарушит это однообразие. Но нет, — абсолютно ничего живого. Если бы я знал это, то, пожалуй, захватил бы с собой блоху, только для того, чтобы иметь рядом хоть что-либо живое!

Вынужденный спуск.

В 1 час 15 минут утра в ночь на 22-е мы долетели до первого свободного ото льда пространства, сколько-нибудь значительного по размерам. Это была не полынья, а целое озеро с узкими рукавами, расходящимися по различным направлениям. Оно давало нам первую возможность спуска. Так как Фохт сообщил, что половина всего запаса бензина уже использована, то мы нашли нужным попробовать спускаться. Поэтому мы решили сделать необходимые наблюдения для определения своего местонахождения.

Теперь возник вопрос, куда нам спускаться? Разумеется, спуск на воду был самым безопасным, поскольку дело касалось самого спуска, но тут опять явилось возражение, что лед может закрыться и раздавить нас раньше, чем мы успеем снова подняться на воздух. Поэтому мы все были согласны с тем, что, поскольку встретится возможность, мы будем садиться на лед. Для того, чтобы обследовать местность как можно тщательнее, мы начали спускаться большими спиралями. Во время этого маневра в заднем моторе начались сильные перебои, и это изменило все положение. Вместо того, чтобы выбирать, мы должны были брать то, что подвертывалось. Машина была еще слишком тяжела, чтобы держаться в воздухе с одним мотором. Необходимо было спускаться без промедления.

Мы спустились так, что лед затрещал и захлопал. Для нас было счастьем, что мы опустились среди сала, потому что оно несколько замедлило нашу скорость, но, с другой стороны, это ослабило маневренную

способность аэроплана. Мы проносимся мимо тороса на правом берегу. Машина кренится и уклоняется влево, так что несущая поверхность почти касается тороса, проносится над ним и вздымает высоко кверху лежащий на нем снег. Берегись!

Мы несемся на другой торос с левой стороны; он выглядит еще более внушительным и грозным. Убережемся ли мы от него? Каждое мгновение я ждал, что левое крыло разлетится вдребезги. Скорость нашего бега теперь быстро убывала в толстом слое мелкого льда, и мы остановились в глубине рукава, почти уткнувшись носом аппарата в торос. Чуть быстрее, и мы разворотили бы себе нос!

Пока-что все хорошо. Мы еще живы.

Но в любой момент и без всякого предупреждения наше свободное пространство между льдами могло снова закрыться и раздавить нас, как давят орех шелкунчиком. Чтобы предохранить себя от этого, мы решили вытащить аэроплан на торос, у которого мы находились.

С первого взгляда это могло показаться безнадежным. Сперва нужно было снести прочь торос, а потом устроить наклонную плоскость. Но чем, собственно, мы будем работать? Мы рассчитывали опускаться на годный для этой цели лед и подниматься с удобного же льда. Такого же положения, в каком мы оказались, никто и во сне не видал! — Итак, мы начали с осмотра наших инструментов, выбирая подходящие: три финских ножа, один большой нож, один топорик, один якорь для льда, в случае нужды могущий сойти за кирку, и, наконец, одна большая и одна маленькая лопата. Просто невероятно, чего только человек не сделает, когда его понуждают к этому обстоятельству. Перед нами был только один выход, и он заключался в том, чтобы отвести машину в безопасное место, а для достижения этой цели нужно было срыть прочь торос и выравнять льдину, хотя бы нам пришлось работать просто голыми руками.

Так как мы были совершенно неопытны в такой работе, а она свалилась на нас совершенно неожиданно, то вначале мы работали несколько неуклюже. Но мы вложили в работу всю свою волю, и при невероятной выдержке нам удалось разделаться с торосом. Позднее мы срывали подобный торос в баснословно короткое время.

Борьба со «Сфинксом».

4-го июня в два часа утра мы начали эту работу и работали целый день. Когда к вечеру мы закончили расчистку и подготовку поля, спустился туман и помешал нам стартовать. Немного позднее началась оживленная подвижка льда, а ночью он стал вздыматься и напирать со всех сторон. Вокруг нас свистело и завывало, и лед начал зажимать аэроплан в тиски. Дитрихсон вооружился алюминиевой штангой четырех метров длины и с ее помощью превратился в выдающегося работника. Омадал работал штативом от кинематографического аппарата. Штатив был очень тяжел и оканчивался тремя острыми, окованными железом ногами. Поэтому каждый удар им был тройной удар и производил чудовищный эффект! Рисер-Ларсен был единственным, кто привез с собой резиновые сапоги и вот, подтянув их до самого пояса, он выделял прыжки, поразительные по своему сокрушающему действию.

Борьба продолжалась целую ночь, и когда наступило утро, мы еще смогли, бросив взгляд кругом, увидеть, что поле битвы осталось за нами. Но во время этой битвы толстый старый лед значительно придвинулся к нам навстречу. Повидимому, в особенности «Сфинкс» точил на нас зубы. Это был страшный торос футов тридцати вышиной, изумительно напоминавший сфинкса!

Подвижка льда замкнула полынью и совершенно испортила всю нашу работу по устройству места для старта. Весь день 5-го июня стоял промозглый и густой туман и моросило. Время от времени лед пищал и потрескивал, как-будто обращая наше внимание на то, что он еще существует и не совсем расстался с нами. Что же оставалось тут делать?

Со своей обычной энергией Рисер-Ларсен отправился после обеда в экскурсию через торосы, в сопровождении Омадала, чтобы посмотреть, нельзя ли будет найти какое-нибудь другое место, которое можно было бы приспособить под стартовую площадку. Они

Экспедиция Амундсена в 1925 г. после вынужденного спуска среди ледяной пустыни, в 254 км. от шестеро

уже повернули, чтобы идти домой, как вдруг туман, который все время мешал им видеть, внезапно рассеялся, и что же оказалось? Они стояли среди единственной ровной льдины, которой можно было бы воспользоваться! Она была не совсем ровная, но из нее можно было при усердной и терпеливой работе приготовить поле для разбега. Они вернулись домой, веселые и полные надежд, и сейчас же по адресу «Сфинкса» загремела бодрая песня.

В семь часов вечера мы снова пошли к аппарату, чтобы съесть свои три галеты. Зрелище, которое там нас встретило, могло бы привести в отчаяние и самых мужественных людей! Сплошной паковый лед насадал почти вплотную на аэроплан и был от него на расстоянии всего каких-нибудь нескольких метров. «Сфинкс», казалось, качал головой и прыскал от радости! Ну, теперь он до нас доберется! Но он просчитался. Шесть человек, на которых он смотрел сейчас с высоты, были уже не теми шестью, что несколько дней тому назад прибыли сюда по

воздуху из теплых земель, избалованные всеми земными благами. Шесть человек, на которых он смотрел, были шестью людьми, закаленными в борьбе, закаленными лишениям и голодом, не боящимися ничего решительно на этой земле—даже самого «Сфинкса»! «Вперед, ребята, за отчизну и за все, что нам дорого! Пусть это будет сам дьявол, вали его с ног!».

И вот началась работа, выполнение которой дало нам, вероятно, большую уверенность в своих силах, чем все, совершенное нами до сих пор: мы повернули тяжелую машину в течение нескольких минут. Что при этом совершил каждый в отдельности, сказать трудно, но это был подвиг Геракла! Мы налегали изо всех сил, мы напирали, мы давили, мы цеплялись: «Ты повернись!».. Раньше, чем мы успели понять все как следует, аэроплан повернулся на 180°, и курс был проложен на новый скат. «Сфинкс» повесил голову и скис, но на следующий день он уже стоял как раз на том месте, где накануне был «№ 25»!

полюса. Слева — поврежденный гидроплан «№ 24». В центре — «№ 25», на котором потом вернулись все путешественники.

Обратный путь по воздуху.

15-е июня было назначено самым крайним сроком для наших попыток стартовать. Если бы у нас ничего не вышло, мы должны были собраться, обсудить положение вещей и решить, что нам делать... Большого выбора перед нами не было. Нам приходилось либо сейчас же бросать машину и идти на юг к ближайшей твердой земле, либо оставаться на месте, надеясь на то, что при первом удобном случае нам удастся подняться на воздух. Мы выкинули изумительный кунштюк, оставив Шпицберген с запасом провианта на один месяц и имея теперь, после четырехнедельного пребывания во льдах, еще запас на шесть недель! Таким образом, мы могли поддерживать свое существование до 1-го августа.

Первый план—йти на юг к земле—казался мне более отвечающим здравому смыслу, потому что мы могли пройти так далеко на юг к тому времени, когда у нас кончился бы провиант, что повстречали бы там какую-нибудь дичь. Кроме того, этот план имел то большое преимущество, что мысли наши были бы заняты работой, которую мы имели бы перед собой. Против этого плана говорило то, что у нас было мало снаряжения и, кроме того, что мы, несомненно, очень ослабели. Когда я взвешивал про себя оба эти плана, то всегда кончал тем, что находил план идти на юг к земле и самым лучшим и самым разумным. Но едва только я приходил к этому выводу, как сейчас же какой-то голос начинал шептать мне на ухо: «Да, что ты, обалдел! Что же, ты хочешь бросить целую, хорошую машину с полным запасом бензина и отправиться в путь по ледяным глыбам, где ты можешь погибнуть самым печальным образом? Может быть, завтра здесь вскрыется полынья, и ты будешь дома через восемь часов!».

14-го вечером мы выбросили из аэроплана на лед все, кроме самого необходимого. Мы оставили себе бензина и масла на восемь часов, брезентовую лодку, два дробовика, двести патронов, шесть спальных мешков, палатку, кухонные принадлежности и недели на две провианта. Из платья мы оставили только то, что было надето на нас.

15-е июня настало, при 3° С и при легком ветерке с юго-востока, какой именно и был нам нужен. За ночь поверхность для разбега хорошо подмерзла и покрылась твердым на-

стом. Состояние неба было не из первоклассных—низкие слоистые облака—но что нам было за дело до состояния неба! Нас не остановил бы даже самый густой туман! При таком освещении расчищенную для разбега местность было плохо видно. Поэтому по обеим сторонам дорожки были расставлены небольшие черные предметы для того, чтобы пилот был уверен в безошибочности взятого направления. Чуть правее или чуть левее,—и это могло решить нашу судьбу! В половине десятого утра все было готово, и солнечные компасы и моторы пущены в ход. Требовалось три четверти часа на полное разогревание. Наша дорожка для разбега была далеко не идеальна, но безусловно она была наилучшей из всех тех, которые можно было бы устроить в этой местности. В половине одиннадцатого все было в порядке. Нечего и говорить, что нам приходилось пережить несколько захватывающих моментов. Аэроплан быстро развивал скорость. На перевале, в 100 метрах расстояния, была дана самая большая скорость—2.000 оборотов в минуту. Аэроплан швыряло и бросало, он дрожал и стонал, как будто «№ 25» давал себе отчет в обстановке! Словно он собирал всю свою энергию для последнего решающего прыжка у южного края льдины. Или—или!

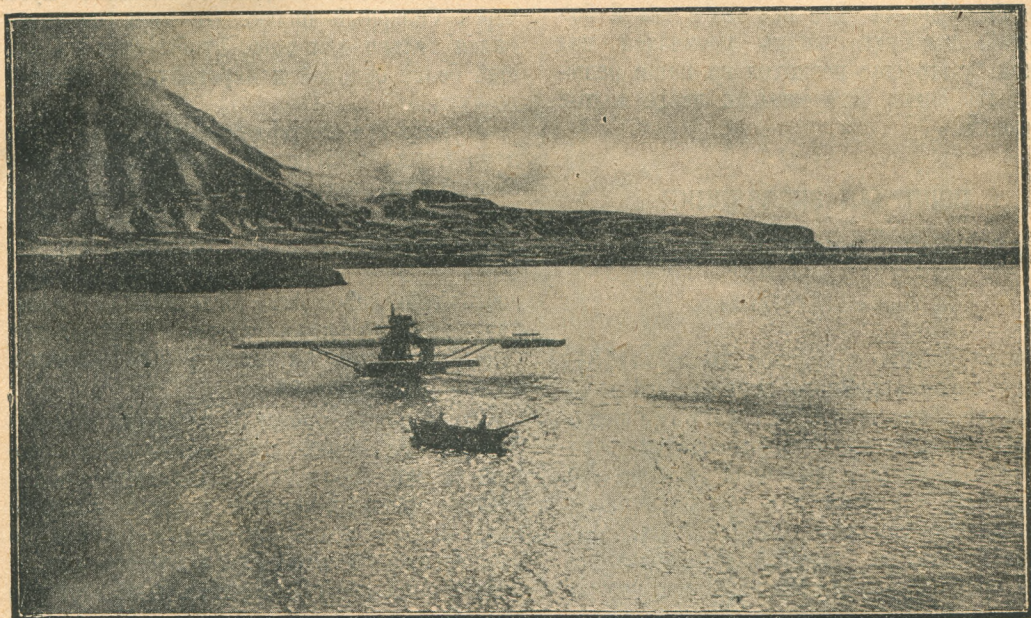
Мы промчались через расщелину в три метра ширины, соскочили с льдины шириной в сорок метров, и вот... Возможно ли? Да, это так! Царапающего звука уже не слышно, и гудят одни моторы.

И вот начался полет, который во все времена будет занимать место среди самых выдающихся в истории воздухоплавания,—полет на расстоянии 850 километров, имея рядом с собой ближайшим соседом смерть! Ведь нужно вспомнить, что мы побросали собственно говоря почти-что все! Если бы мы даже каким-либо чудом остались в живых в случае непредвиденного спуска, то все же наши дни были бы очень скоро сочтены.

Тучи лежали очень низко, и мы были принуждены часа два лететь на высоте 50 метров. Повсюду хаотически нагроможденный лед. Интересно было также заметить, что ровная льдина, которая при нашей последней попытке доставила нам свободу, была единственной ровной льдиной на много миль кругом. Мы бросили последний прощальный взгляд на «№ 24», и он исчез из

наших глаз навеки. Моторы работали, как швейные машины и внушали нам безграничное доверие. Курс был взят на северный берег Шпицбергена. В течение трех часов у нас была ясная погода, но потом мы попали в густой и плотный туман. Мы поднялись на высоту 200 метров и полетели над туманом при чудной солнечной погоде. Лед по

торыми приходилось считаться, и среди них, главным образом, близость Шпицбергена. Если бы мы налетели на стену утесов со скоростью в 120 километров в час, то от нас немного бы осталось. И поэтому был только один выход—лететь над туманом. И вот на этот-то именно выход и решился пилот.

Гидроплан «№ 25» у берегов Шпицбергена после возвращения из экспедиции.

своему качеству был такой же, как при нашем полете на север. Всюду полнейший хаос.

На 82° северной широты начался опять туман. Долгое время пилот пытался лететь ниже тумана, и этот период нашего полета мог бы доставить удовольствие всем тем, кто ищет развлечений, щекокущих нервы. Туман опускался все ниже и ниже, и к концу мы неслись буквально над самой верхушкой торосов. Со свистом пролетали мы над верхушкой то одного, то другого тороса. Несколько раз торосы вырастали прямо перед нами, так близко, что я думал: «Ну, от этого мы не увернемся!». Но нет, мы пронеслись над ним. Еще на несколько миллиметров ниже,—и нам бы не увернуться! Наконец, положение сделалось невыносимым. Туман и лед сливались воедино. Немыслимо было что-либо видеть. Кроме того, теперь были и другие обстоятельства, с ко-

На борту рыбачьего куттера.

У берегов Шпицбергена нас подобрал небольшой рыбачий куттер.

Вся команда встретила нас самым сердечным образом и проводила вниз в каюту. Эта каюта мало походила на танцевальный зал,—он была два на два метра,—но по сравнению с тем, к чему мы привыкли за последние четыре недели, мы нашли ее просторной и комфортабельной. Экипаж совершенно ее освободил и передал нам в полное владение. Четверо из нас могли спать на двух широких койках, которые находились в каюте. Двоим же было предоставлено место в каюте экипажа. «Не хотите ли кофе?»—был первый заданный нам вопрос. Еще бы мы не хотели! Ну, конечно, и если можно, то поскорее, а после хорошо бы покурить! Дело в том, что мы последние дни сидели без табаку и томились без курения.

Первая порция кофе особенного успеха не имела. Кофейник был поставлен для разогревания на печь, и, когда судно поддало волной, он вылился прямо на спину Рисер-Ларсена. Таким образом, Рисер-Ларсен был первым, получившим кофе, но поправилось ли оно ему, об этом нельзя было судить по его выражениям. Перед нами извинились за тюлений бифштекс, но этого не надо было делать. Все исчезло с такой быстротой, как будто вихрь промчался над столом, и это еще несмотря на наше решение быть очень осторожными после долгой голодовки.

ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

АМУНДСЕН—ЭЛЬСВОРТ—НОБИЛЕ.

Очерк И. Горкина.

Роальд Амундсен родился 16 июля 1872 года в семье скромного норвежского судовладельца. Зная на опыте с какими опасностями сопряжена жизнь моря, родители готовили его к мирной врачебной карьере. Но, рожденный в стране и в семье моряков, Роальд жадно тянулся к морю—к этой таинственной стихии, которая с неодолимой силой приковывала к себе пытливого воображение многих поколений его соотечественников.

Есть старая норвежская сказка о том, что кто раз услышал влекущий зов моря, тот уже навсегда оказывается во власти его изменчивой стихии и обречен вступать на твердую почву только для того, чтобы снова и снова возвращаться в лоно бурь и шквалов. Эта сказка, отражающая огромное влияние моря на психологию моряков, целиком нашла себе оправдание на Роальде Амундсене. Первое плавание решило судьбу юноши: не пробыв и двух лет на медицинском факультете, он всю остальную свою жизнь посвятил на то, чтобы год за годом отвоевывать у моря скрытые в нем тайны.

Море быстро развило в нем заложенные природой качества: научный инстинкт, неустрашимую энергию и неутомимое стремление к поставленной перед собой цели. В 1897 году он предпринял свое первое серьезное плавание, участвуя в качестве юнги в антарктической экспедиции под командой капитана де-Герлаха. И уже через

шесть лет он сам командует судном, на котором ему удалось совершить несколько удачных экспедиций к полюсу. С тех пор Амундсен оставался на суше только для того, чтобы накапливать средства для новых и новых исследований. Все остальное время он в подавляющем большинстве проводил в полярных странах, неутомимо добываясь своей заветной цели: открытия великого пути через Северный полюс. От моря он оторвался только для того, чтобы сменить его еще более опасной и неустойчивой стихией воздуха.

Неудачи его предшественников—от Андрэ и до Пири пытавшихся пересечь полярную область по воздуху,—и даже неудача его собственной прошлогодней попытки не охладили его дальнейших изысканий. Убедившись в том, что аэроплан не является достаточно надежным средством для передвижения по необозримому пространству северных льдов, Амундсен решил заменить аэроплан дирижаблем.

Своим новым проектом Амундсен так заинтересовал своих соотечественников, что норвежский аэро-клуб создал специальный организационный комитет, в задачу которого входили все подготовительные работы по осуществлению этого грандиозного плана. Средства на это предприятие и на этот раз предоставил американский миллиардер Эльсворт, который уже в прошлом году субсидировал первый воздухоплавательный опыт Амундсена. Все дело, таким образом, оставалось только за пригодным для экспедиции аппаратом.

После долгих поисков Амундсен остановил свой выбор на полу-жестком дирижабле N 1, из числа тех, которые с таким успехом производит последнее время итальянский правительственный воздухоплавательный завод. Дирижабль этот, спроектированный и сконструированный полковником итальянской авиации Нобиле, имеет 18.500 кубических метров измещения, 106 метров в длину, 18 с лишним метров в диаметре, 24 с лишним метра в высоту и 19,5 метра в ширину. Без пассажиров и запасов горючего судно весит 11 тонн.

«Норвегия» (так теперь назван этот дирижабль), имеет три мотора Майбаха в 240 лошадиных сил каждый. При отсутствии противных ветров машина может дать до 100 километров в час. При экономном рас-

ходовании 7 тонн горючего должно хватать на расстояние в 3.500 английских миль.

Вся команда дирижабля исчисляется в 18 человек, включая Амундсена. Обязанности команды распределяются следующим образом: Амундсен и Эльсворт — ответственные

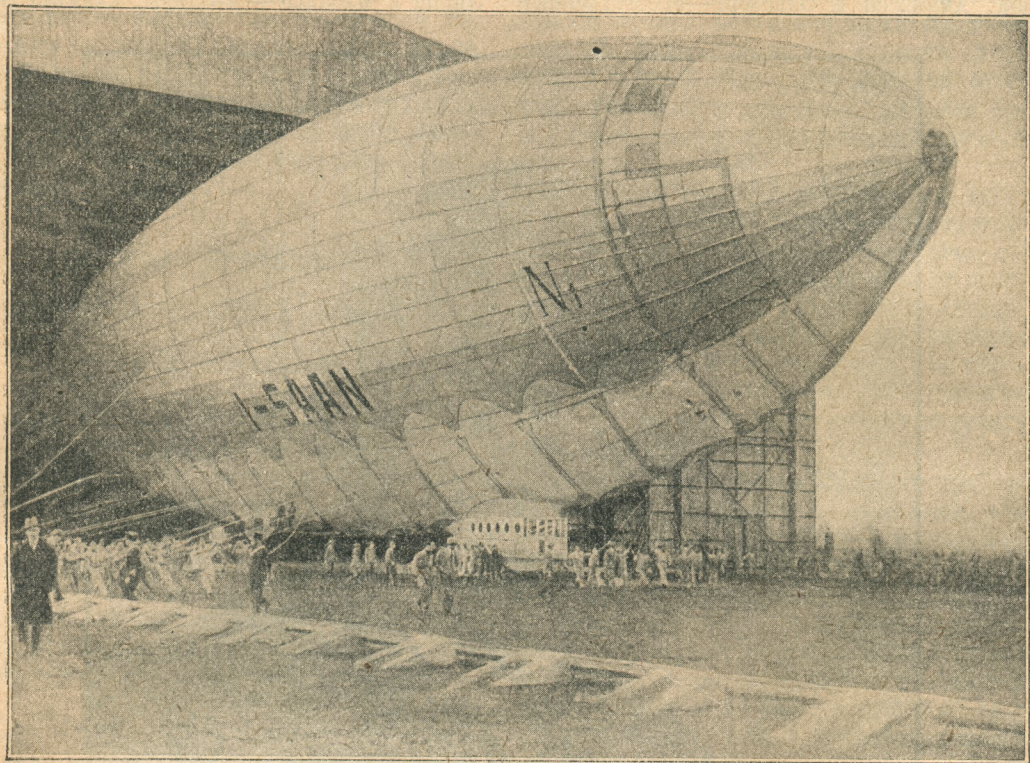
руководители экспедиции; Умберто Нобиле (конструктор «Норвегии») — первый пилот; Рисер-Ларсен — второй пилот; Чечьони — главный механик; Ардуино, Каратти и Белагамба — его помощники; Алесандрини, Липпи и Маральо — монтеры; капитан Вис-

Великий полярный следопыт, Роальд Амундсен, вновь летящий к Сев. полюсу на дирижабле «Норвегия». Главной задачей нынешней экспедиции он поставил исследование «белого пятна» на карте — неведомых областей, лежащих между полюсом и северным побережьем Аляски и с.-в. Сибири.

стинг (плававший с Амундсеном на судне «Мод») — заведующий операциями по посадке и снижению; капитан Фредерик Готвальд — начальник радио-связи; Олинкин (по происхождению русский) *) — его помощ-

маршруту: Шпицберген — Северный полюс — Область неисследованных льдов — Пойнт Барроу (Аляска). Пойнт Барроу от Шпицбергена отделяет 2.220 миль. При благоприятных атмосферных условиях Амундсен

Дирижабль итальянского инженера Нобиле «N 1» (теперь «Норвегия»), на котором летит к Сев. полюсу экспедиция Амундсен—Эльсворт—Нобиле.

ник; Мальмгрен — метеоролог; Омдаль — специалист по моторам; Рамм — журналист, а остальные — в том числе и племянник Амундсена — входят в команду в качестве вспомогательного технического персонала.

Перелет, совершенный «Норвегией» по Европе, представляет собой, так сказать, «смотр сил». Фактически экспедиция начнется только со Шпицбергена, следуя по

рассчитывает покрыть это расстояние в 60 часов. Однако, предвидя всевозможные осложнения, экспедиция берет с собой запасы, которые дадут ей возможность просуществовать полгода вне пределов человеческой досягаемости.

Одним из весьма важных моментов в деле успеха экспедиции является выбор такого времени года, которое в максимальной мере

*) Т. Оленин родился в Александровском уезде Архангельской губернии. В 1914 году Оленин перешел в Архангельск, а через три года уехал служить на Югорский шар. С этого времени начинается его работа с Амундсеном. В 1918 году он поступает на амундсеновское судно «Мод», на котором до 1921 года плавает вдоль сибирских берегов. С 1921 года по 1922 год Оленин работает в Америке в порту, где ремонтируется «Мод», снова выходит в море и три года, дрейфуя во льдах с кораблем,

пропадает почти без вести. Во льдах они пропали, отрезанные от мира, от Аляски до Новосибирских островов, откуда Беринговым проливом вышли в море и попали в порт Ситл.

Любовь к путешествиям в ледяные просторы у Оленина появилась с детства. Еще ребенком он часто с отцом-рыбаком далеко уходил с материка во льды на лодке или пешком.

По возвращении с Северного полюса Оленин собирается приехать в СССР, где будет читать лекции о знаменитом перелете.

обеспечило бы устойчивость атмосферных явлений. Именно поэтому Амундсен отнес начало своей экспедиции на конец мая. Как раз в эту пору прекращаются полярные бури и еще не успевают скопиться густые туманы. Туманы сами по себе мало страшны для дирижабля, так как последний может во всякое время подняться выше уровня их распространения. Но полет на высоте больше 1.000 метров мог бы в значительной степени ослабить возможность научных исследований и наблюдений.

«Норвегия» снабжена всеми последними радио-усовершенствованиями—как для приема, так и для отправки радио-сообщений. Радио-установка сделана с таким расчетом, что за все время перелета экспедиция только на очень короткий период теряет связь с внешним миром. Все же остальное время дирижабль будет отправлять и получать сигналы, находясь в постоянном общении с какой-нибудь из шести северных станций, расположенных по радиусу от Северного полюса.

Нечего говорить о том, какое колоссальное практическое значение приобретет, в случае успеха, экспедиция Амундсен—Эльсворт—Нобиле. Если ей действительно удастся обнаружить подлинную природу Великой Пустыни Льдов—она откроет этим новую, захватывающую по интересу страницу географической науки. Один только какой-нибудь оазис на фоне Полярной пустыни, один клочок земли, пригодной для временного убежища человека, и какой это может повлечь за собой радикальный переворот во всей системе путей сообщения современного человечества.

Амундсен еще раз пытается вырвать у природы великую тайну Полярной области. Несмотря на свои пятьдесят четыре года, он смело идет навстречу новым опасностям и несет себя и своих спутников в жертву пылкости человеческой мысли.

С затаенным дыханием будет следить мир за исходом этой новой попытки и за судьбой экспедиции, которая имеет полное право на пожелание ей успеха.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПОЛЯРНЫЕ ЗЕМЛИ.

Главнейшей целью экспедиции Амундсена — Эльсворт — Нобиле является исследование неведомых пространств Северного Ледовитого океана.

Область эта занимает огромные пространства, около миллиона квадратных миль. И так как Северное Полярное море покрыто вечнодвижущимся ледяным покровом, то исследование его особенно трудно.

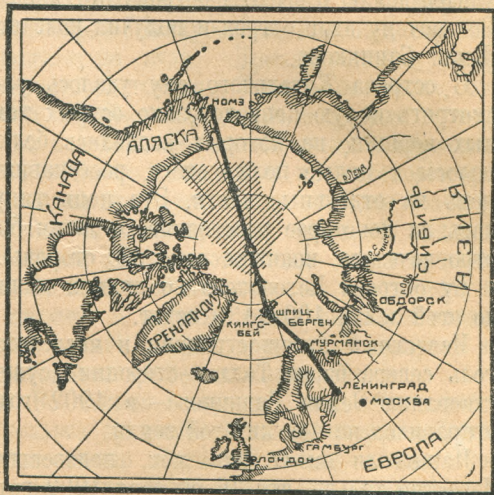
А, между тем, есть много оснований предполагать, как это делает Пири, а вслед за ним и Амундсен, что в этой области существует земля—оазис среди льдов. Вот это-то оазис и хочет открыть Роальд Амундсен.

Давно уже, с почти полной несомненностью доказано, что Северный полюс не находится в центре Полярного моря и что Северный полюс это лишь крайний пункт огромнейшей ледяной пустыни, куда никогда еще не ступала человеческая нога (быть может, нога культурного человека), так как льды мешают кораблям подойти к берегу.

А эта пустыня есть остров неведомый и никем еще не исследованный.

У нас он давно уже получил название: это—Земля Санникова и находится она в Северном Ледовитом океане.

Давно известно, что где-то, под 80° северной широты, в Ледовитом океане нахо-

Маршрутная карта полета на дирижабле «Норвегия». Заштрихованная часть полярной области — никем еще не исследованные пространства.

дится земля, удобная для жизни человека. Многие промышленники утверждают, что в ясные дни ее можно видеть с острова Котельного. А известный промышленник Санников, проводник и спутник Геденштрома, который первый в начале XIX века описал

Dette kort vil blive medtaget paa «Fram» over Polhavet og det efter postbefordret til adressen.

Diese Karte wird von «Fram» über das Polarmeer befördert und danach dem Absender zur Post zugehändigt.

This card will be carried by the «Fram» across the Polar Sea and afterwards conveyed by post to the addressee.

Cette carte, emportée à bord du «Fram», traversera avec lui l'Océan glacial et sera ensuite renvoyée par la poste au destinataire.

R. Amundsen

Enret Mittet & Co. Kristiania. Norge.

Monsieur
Nicolas Lebedeff
Nicolas Lebedeff

Moscou (Russie)
Антан болмий Афа.
Анбат Болхой Арханасиш
на северный пер
рассеянок, maison № 7

Лицевая сторона открытки, полученной сотрудником «Вс. Следопыта» Н. К. Лебедевым от Р. Амундсена, с его автографом и почтовым штемпелем судна «Мод». (К заметке на стр. 66).

остров Б. Ляховский или Ближний остров, увидел землю с высоты острова Котельного. Вот почему этот остров и получил название Земли Санникова.

С острова Котельного ему удалось рассмотреть целую цепь довольно острых темных вершин, на которых виднелись белые полосы и целые поля снега, рассекавшие цепь на отдельные части. Эта цепь тянулась на некоторое расстояние, а затем быстро исчезала, понижаясь на обе стороны.

От острова Котельного по прямой линии до этой земли 100—130 верст.

Известный путешественник и исследователь севера барон Толль—сторонник существования Земли Санникова—в 1902 году отправился на поиски этой земли.

Нашел ли он ее или нет, неизвестно. Известно только, что 26 октября 1902 года барон Толль, астроном Зееберг и промышленники: якут Василий Горохов и тунгус Николай Дьяконов покинули утрюмый, скованный целый год льдами, остров Беннет и отправились на юг, к Новосибирским островам, оставивши на острове следующее письмо: «Отправляемся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы».

Больше их не видели, и никаких следов экспедиции не найдено.

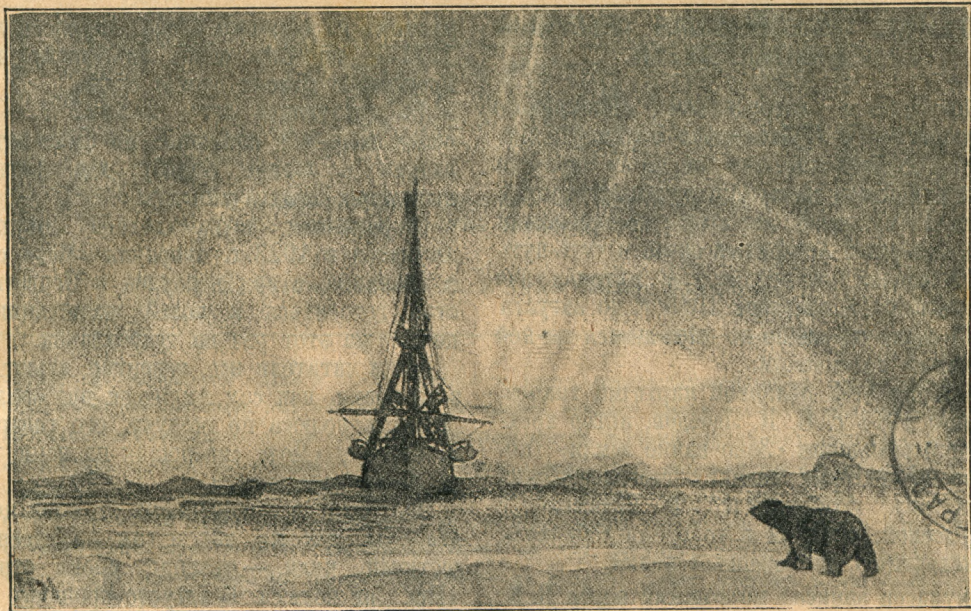
Но среди промышленников многие с острова Котельного вполне ясно видели Землю Санникова, и многие из них предполагают, что барон Толль и его спутники могли найти там приют.

Земля Санникова, видимая с острова Котельного, по их описаниям, представляет собой высокий и гористый остров, с крутыми склонами.

Земля Санникова представляет собой, по видимому, огромный кратер потухшего вулкана,—вот чем и объясняется присутствие на ней растительности и животных.

А что они там есть,—свидетельствует ежегодный перелет птиц. Ученые путешественники Врангель и Майдель сообщают, а население севера вполне точно указывает, что многочисленные стаи птиц летят на север. Летят: белый гусь, гага, разные утки, кулики, щеглы и др., т.-е. все виды птиц, которые питаются растениями или мелкими животными.

Между тем, на островах Котельном, Беннете и др. островах большинство птиц не останавливается, а летит куда-то дальше. Из этого с очевидностью следует, что на севере есть суша, достаточно обширная и покрытая растительностью.

«Фрам» Нансена (оборотная сторона открытки, путешествовавшей по Сев. Ледовитому океану почти семь лет).

Барон Толль отмечает, что видел орла, летевшего на север, и сокола, летевшего на юг, а также много гусей, возвращавшихся в конце лета на эту неизвестную землю.

Ясно, что они летят на какую-то землю (вероятно, Землю Санникова), которая в силу особо благоприятных условий (вероятно, вулканических), несмотря на свое северное положение среди льдов Полярного океана, пользуется более теплым климатом, чем острова Беннета и Новосибирские, находящиеся южнее.

Наконец, в пользу существования Земли Санникова говорит непонятное исчезновение целого народа, онкилонов, жившего на севере. Теснимые чукчами, онкилоны ушли куда-то с материка, со всеми своими стадами, и больше о них ничего не слышно, и где они, неизвестно.

Онкилоны—эскимосское племя. Несколько веков тому назад они населяли весь Чукотский полуостров. Но затем были отеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов и были, в тесном смысле слова, людьми каменного века.

Причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была кровавая распря на почве родовой мести. Спасаясь от преследо-

вания чукчей, они укрепились сначала на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров, и, наконец, скрылись неизвестно куда. Промышленники севера полагают, что на Землю Санникова, куда они перебрались, или по воде, или по льду, так как хотя Ледовитый океан замерзает не на всем протяжении и на некотором расстоянии от берега всегда остается более или менее широкая полоса открытой воды, но бывают холодные периоды, когда выпадает несколько особенно суровых зим и море замерзает. В один из таких периодов онкилоны ранней весной могли благополучно перебраться на Землю Санникова.

Во всяком случае, косвенных доказательств существования в Северном Ледовитом океане обитаемой земли—очень много.

Но прямых доказательств до сих пор обнаружить не удалось. Северный Ледовитый океан очень ревностно охраняет свои тайны.

Но человек шаг за шагом побеждает природу. И возможно, что мы накануне нового великого открытия, которое с очевидностью докажет нам существование этого загадочного оазиса среди вечных льдов—эту покрытую растительностью и животными, а, быть может, и... людьми, Землю Санникова.

ОТКРЫТКА, ПЕРЕПЛЫВШАЯ СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН.

Постоянным сотрудником «Всемирного Следопыта» Н. К. Лебедевым 5-го марта с. г. было получено открытое письмо из Норвегии от знаменитого полярного путешественника Роальда Амундсена. Эта открытка переплыла весь Северный Ледовитый океан и чуть-чуть не побывала на полюсе. В путешествии она была с 13 сентября 1918 г. до августа 1925 года, что видно по имеющимся на ней почтовым штемпелям.

История этой полярной карточки такова. Весною 1914 г. Н. К. Лебедев, автор трехтомного сочинения «Завоевание земли» (популярная история великих географических открытий), познакомился в Брюсселе с Амундсеном, который в то время собирался в экспедицию на северный полюс.

Амундсен записал московский адрес Н. К. Лебедева и обещал, когда он будет на полюсе, написать ему открытку и послать ее из ближайшего норвежского почтового отделения.

Но обстоятельства сложились так, что мировая война помешала Амундсену отправиться в экспедицию в 1914 г., и только в 1918 г. Амундсен мог начать свою экспедицию на полюс. Амундсен решил повторить рейс знаменитого Нансена на «Фраме», он только хотел начать плавание не от берегов Сибири, а от берегов Аляски, рассчитывая что в таком случае, полярное течение принесет его корабль прямо на полюс.

Однако, расчетам этим не удалось осуществиться. После целого ряда неудач корабль Амундсена «Мод» был захвачен льдами и отнесен к берегам восточной Сибири. Выб-

равшись из ледяного плена, Амундсен летом 1921 г. вернулся опять на Аляску, чтобы произвести ремонт своего судна.

На следующее лето, в 1922 г. «Мод» снова вышла в плавание, но была затерта льдами в заливе Коцебу, где Амундсен вынужден был зимовать.

Огорченный четырехлетней неудачей, Амундсен в 1923 г. отправил «Мод» снова в плавание, а сам вернулся в Норвегию и стал готовиться к новой экспедиции на полюс, на этот раз на гидропланах.

Наши читатели все, вероятно, знают, что в то время, как сам Амундсен пробовал достигнуть полюса по воздуху, его товарищи на корабле «Мод» совершали плавание среди Ледовитого океана.

Они, пробыв оторванными от мира целых два года, так же, как и сам Амундсен, не достигли цели, — течение снова отнесло «Мод» от полюса. В августе прошлого года спутники Амундсена вернулись в Норвегию, а с ним прибыла и наша «открытка», снимок с которой помещен здесь.

На той стороне открытки, где написан адрес, изображена фигура Амундсена в одежде полярного исследователя и находится надпись на четырех языках. Эта надпись гласит:

«Настоящая карточка, взятая на борт «Фрама» (Амундсен в 1914 г. хотел было отправиться на «Фраме» Нансена, но затем, в виду того, что «Фраму» было более 20 лет, Амундсен построил новое судно такого же типа, назвав его «Мод»), переедет с ним Ледовитый океан и затем будет послана по почте адресату».

Под этой надписью имеется подпись самого Амундсена.

Дальнейшие сведения о перелете дирижабля «Норвегия» по маршруту «Ленинград — Шпицберген — Сев. полюс — Неисследованная область — Аляска» и о результатах экспедиции Амундсен — Эльсворт — Нобиле будут помещены в ближайших номерах «Всемирного Следопыта».

Периодические явления из жизни зверей
и птиц и способы охоты на них летом.

Очерк В. Сатинского (б. ред. журнала „Семья Охотников“).

Огромный, отмечаемый ныне в СССР, интерес к охоте, раскрывающей перед наблюдателем (а охотник должен быть им!) страницу за страницей великой книги природы, дал редакции «Всемирного Следопыта» повод ввести с текущего месяца, помимо охотничьих рассказов, еще «календарь охоты», заключающий в себе описания различных явлений жизни «охотничьих» зверей и птиц. «Календарь» будет охватывать каждое время года, знакомя наших читателей с тем, где и как живет и размножается тот или иной зверь или птица, каковы их повадки и какие существуют способы охот, когда охота на них, регулируемая в целях охраны от истребления, разрешена. Следующий очерк—«Охота осенью»—будет помещен в августовском номере нашего журнала.

I. ЗВЕРИ.

Медведь. Вместе с обновлением природы и медведь приступает к обновлению своей «шубы». Эта смена «наряда», начавшись в конце мая («осина лист дает, глухарь петь перестает, медведь шерсть теряет») — так отмечают время начала линьки старые зверовые охотники, затягивается обычно до конца августа. Помимо линьки, шерсть летом выпадает — становится светлее.

В конце июня, по данным известного медвежатника А. А. Ширинского-Шахматова, проверенным опытом многих лет и почти совпадающим с данными Черкасова и Сабанеева, начинается течка, при чем наибольший «яр» ее наблюдается около Иванова дня (24 июня по ст. ст.); беременность продолжается 196 дней (6 мес. и 16 дн.).

Обычно ко времени периода спаривания самцы (как животных, так и птиц) одеваются в так называемую «брачную одежду»: птицы получают яркие перья (турухтаны, например, даже пышные воротники), животные — пушистый блестящий мех, ветвистые рога и т. д. Только один медведь обделен природой: как раз ко времени течки начинается у него линька, и потому вид его с лохмами свалившейся шерсти на боках очень невзрачен. Линька эта заканчивается, как отмечено выше, лишь в августе.

Питается медведь летом сочной травой, различными кореньями, грибами, всевозможными плодами и ягодами (особенно любит малину и осеннюю, тронутую морозом, рябину), червями, насекомыми и их личинками

(добывая их из-под пней и валежин), хлебными зернами (особенно овсом), любит полакомиться медом, рыбой, мясом птиц и животных. При таком разнообразии «меню» он вполне застрахован от голода.

Держатся медведи летом чаще всего в густых мелочах, при чем в поисках пищи путешествуют как днем («ходят по малину»), так и ночью (выходят сосать овес с наступлением темноты).

Медведь совсем не так неуклюж, как обычно предполагают, — он прекрасно бегает, очень хорошо, несмотря на свою величину, влезает на деревья (наблюдались случаи, когда медведь взбирался на деревья даже с капканом), легко плавает и даже ныряет. Слух и зрение у него отличные. Таков «топтыгин» — самый дорогой для зверового охотника зверь, дающий огромное количество незабываемых переживаний.

Практиковавшаяся раньше летняя охота по медведю на овсах (подкарауливание и скрадывание) теперь законом воспрещена в целях охраны зверя от истребления, однако, особыми постановлениями на данный год местных гублесотделов (ст. 23 правил производства охот) это общее воспрещение охоты может быть отменено.

Волк. Так как волк признан чрезвычайно вредным хищником — он объявлен «вне закона» — охота на него разрешена в течение всего года и всякими способами, при чем особенно рекомендуется истребление молодых волчат.

Каждый выводок состоит самое меньшее из трех и самое большее из восьми волчат.

Родятся они (щенение волчиц к концу июня почти всюду заканчивается), как и щенята, слепыми, открывая глаза только через две, приблизительно, недели, при чем мать кормит их пять—шесть недель и всячески оберегает от опасностей, иногда даже перетаскивая их в более надежное место при первой основательной угрозе их жизни.

«Гнездо» или «логово» волчицей устраивается всегда вблизи воды (болота, родника и т. д.), в лесной овражистой, с буреломом, чаще, на сухом заросшем острове, среди топкого болота или в сухой грибе малодоступного торфяника. Самое логово обычно представляет собой искусственное или естественное углубление, устланное травой или листьями.

Так как молодежь, будущая гроза крестьянских стад, первое время совершенно беспомощна и долго не способна к добычанию себе пищи, то почти все лето волчата состоят на издвигании стариков. Сначала мать, окончив кормить детей молоком, начинает таскать животную пищу, а затем, по мере роста аппетита молодых, доставка пищи ей одной становится уже не под силу, и тогда на помощь ей приходит самец: вдвоем они отправляются с наступлением темноты «на охоту», и горе тогда отбившейся от стада овце, теленку, жеребенку, зазевавшейся собаке, — быстрым движением закидывает волк себе на спину иногда очень тяжелую

добычу и тащит ее целиком домой, молодым (вот почему вблизи логовов обычно всегда так много костей!). Если уволочь добычу не под силу, жертва загоняется общими усилиями старика и старухи подалеже от людных мест, там режется, «разнимается на части» и перетаскивается понемногу опять-таки к «гнезду» для прокорма молодых волчат.

Характерно, что, из опасения обратить внимание людей на место вывода, старики почти никогда не трогают скот вблизи логова, предпочитая ходить на добычу вдалеке, верст за десять, а иногда и больше. Только исключительная нужда в пище для подрастающих волчат может заставить заботливых родителей задрать лошадь или корову вблизи гнезда.

В конце июля (с 20-го, приблизительно, числа) молодые начинают отвыкаться на вой стариков, возвращающихся к гнезду с добычей, и вообще с этого времени начинается выть зорями, при чем волки воют обычно всем гнездом, т. е. старики, молодежь и переряжки (перегодовалые волки), если таковые имеются при гнезде.

Около этого времени подростки уже волчата обычно начинают принимать участие в ночных «походах» родителей, отходя с каждым днем все дальше и дальше от родного гнезда, что строго каралось до сих пор осторожной мамашей (всякая попытка волченка выйти из крепости острова, где расположено гнездо, влекла наказание).

В первой половине августа эти путешествия «прибылых» (молодых) становятся уже длительными и отдаленными. В августе же заканчивается и линька.

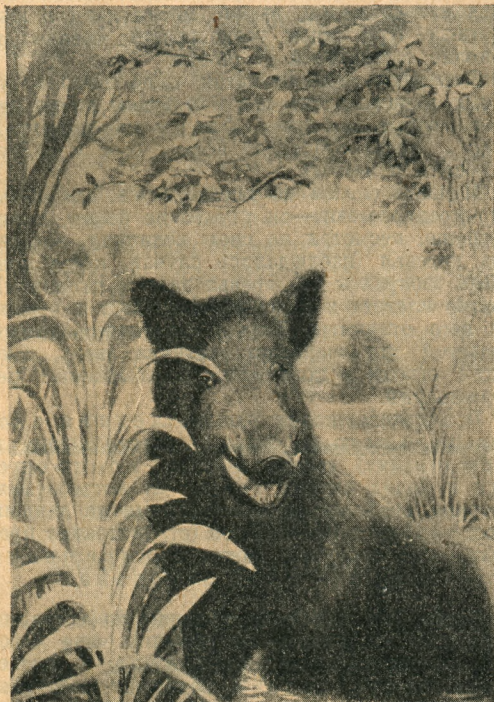
Лисица. Подростки лисята в начале июня начинают уже выходить из норы порезвиться и поиграть перед ее входом, а во второй половине месяца лисица часто ходит на добычу уже всей семьей.

В июле старики начинают менять свою «шубку», при чем эта смена наряда совершается постепенно и носит длительный характер: в августе, а часто и в начале сентября обычно красивый зверок имеет очень непрезентабельный вид: вместо блестящей пушистой шерсти висят какие-то грязноватого цвета лохмотья. Молодежь в это время (в августе) начинает рыжеть.

Так как лисица, хотя она и значится в списке хищников, признана животным, полезным для сельского хозяйства (она истребляет мышей), — охота на нее в летние месяцы воспрещена. Постановлением местного гублесотдела это воспрещение на основании ст. 23 правил об охоте может быть временно отменено (например, в силу особого размножения).

Кабан. Кабан — один из немногих зверей на которых разрешена охота летом, правда, только в Туркестане (с 15 июня) и на Кавказе (с 15 августа).

От июньской жары сбившиеся в стада кабаны спасаются в густых зарослях камыша

Кабан-одиноц (Репродукция с открытки из редкой серии, изданной к Киевской Охотничьей выставке 1912 г.).

или болотистых чащах, выходя на места «жировок» только с заходом солнца и оставаясь там всю ночь. С созреванием кукурузы и риса, приблизительно во второй половине июля, кабаны начинают свои нашествия на кукурузные и рисовые поля. Зато кабаны, так называемые камышевые (в низовьях Волги),—в конце лета (в августе) питаются, главным образом, корнями водяных растений по обсохшим тинистым заводям (охота в этом районе летом воспрещена).

Так как кабаны обычно держатся одних и тех же мест кормежки и ходят одними проторенными тропами, это используется охотниками, устраивающими засидки на полевых дорожках (обычно кабаны выходят приблизительно за час до захода солнца); практикуется также охота «скрадом» и «на шорох» (когда ночью свиньи рвут кукурузу).

Барсук. В июне и июле это медведеобразное животное весь день проводит в своей прекрасно устроенной, снабженной даже «кладовыми» для зимних запасов, норе. Только зорями, на заходе солнца, выходит барсук «на охоту» и бродит в поисках пищи (личинки, корешки, яйца и мелкие птички) до утренней зори, а затем снова удаляется до вечера на покой. Днем он только изредка, на короткое время, покидает нору, чтобы погреться на солнышке, при чем только в том случае, если нора расположена в очень тихих и безлюдных местах. В эти месяцы (июнь и июль) охота воспрещена повсюду. В августе охота разрешается: в Туркестане—с 1-го, в горах Кавказа—с 15-го. В начале этого последнего летнего месяца открывается период спаривания (течка). В последних числах августа барсуки приступают к подготовке мха и сухих листьев для «зимней квартиры». Беременность оплодотворенных самок продолжается 30—32 недели. Число молодых от двух до четырех штук.

Изюбрь. В начале июля изюбриха приносит одного, редко двух телят. В конце—«панты» *) достигают полного развития; теряя свою ценность кровавистые жевлаки на пантах начинают подсыхать, и показываются концы окостенелых настоящих рогов; шкурка начинает сдираться лоскутьями. Оберегая молодые рога, достигающие полного развития

лишь в конце августа, изюбрь держится открытых мест.

В районе Восточной Сибири и Дальнего Востока охота на самцов с 15 июля прекращается.

Олень благородный. Родившаяся в конце мая молодежь в июне начинает уже переходить на растительную пищу. На рогах стариков к этому времени подсыхает и спадает кожа (цвет рогов—беловатый). Молодые самки телятся. Держатся олени, спасаясь от комаров и мошки, высоко в горах, спускаясь на солонцы и в низины только ночами. В июле и у молодых самцов появляются рога, но сформировываются рога и у стариков и молодых окончательно только в августе, приобретая к этому времени темный оттенок. В последних числах июля заканчивается линька; молодые попрежнему еще в белых пятнах.

В августе, с исчезновением комаров и мошки, олени начинают спускаться в низины.

Охота разрешается только в Туркестане—в течение всего августа и в горах Кавказа—с 15 августа.

Косуля. В июне обычно заканчивается помет молодых самок в восточном и сев.-восточном районах (на Урале). В начале месяца старые косули начинают одеваться в красивую летнюю одежду, около половины—линька в самом разгаре, а в последних числах—заканчивается. Держатся косули днем в заросших высокой травой болотах, только «в капель» выходят на открытые луговины.

С наступлением июля, чаще всего во второй половине, в Забайкалье и Восточной Сибири открывается течка. Большею частью при каждом самце находятся две—три самки.

Держатся косули в болотистых крепях и камышах, которые покидают только в половине августа. С этого времени они начинают вести бродячий образ жизни, придерживаясь лесных логов, ночами выхода кормиться на озимь. Гоньба продолжается.

Охота в европейской части СССР (до Уральского хребта) в летние месяцы воспрещена, за Уралом разрешена с 15 августа.

(Вторая часть очерка, посвященная птицам, будет помещена в следующем номере „Всемирного Следопыта“).

*) Рога. Студенистое, напоминающее кровяной ступок, содержимое пантов считается

обладающим целебной чудодейственной силой, и потому панты расцениваются очень высоко.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КРЫМУ.

Очерк д-ра И. Саркизова-Серазини.

Талантливый французский романист Клод Фарер в одном из своих последних рассказов восторженно назвал Крым «изумрудом, оправленным в аквамарин моря».

Брызги солнечного света, аромат бесчисленных садов и парков; яркие краски горных склонов, от мрачного вулкана Кара-Дага до цветущих, весело-зеленеющих курчавых виноградников ливадийских холмов; причудливые изгибы береговых изломов с приютившимися в них красавцами городами; южное небо, голубое, как и безбрежно-волнующаяся поверхность вечно шумящего моря; наконец, памятники прошлых веков, напоенные какой-то исторической тоской и на каждом шагу говорящие вам о прошлых днях, — не могли не порадовать изысканного француза, как поражают всякого, едущего в Крым!

Уже с Бахчисарая, первой остановки экскурсионных маршрутов Экскурсионного бюро Наркомпроса РСФСР, чувствуешь себя в том возбужденном, приподнятом состоянии, которое врачи окрестили греческим словом «эуфория».

Бахчисарайская котловина с пещерными городами Чуфут-Кале или Тепе-Кермен—это та историческая загадка, которую и до сих пор не могут разгадать историки.

Здесь мы видим огромные пещеры, в большом количестве заполнившие скаты гор, с ясно различаемыми помещениями для общественных надобностей и частных жилищ, давно исчезнувших народов.

Но Бахчисарай для нас интересен еще своим неизменившимся восточным колоритом, своим старым бытом, который в других местах сменился натиском всемогущей цивилизации и западно-европейским влиянием.

Знакомство с особенностями исчезнувшего быта бывших кочевников дает поездка в деревню Кокказ. Деревня Кокказ, как и ряд деревень на восточном побережье, еще может познакомить путешественника с той жизнью степняка-татарина, которая почти исчезла на южном берегу, где традиционный восточный костюм мужчин и женщин сменился у первого—пиджаком, а у второй—на ногах высокими каблукчиками, на голове—шляпкой.

От деревни Кокказ пролетает та широкая дорога, которая постепенно подымается вверх, к одной из красивейших вершин крымских гор, Ай-Петри, чтобы оттуда размахнуться волшебной сказкой моря и красивейшим в мире узором южного берега.

Двенадцать верст пути на вершину крымских гор, открывающиеся перспективные виды на водоразделы рек и на все больше и больше, правда незаметно, повышающуюся поверхность земли, знакомят путешественни-

ка с характером строения крымских гор, так прекрасно представленных на прилагаемой при этом очерке рельефной карте Крымского полуострова.

Широкое плато, носящее татарское название **Яйла** (пастбище), крутыми оврагами, мощными скалами обрывается к берегу, точно стремясь вскочить в смеющееся море, и в долинах, образованных этими скалами, приютились те места побережья, имена которых знает каждый грамотный человек в республике.

Вершина Ай-Петри—это один из выступов Яйлы, прозаичный готическими шпилями выветрившихся скал осевшие на нем облака. Рядом с нею, на расстоянии двух-трех верст, поместилась метеорологическая станция, об ответственном руководителе которой, Левандовском, двадцать лет живущем в облаках и ветрах, много легенд рассказывают жители Ялты.

Если Яйла, представляющая собой огромное пастбище, длиною в несколько десятков верст, а шириною от двух до трех верст, является для скотоводства Крыма незаменимым источником кормежки скота, то метеорологическая станция и ее работы по облесению склонов Яйлы имеют большое значение для климатологии южного побережья.

С Яйлы к берегу, с высоты версты, сбегает прекрасная шоссе́нная дорога. Грудь не может надышаться бальзамом леса, состоящего из бука, граба, крымской сосны, а глаза перебегают с одного ландшафта на другой. Томная красавица Ялта, игривая Алушка и Симеиз, красивые бомбоньерки Ливадии, Орианды, Мисхора, Кореиза, маячащий вдали на горизонте силуэт смешной горы Медведь, оглушительный звон цикад,—все привлекает внимание! Ко всему прислушиваешься, ко всему присматриваешься и жадно смотришь на кисти винограда, спелые грозди которого заманчиво глядят сквозь камышевые заборы.

Виноградарство, виноделие и табаководство—эти отрасли крымского хозяйства завоевали себе известность не только у нас, но и в Европе. Массандровский подвал под Ялтой или подвал вин в «Новом Свете» под Судакком—это крупнейшие подвалы в Союзе. Виноградом лечат больных, сещающихся в Крым с болезнями легких, и виноградарством, как и табаководством, занято почти все местное и греческое население.

И путешественник долго идет мимо курчавой радости виноградников, мимо пригорков с правильно посаженными кустиками длиннолистного табака, рядки которого у самого города начинают сменяться парками, садами, дворцами и виллами красавицы Ялты.

Ялта—это центр южного побережья. Это Мекка, куда с затаенной надеждой мечтают попасть из самых глухих уголков Союза. Исключительно красивое положение ее всегда

РЕЛЬЕФНАЯ КАРТА КРЫМА.

Эта карта заимствована из книги «Путеводитель по Крыму», выпущенной издательством «Земля и Фабрика». Книга составлена Физико-Географическим Обществом и Российским Обществом по изучению Крыма, под редакцией д-ра И. М. Саркизова-Серазини (416 стр., 8 карт, 30 рисунков. Цена в издательском переплете — 1 руб. 50 коп.).

вызывало единодушное восхищение и русских и иностранцев. Еще в этом году один из известных работников в области кино в Америке, Джеймс Эллиот, говоря о постановке кинематографического дела в СССР, писал: «Она (т.-е. Россия) обладает такими исключительными по красоте местами, как город Ялта и окрестности, что мы, калифорнийцы, можем ей вполне позавидовать».

В Ялте путешественник отдыхает. Он бродит по городу, купается, лежит под солнцем и, наконец, экскурсирует.

Самые разнообразные экскурсии можно устраивать из Ялты, и только здесь можно ознакомиться и с южной природой и с характером растений и животных, с промышленностью Крыма, с общественно-политическим устройством, и, наконец, с грандиозным строительством охраны здоровья трудящихся. Только здесь, на южном берегу, начинаешь полно чувствовать творческую работу революции и ее заботу о здоровье народных масс.

Незабываемое впечатление остается от посещения крестьянского курорта **Ливадия** во дворцах бывшего царя. Ливадия начинает собую цепь санаторий и курортов, которые тянутся вплоть до Симеиза. И, путешествуя по этим местам, не только отдыхаешь душой и телом, не только крепнешь под жарким солнцем,—но и учишься, и невольно проходишь историю, географию, геологию, ботанику.

Знаменитый Никитский сад поражает вас своей разнообразной флорой. Воронцовский парк в Алушке и его дворец привлекают внимание оригинальностью архитектурного замысла и разбивкой парка, Симеиз—рельефом местности, Гурзуф—изгибами Яйлы, геологическими срезами и смешным чудовищем Медведь-Горы, никак не могущим испить до днесь весело смеющееся море. А дальше, под Алуштой, прячется от глаз и купается в драпировке облаков Чатыр-Даг, вершину которого Мицкевич назвал «Минаретом земли».

Все привлекает внимание путешественника, и особенно долго глядят он на развалины башен хищников-генуэзцев, которые с берегов далекой Италии когда-то приезжали сюда, чтобы утвердить здесь кровью и железом свою власть и проводить колонизаторскую политику.

Поездка в горы—это целая школа по геологии. Диориты, диабазы, порфириды, трахиты, туфы, известняки, из которых состоят крымские горы, легко изучаются на месте, а посещение чатырдагских пещер даже новичка вводит в курс элементарной геологии. И в этом отношении Крымский полуостров—открытая геологическая книга, по которой читаешь не только о строении полуострова, но и о построении всего земного шара.

Путешествие по Крыму не было бы полным, если бы оно не сопровождалось поездками в горы и прогулкой по морю. Возвращаться на север необходимо морем. Поездка из Ялты в Севастополь—это завершение путешествия, это новая гамма впечатлений, новая группа знаний. Кровью прошлого и настоящего заливы улицы города-музея. Две

интервенции—в 1856 и 1919 г.г.—этого очага революционных вспышек, заставивших дрожать царское самодержавие, наложили свою печать на облик Севастополя.

Шум портового военного города, единственная в мире по своему удобству бухта, памятники, музеи и, наконец, окрестности Севастополя не в меньшей мере привлекают наше внимание, чем красочные берега южного берега.

А светлые лунные ночи, дробящие по глади сияющей бухты многочисленные огни судов, лениво качающихся по неподвижному покою заснувших волн, долго еще вспоминаются в тусклые серенькие вечера наших северных будней.

Интересны и окрестности Севастополя. Херсонес—наша и на сотую часть не открытая Помпея, печальными руинами, опустевшими улочками и площадями заполнившая Херсонесский мыс,—вскрывает перед нами краешек исторической завесы того времени, когда Херсонес считался вторым городом после Афин и обеспечивал своим хлебом родную метрополию. Тысячелетняя даль промчавшихся веков не хочет мириться с действительной жизнью, и старые вековые стены грозятся своими осыпающимися боками и шептаться мелким кустарником, вросшим в плиты могучих камней.

Поездка в Георгиевский монастырь, с единственной даже в Крыму неожиданной красотой, прогулка в Балаклаву с ее замечательной бухтой, спрятавшейся от моря в глубине скал и с лежащим на ее дне знаменитым английским кораблем «Черным Принцем», затонувшим, будто бы, с четырьмя миллионами золота; посещение Омеги, Учкеевки, Инкерманского монастыря добавляют путешественнику много знаний и впечатлений, без которых было бы неполным пребывание на юге.

Когда говорят или пишут о Крыме, то невольно начинают говорить исключительно о южном побережье, а между тем восточная часть Крыма (с Евпаторией, Судакком, Керчью, Феодосией) обладает такой своеобразной красотой, которая резко отличается от красот южного берега.

Чтобы понять и прочувствовать эту красоту, необходимо прочитать интересную статью поэта **М. Волошина** «Культура, искусство, памятники Крыма» (она помещена в подробном «Путеводителе по Крыму», изд. «Земля и Фабрика», 416 стр., 8 карт., 30 рисунков. Цена 1 р. 50 к.), и тогда станет понятным, почему большая часть писателей, художников и вообще людей искусства стремится в восточную часть, предпочитая ее южному берегу.

В восточной части интересны г. Старый Крым, целебный воздух которого по данным науки, служит причиной необыкновенно долгой жизни его жителей. Старый Крым богат источниками прошлого, как бывшая столица крымского ханства.

Другим интересным местом являются Коктебел и единственный сохранившийся в Крыму вулкан Кара-Даг, объявленный национальным парком. Проф. Павлов, описывая

Таков Крым, по выражению татар «Ипиляда»—«Зеленый остров». Красивы его берега, дремучи его леса, приветливы горы и города, но самое главное—целителин воздух, могуче солнце, и укрепляющие морские брызги соленых вод.

Маршрут № 1 (Южнобережный)—начинается в Бахчисарае, типичном татарском городе. В большей частью продолжается на южном берегу Крыма, захватывая наиболее интересные пункты его: Севастополь, Ялта и др. Этот маршрут ставит своей задачей знакомство с производительными силами Крыма, типичными хозяйственными формами, национальным составом населения и его положением при Советской власти, а также с его экономической ролью в хозяйстве всего СССР. Он рассчитан на 10 дней пребывания в Крыму.

Подробные сведения об условиях участия в экскурсиях можно получить (лично и по почте) в Объединенном Экскурсбюро Наркомпроса: Москва, Арбат, Опасо-Песковский пер., д. № 3.

Только Австралия, страна диковинных явлений — бескрылых птиц, красного дождя, несущих яйца животных, — могла произвести на свет чудище, представленное на этом снимке. Безобидная ящерца, которой у нас не боятся даже дети, — там переделана природой в колючее страшилище. Ее даже тронуть нельзя, не вызвав уколами ее шипов серьезного воспалительного процесса.

Следопыт Среди книг

ЕДИНОБОРСТВО С ТИГРОМ.

Долгожданный ежегодный рокандский праздник охоты начался с утра.

Рашид за хлопотами измучился в конце. Вот он, наконец, остановился.

Перед ним—ровный, без единой выбоины, утоптаный десятками ног, плац, окруженный рядами гигантских кактусов. Они сидят в своих гнездах не для украшения. Это — ограда, которая устроена для того, чтобы зверь, с которым внутри ее встретится тот рокандец, на которого падет жребий, не ушел бы все-таки от своей участи: он боится острых шипов и скорее пойдет на людей под навесом, чем станет прыгать через колючую чащу. Хотя всякое бывает...

Рашид идет к пальмам. Там разостланы ковры, на которых усадутся в круг все обитатели Кон-и-Гута, чтобы поздравить после состязания счастливого-победителя. Скоро сюда принесут глиняные кувшины, в которых вино под пальцами лучами солнца холодно, как лед.

Рокандцы группами бродят тут и там.

Разговоры сплетаются главным образом вокруг чудовищных размеров тигра, который, будучи изловлен незадолго перед тем в джунглях, по ту сторону гор, загнанный в каменную яму у пещеры, ждет свободы или смерти, остря свои когти о гранит. Сквозь бамбуковую крышу его клетки видно массивное тело, день и ночь мечущееся в бесильной ярости.

Хищник красив и страшен. Недавно еще на коре лакового дерева, рубиновыми каплями его сока, он отметил ужасной лапой свой прыжок: знак своей грозной силы, ознакомившись с которой, другие звери как бы приглашались уйти прочь от водопоя, который он себе наметил.

Его бояться люди не меньше, чем звери. Когда нужно, он умеет скрыться в зарослях или среди скал, и напрасно охотники уже два года приследовали его, пока он так глупо не попался в капкан. Одиннадцать человек за последние шесть месяцев лежат на его совети.

С вчерашнего дня зверя перестали кормить. До того, находясь в неволе, он тем не менее умудрялся сдирать зарез более полутора пудов мяса. Еще бы, если он способен пронести на себе мясную тушу целого быка на расстоянии трехсот шагов!

Везут ящик. Сейчас освободят продольный ход к яме, засыпанный камнями, подставят сюда прочную клетку, и запертый в нее один из бойцов отправится на место состязания.

Вот все готово. Зверь присмирел. Он осваивается с своим новым положением.

Наконец, клетка поставлена посредине плаца, на котором должна разыграться кровавая драма.

Зрители давно заняли свои места. Мирза Низам, окруженный своими рокандцами, сидит на коврах, под навесом. По правую его руку—Рашид, по левую—его дочь Аль-Наи. В руках Рашида гонг. По знаку мирзы Низама он ударит в него, и Саид-Али, попечению которого вверен тигр, подымет переднюю стенку клетки. Полосатый зверь пока спокойно сидит, поджав под себя ноги.

Аль-Наи обходит присутствующих и отбирает по камешку белого цвета, который каждый рокандец кладет ей с улыбкой в сдвинутые розовые ладони. Рашид тоже положит камешек, но красного цвета. После этого Аль-Наи кинет один из белых камешков в Саида Али, чтобы он знал, что нужно быть готовым. Это нужно сделать еще и потому, что мирза Низам не тянет жребия, и один из белых камешков—лишний.

Затем Аль-Наи должна смешать камешки, всыпав их в свой кувшинчик с розовой водой, и вынимать их один за другим, стоя с закрытыми глазами, в то время, как мирза Низам будет называть по порядку имена своих рокандцев.

И так велико их доверие к своему вождю, что ни один из них не усумнится в том, что его посылает на страшное дело сама судьба, а не этот белоснежный старец.

Но мирза Низам знает, что не каждый годен для такого дела, как бой с тигром один на один. Пусть все думают, что они одинаково способны к этому. Он же дорожит жизнью своих людей и выбирает из года в год только самых отважных, самых хладнокровных.

Давно уже наметил мирза Низам бойца для сегодняшнего состязания. Вот он сидит, тонкий и гибкий, как тот стальной клинок, что лежит перед мирзой Низамом на длинном золотом блюде, с рукоятью, обвязанной белым индийским шарфом.

Его зовут Абдулла, и нет ему равного по спокойствию в опасности. А это главное, что нужно в страшной встрече.

Аль-Наи вытаскивает камешки и высоко подымает их каждый раз над головой. Среди напряженного молчания слышен тихий голос мирзы Низама. Он начал с самых молодых. С отеческой теплотой и любовью произносит он их имена.

Хорошая школа мужества!

Попеременно один за другим взгляды идут названные на руки Аль-Наи.

Не он! И как ни отважен каждый, все-таки слышен как-будто вздох облегчения. Но вот все заметили в руке Аль-Наи роковой красный камень. И вмиг тишина стала еще ошутительнее.

— Абдулла! — попрежнему тихо произносит вождь.

Абдулла слышит свое имя. Ничто не вызывает его волнения, которое он испытывает: он овладевает собой мгновенно. Ровной поступью, высоко подняв свою красивую голову, подходит он к мирзе Низаму и, прикладывая руку ко лбу и сердцу, целует край его одежды.

Он скрывается за бамбуковой ширмой и почти тотчас же выходит оттуда, весь обнаженный. Лишь полоска белой материи охватывает его бедра. Его грудная клетка подымается ровно. На мускулистом теле видна сетка ребер. Ноги упруго ступают по гробовому цветному ковру, которым застлан пол под навесом.

На лицах присутствующих не видно улыбок. Все сосредоточенно молчаливы. Нет никакой музыки. Шумное веселье начинается только после победы...

Абдулла неторопливо подходит к мирзе Низаму для того, чтобы принять от него клинок, не раз бывавший в деле вместе с шарфом, которым окутан эфес. Тонкое, длинное, обоюдоострое оружие. Это—сама смерть. Холод и серый блеск струится с лезвия.

Абдулла несет его одной рукой к выходу из-под навеса,—эфес доходит ему почти до бедра.

У выхода он оборачивается, обертывает правую руку шарфом и подымает клинок острее вверх. Затем он кланяется гордым поклоном, прикладывая правую руку к сердцу. Сталь сверкает на солнце, и зайчики начинают бегать по лицам рокадцев.

Вот Абдулла уже повернулся спиной к навесу, и видно, как широким беглым шагом, покачиваясь в поясице, закинув голову, размахивая обеими руками, как бы готовя все части своего тела для борьбы, идет он к своему месту. Оно ничем не обозначено, он должен сам выбрать для себя нужный пункт перед клеткой, самостоятельно рассчитав прыжок тигра.

Абдулла пристально смотрит на зверя. Тот лежит. Ему невозможно встать на ноги и вытянуться во весь свой могучий рост, ибо крышка бамбукового ящика пригнана так с умислом.

Голова его у самой решетки, и глаза устремлены на Абдулла. Но зверь его еще не видит. Неожиданная обстановка действует на него своим тихим ужасом.

Но вот Абдулла чуть приподымает свою уже поднятую вверх шпагу. Немедленно раздается звон гонга. Звук, сначала тупой и дребезжащий, все усиливается. Волны звуков бегут, нагоняют одна другую, опережают, сливаясь постепенно в грохочущий рокот...

Зверь начинает трепетать. Вся его лицемерная осторожность пропадает. Он полон гнева и жажды разделаться с тем человеком, который стоит перед ним, откинув назад плечи и голову и выставив вперед левую ногу с поднятой острее вверх шпагой, которую держит его опущенная правая рука.

Абдулла видит, что тигр поймал его взгляд. Абдулла фиксирует напряжением всей своей воли свое существо на этой большой полосатой кошке, которая сейчас будет освобождена.

Так... Готово...

Вот он подымает шпагу еще чуть-чуть выше еле заметным движением руки,—в тот же миг Саид-Али бесшумно подымает вверх дверцу клетки.

Несколько мгновений тигр недвижим...

Что-то произошло, но что, этого он еще не воображает. Он попрежнему, как заколдованный, не спускает глаз с блестящей стали. Ощущение большой воздушности простран-

Издательство «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

КУРТ-МАТУЛ. «Том Хэнсон—летчик». Стр. 124, с рис. Цена 70 коп. Автор повествует о жизни молодого изобретателя, американца Тома Хэнсона, об его упорном и стойком стремлении к намеченной цели — «лодка, чтоб лететь над водой». Книга вполне отвечает вкусам и потребностям нашей читающей молодежи: сила творческой воли и труд представлены в ней, как «самый могущественный фактор в прогрессе человечества».

ства, перед ним открывающегося, заставляет его податься вперед. Сначала вылезает его страшная лапа, и вот, наконец, он сам, пригнувшись к земле, освобождает из клетки свое тело. Его длинный хвост еще в ней, когда туловище уже выпрямляется, а плоская голова скалит зубы, то и дело открывая пасть.

Что делается дальше, уследить почти невозможно.

Прыжок... Пожалуй, два, ибо сначала зверь покрывает двадцать шагов, подымая

Издательство «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

ЛЕВ НИКУЛИН, «Никаких случайностей» (Дипломатическая тайна). Стр. 208. Цена 75 коп. Приключенческий роман о том, как советская дипломатия вскрыла империалистические проделки Соединенного Королевства в экзотическом ближневосточном государстве Гюлистан. Роман обнажает и показывает нравы европейского дипломатического корпуса. Фабула запутана и увлекательна.

свое тело в воздухе на высоту человеческого роста, затем пригибается к земле и снова высоким рассчитанным прыжком бросается на Абдуллу. Но тут происходит нечто невероятное.

Абдулла уже не стоит, он лежит лицом вниз, в виде сжатой пружины. Эфес шпаги уперт в землю обеими руками.

Абдулла тоже сделал прыжок. Прыжок всего в несколько шагов, но этого достаточно, чтобы ему очутиться под зверем, который, обманувшись в расчете, разрезает свое брюхо во всю длину о тот предмет, который так манил его перед тем своим ярким блеском...

Тигр еще жив. Его могучее тело еще вздрагивает, но это—конец...

Эта сильная сцена взята из романа Эразма Батенина «Бриллиант Кон-и-Гута». Изд. «Земля и Фабрика». 286 стр. Цена 1 руб. 10 коп.

ЗВЕРОПОДОБНЫЕ ЛЮДИ.

Волосатые люди.

«Звероподобными» людьми называются прежде всего «волосатые люди» или, как их иначе называют, «люди-собаки». Пух, покрывающий зародыш, у них отчасти или совершенно сохраняется и после рождения и иногда даже еще продолжает расти. Этот пух появляет-

ся в качестве зачаточного органа, как возврат к прежней шерсти человека. В связи с этим особенно любопытно, что австралийские дети и дети папуасов на Новой Гвинее по всему телу покрыты пухом. У первых он имеет красновато-желтый, а у вторых—русый цвет. У племени пигмеев Итури, живущих в Центральной Африке, подобный светлый пух, ясно видимый при косом освещении, сохраняется в течение всей их жизни, образуя своего рода плотную, мягкую шерсть. Негры нормального роста, случайно встретив в лесу малорослого негра, прежде всего обращают внимание на то, покрыт ли он пухом или нет. Производится это для того, чтобы узнать, имеют ли они дело с подростком их родного народа или же с представителем племени пигмеев, страшного и ненавистного, благодаря употреблению ими отравленного оружия. Подобные уродства называются «чрезмерной волосатостью».

В замке Амрас близ Инсбрука, в имеющейся там картинной галлерее, собранной Филиппиной Вайзер, которая, видимо, особенно интересовалась разного рода диковинками, находится портрет семьи волосатых людей. Отец их женился на обыкновенной неволосатой женщине и совместно с ней произвел на свет волосатых детей. Лица их были волосаты, равно как и вся спина вдоль хребта была жесткой от покрывавших ее длинных волос.

Видимо, это первые волосатые люди, которые были описаны сколько-нибудь подробно.

Хвостатые люди.

Еще больший интерес, чем волосатые люди, могут вызвать **хвостатые люди**, т.е. люди с хвостами. Наши средневековые предки видели в них признак превращения человека в волка. А после открытия в голландской Индии orang-утанов этот хвостик попытались отнести на их счет. Мы же теперь знаем, что такой хвостик нормально имеется у каждого человеческого зародыша, сохранение же его после рождения объясняется задержкой в ходе зародышевого развития.

Крестец у человека состоит из непостоянного числа позвонков. Обычно у мужчин их бывает пять, у женщин только четыре, в то время, как именно у азиатских человекообразных обезьян, orangов и гиббонов это число уменьшается до трех. Следовательно, обычно остающийся на всю жизнь хвост человека бывает длиннее, чем у orang-утанга. В сохранившихся, благодаря уродству, человеческих хвостах мы находим нервы, соединительную ткань, кровеносные сосуды, мышцы, а иногда даже хрящи и кости.

Хвосты последнего рода, называемые «приросшими хвостами», встречаются крайне редко и обычно достигают очень небольшой длины (до 2 сант.). Гораздо чаще встречаются уродства первого рода—**мягкие хвосты**, длина которых может достигать 25 сантиметров. Грэнвилл Гаррисон в 1900 году описал случай, когда мягкий хвост, имевший вскоре после рождения длину в 4,4 сантиметра, продолжал расти: во втором месяце

он был уже 5 сантиметров, а спустя полгода уже 7, после чего и был отрезан.

Иногда мягкие хвосты бывают покрыты волосами и способны двигаться и ощущать. Может ли такое уродство передаваться по наследству, этого мы еще не знаем. Но многочисленные сообщения древних авторов относительно целых хвостатых народов, во всяком случае, основываются на ошибочно истолкованных наблюдениях. Дело в том, что существует целый ряд африканских племен, имеющих обычаи украшаться «искусственными хвостами», частью сделанными из лыка, частью же звериными. Упомянем еще о том, что подобное уродство наблюдалось и у бесхвостых человекообразных обезьян.

Эти сведения об уродствах у человека заимствованы из книги «История развития человека» АДОЛЬФА ГЕЙЛЬБОРНА, посвященной исследованию развития зародыша человека и истории его рождения. Изд. «Земля и Фабрика», 116 стр., 38 рис. в тексте. Цена 1 руб.

Редакцией «Всемирного Следопыта» получен № 5 общественно-литературного, художественного и научно-популярного ежемесячника «30 дней». Издательство «Земля и Фабрика». 96 стр. Ц. 60 коп.

Содержание № 5: З. Квиринг. Режим экономии. Статья.—Мих. Левидов. Экономия, экономия, экономия! Статья. Иллюстрации и монтаж худ. С. Лодыгина.—А. Тверяк. Парамонихина Смерть. Рассказ.—А. Грин. Вокруг света. Рассказ.—Э. Бром. 24 часа в Наркоминделе. Очерк.—А. Жаров. Весенняя песнь. Стихотворение.—С. Вашенцев. Поединок. Рассказ.—Бор. Земенков. Реставрация картин. Очерк.—Л. Василевский. Ученые циники. Очерк.—Вера Инбер. Сад под крышей. Очерк.—М. Мик. Музыка цивилизации. Очерк.—Ник. Асеев. Книги на столе. (О Синклере Льюисе). Очерк.—И. Уразов. В заповедных песах. Очерк. (Фотоматериалы Главнауки НКП).—А. Д'Актиль. Омолаживающие лучи. Стихотворение.—Свое и чужое.—Спорт на Западе.—Юмор и Сатира.

Обложка худ. Е. Мандельберга.

Пень пеньку—рознь.

Бывают пеньки, о которые, идя по лесу темной ночью, спотыкаешься, а бывают пеньки (и это, конечно, в Австралии!) вроде изображенного здесь. При порубке многовекового девственного леса в «пне» одного из обрушенных гигантов рабочие устроили конюшню. Так как дерево было дуплистое, то не стоило больших усилий приспособить пень для этой цели: прорубив выход, выбрали труху, покрыли сверху листом гальванизированного железа вместо крыши, и прекрасная сухая, теплая конюшня была готова.

Из великой книги природы

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Вопрос о происхождении человека занимал людей с давних пор. Его пытались разрешить религия, на него давала ответ народная догадка. На протяжении всей истории человечества все время возникают и сменяются самые разноречивые и, порой, сказочные объяснения происхождения человека.

У малокультурных народов и теперь еще существуют различные легенды о происхождении человека. В большинстве случаев эти предания носят на себе следы тех географических и бытовых условий, в которых живут та или другая народность.

У жителей островов Тихого океана распространено сказание о том, что первые люди, а, по мнению других, и все животные, даже весь мир, произошли из яйца, при чем не объясняется, откуда же появилось это яйцо.

Так, например, жители Новой Зеландии верили, что первые люди вышли из плававшего по морю яйца, вместе с лодкой, в которой они и доплыли до берега. Вариантов с яйцом очень много. Предание о чудесном мировом яйце было распространено и у других, более культурных народностей—китайцев и индусов.

Чаше встречается предание о сотворении первых людей богами, которые вылепили их из глины, высекли из камня или вырезали из дерева (в зависимости от характера кустарных промыслов, которые распространены у тех или иных народностей).

У древних греков существовало сказание, что первоначальные люди размножили себя, бросая камни назад через голову; из этих камней возникали новые люди. Подобное же предание существует у некоторых краснокожих племен Америки. Другие индейцы полагают, что первые люди явились из-под земли, где они будто бы долго жили, пока им не удалось найти отверстие наружу. В Южной Африке народы Панту думают, что первые люди вышли из какой-то пещеры.

В северной Индии существует сказание, по которому все население Тибета произошло

от пары обезьян (в них превратились бог и богиня). Один отшельник научил их возделыванию хлебных растений. Новое питание оказало на них такое влияние, что шерсть у них вылезла, хвосты отпали, они получили дар слова и превратились в настоящих людей.

Таких легенд и преданий существует великое множество.

В последнее время большинство человечества принимало сказание, усвоенное христианами, что человек был создан богом, который вылепил его из глины. В первоначальной форме это сказание возникло еще у вавилонян, народа, жившего в Аравии за три-четыре тысячи лет до нашей эры. Глина вообще была самым распространенным подсобным материалом в этой стране. Кроме жилищ и посуды, из нее делались даже дощечки для письма. Поэтому естественно, что и человек должен был произойти из той же глины, из которой происходили все окружающие предметы, только при помощи «вышей силы».

Так обстояло дело с происхождением человека согласно преданиям и легендам.

Какой же ответ на этот вопрос дает наука?

По мере своего развития научные взгляды на происхождение человека также изменялись и иногда бывали довольно противоречивы. Много великих ученых работало над этим вопросом. Долго по этому вопросу собирался тот фактический материал, благодаря которому теперь наука может дать определенный и исчерпывающий ответ. Ответ же современной науки сводится к следующему.

Человек по всем признакам своего телесного строения принадлежит к животным. Он входит в отдел позвоночных, в класс млекопитающих, в отряд приматов, и составляет в этом отряде особое семейство, рядом с семействами обезьяно-людей и человекообразных обезьян.

Изучение развития человеческого зародыша и подробное исследование анатомических ос

Развитие преисторического человека, представленное скульптором Мак Грегор для Национального Естественно-Исторического Музея в Нью-Йорке.

бенностей человека, в том числе имеющих у него зачаточные или остаточные органы, не только подтверждает родство человека с животными, но и позволяет наметить некоторые вехи его развития.

Наибольшее сходство в своей организации человек имеет с человекообразными приматами, которые, однако, выказывают особый тип в своем строении и в своем утробном и последующем внешнем развитии все более расходятся с типом человека. Это говорит против происхождения человека непосредственно от человекообразных обезьян.

Ближайшими предшественниками человека были обезьяно-люди, с которыми ознакомила нас находка д-ра Дюбуа ископаемых остатков человека на острове Яве. Представителем этого типа мог быть человек, от которого сохранилась только одна челюсть в Гейдельберге (Германия).

При суждении о развитии человека необходимо принимать во внимание установленную за последние десятилетия его большую древность, насчитывающую многие десятки тысяч лет. Человек еще застал ледниковый период и появился в Европе в предшествовавшее последним ледниковым эпохам теплое межледниковое время.

Человек в своем строении сохранил некоторые древние признаки, утраченные другими животными в течение их долгой истории развития. Так, им сохранена пятипальная кисть руки с сравнительно длинным большим пальцем. Непосредственным предшественникам человека удалось удержаться от развития в направлении к обезьянению и приобрести те новые признаки, которые способствовали развитию головного мозга и переходу к прямохождению. Благоприятные обстоятельства помогли нашим предкам отстоять свои особенности и изменяться в сторону очеловечения. Постепенно их ноги утратили способность к хватанию и превратились в органы, приспособленные к поддержанию тела в стоячем положении и к его передвижению.

В течение своего развития человек утратил многие органы и приспособления, бывшие полезными раньше, но зато приобрел другие, оказавшиеся более ценными. В особенности же получил развитие его головной мозг, давший ему возможность умственного прогресса и поднявший его на недостижимую для прочих животных высоту.

СЕДОБНЫЕ ЛЯГУШКИ.

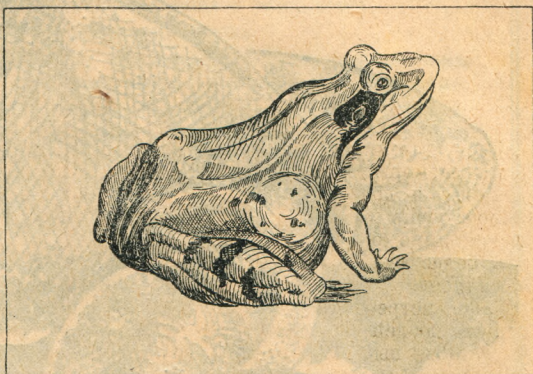
Очерк П. Терентьева.

Когда наш Союз переживал голодные годы, многим из нас приходилось употреблять в пищу почти несъедобные продукты, вроде несколько раз замерзавшей и оттаивавшей картошки. И в это самое время, под самым нашим носом, копошились животные, которых мы не трогали и которые во многих странах употребляются в пищу.

Мы говорим о лягушках.

В пищу идут, во Франции, только задние их лапки, но, по произведенным мною опытам, и остальные части лягушек, за исключением головы и внутренностей, вполне и весьма съедобны. Это доказывает и аппетит, с которым лягушки пожираются многочисленными животными, гастрономическое внимание которых для нас—весьма ценно.

Если мы ознакомимся с образом жизни лягушки, то убедимся, что это животное, в силу самых условий своего существования, весьма чистое. Очень распространено мнение, что слизь лягушки вредно действует на кожу. Это абсолютно неверно. Расказы эти появились, вероятно, от того, что большинство путает лягушек с жерлянками и жабами. Первые отличаются от лягушек малыми размерами и яркими оранжевыми пятнами на брюхе.

Обыкновенная травяная лягушка.

Слизь их действительно очень неприятно действует на слизистую оболочку, почему всегда надо вытирать руки после того, как поддержишь в них жерлянку. Жабы обладают способностью выделять едкую жидкость в еще меньшей степени и брать их в руки можно без всякого опасения.

Помимо использования наших местных лягушек, представляется, повидимому, возможным акклиматизирование у нас северо-американских лягушек-волов, которые, удрав однажды в небольшом количестве из сада акклиматизации в Париже, развелись во множестве в Булонском лесу. Размер этих лягушек-гигантов достигает 250 миллиметров. Вес этих чудовищ превышает иногда 300 грамм. Самые крупные из наших лягушек, озерные, достигают едва 125 миллиметров в пределах Центральной России, хотя в южном поясе попадаются более крупные экземпляры.

Для того, чтобы приступить к утилизации лягушек, необходимо иметь некоторые сведения об их образе жизни.

В пределах Центральной России можно встретить четыре вида лягушек, из коих обыкновенная травяная лягушка распространена особенно широко. Она встречается по лесам и болотам (моховым и торфяным).

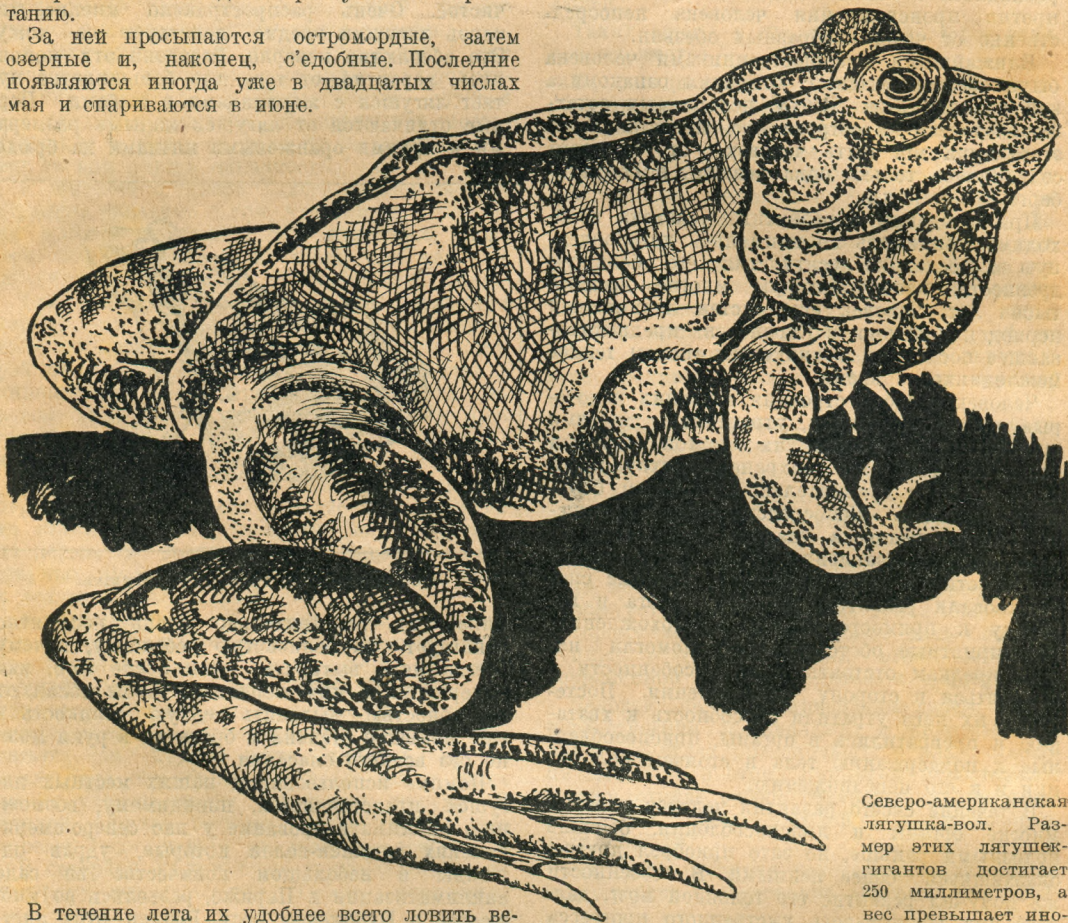
Съедобная лягушка попадает часто в лесистых местностях, в прудах.

Озерная предпочитает открытые места (она, собственно, жительница степной полосы), живет в реках, озерах и крупных водоемах, несколько реже в мелких. В начале апреля лягушки просыпаются от спячки, которую проводят на дне водоема, закопавшись в ил, реже во мху, под корнями деревьев. В незамерзающих водах можно встретить лягушек и зимой, иногда штук до двадцати. Прежде всех просыпается травяная лягушка и через несколько дней приступает к икрометанию.

За ней просыпаются остромордые, затем озерные и, наконец, сѣдобные. Последние появляются иногда уже в двадцатых числах мая и спариваются в июне.

являются травяные. Это подтверждено отзывами всех известных мне лиц, делавших опыты в этом направлении. Заслуживают особого внимания озерные лягушки, достигшие больших размеров. Другие виды также вполне сѣдобные, но несколько мельче двух остальных, что доставляет больше хлопот при чистке, сдирании кожи и пр.

Что касается количества лягушек, необходимого для насыщения, могу сказать, что во-

Северо-американская лягушка-вол. Размер этих лягушек-гигантов достигает 250 миллиметров, а вес превышает иногда 300 грамм.

В течение лета их удобнее всего ловить вечером, так как они, повидимому, ищут пролады. В противоположность им, водяные лягушки попадают в изобилии днем, на освещенных солнцем берегах водоемов.

Ловить сѣдобных лягушек легко, и, на худой конец, можно и руками, но что касается озерных, то они часто весьма осторожны и требуют для своей ловли сачка.

Что касается пригодности описанных четырех видов к употреблению их в пищу, то наиболее ценными по вкусовым качествам

семь пар задних лапок травяной лягушки составляют вполне приличное, по объему, блюдо.

В сентябре лягушки исчезают. Исчезновению травяных и остромордых лягушек предшествуют большие скопления их вблизи бассейнов, на дне которых они проводят зиму. Раньше всех исчезают сѣдобные и позже других—травяные.

Издательство „Земля и Фабрика“ (ЗИФ)

МОСКВА, Кузнецкий Мост, дом 13.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 ГОД

(II год издания)

30 ДНЕЙ

Иллюстрированный ежемесячник
ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ.

В каждом номере около 100 страниц текста, в красочной обложке.
Лучшие писатели помещают свои новейшие произведения в журнале „30 ДНЕЙ“.
Ответы на волнующие советского читателя вопросы дают в журнале „30 ДНЕЙ“
государственные, общественные и научные деятели.

Известные художники и фотографы иллюстрируют все рассказы, статьи
и корреспонденции.

„30 ДНЕЙ“ освещает жизнь и быт Советского Союза и всего мира.

В 1926 году „30 дней“ дает своим подписчикам:

12 книг богато-иллюстрированного журнала, **24** книги бесплатного приложения «Библиотека Сатиры и Юмора».

Кроме того, все подписчики на 9 месяцев, выславшие подписную плату сполна, получают в виде особой бесплатной премии большую повесть И. Лученкова: „За чужие грехи“ (Казаки в эмиграции) с предисловием С. Буденного (196 страниц).

Все полугодовые подписчики, внесшие подписную плату сполна, получают повесть Д. Туманого: „Американские фашисты“.

№ № 1, 2 и 3 разошлись полностью, и подписка принимается только с № 4.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

3 мес.	с 6-ю книжками «Библиотеки»	— 1 р. 50 к.
6 "	с 12-ю "	— 3 р. — к.
№ 4 до конца года (9 №№)	с 18-ю "	— 4 р. 50 к.

Цена отдельного номера в розничной продаже—60 коп.

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ФАНТАСТИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРИЯ СБОРНИКОВ НЕОБЫЧАЙНЫХ РАССКАЗОВ „ГЕРОИ ТРУДА“
под редакцией Вл. А. Попова.

1. Канадский следопыт. 5 рассказов с 4 рис., 96 стр., ц. 50 коп. 2. Драма в воздухе. 7 рассказов, с 4 рис. 72 стр., ц. 40 коп. 3. Радио во льдах. 5 рассказов, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 коп. 4. Огненный Биль. 4 рассказа, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 к. 5. Мост на Миссури. 6 рассказов, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 к. 6. Подвиг телефонистки. 5 рассказов, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 к. 7. Необычайный поединок. 4 рассказа, с 4 рис., 72 стр., ц. 50 коп.

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ СЕРИИ „ТРУЖЕНИКИ МОРЯ“

под редакцией Вл. А. Попова.

1. Светочи моря. 6 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 2. Странники моря. 6 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 3. Жнецы моря. 6 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 4. Подводные люди. 5 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 5. Морские охотники. 5 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 6. Герои морских берегов. 5 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к.

СЕРИЯ НЕОБЫЧАЙНЫХ „АВИО-РАССКАЗОВ“

под редакцией Вл. А. Попова.

1. Пионеры воздушного океана. 5 рассказов, с рис., 84 стр., ц. 40 к. 2. В песках Сахары. 5 рассказов, с рисунками, 68 стр., ц. 45 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРИЯ СБОРНИКОВ „ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ“

под редакцией Вл. А. Попова.

1. Слоны. 112 стр., с рис., ц. 55 к. 2. Тигры. 112 страниц, с рис., ц. 55 к. 3. Обезьяны. 112 стр., с рис., ц. 55 к. 4. Собаки. 112 стр., с рис., ц. 55 к. 5. Кошки. 128 стр., с рис., ц. 40 к. 6. Медведи. 112 стр., с рис., ц. 35 к. 7. Крысы. 112 страниц, с рис., ц. 55 к. 8. Кони. 128 стр., с рис., ц. 55 к.

ПОДПИСКУ И ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва. Кузнецкий мост, 13, Издательство „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕДИНСТВЕННЫЙ В СССР ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

(II год издания)

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 10 мес. (с № 3 по № 12 вкл.) — 3 р. 50 к.; 6 м. — 2 р.; 3 мес. — 1 руб.

Подписчики „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“ на 10 мес. получают:

10 №№ богато-иллюстрированного журнала типа „Вокруг Света“ в многокрасочных обложках американского стиля, содержащих романы, повести, очерки и рассказы путешественническо-приключенского характера и увлекательной научной фантастики.

4 иллюстрированных сборника из библиотеки „Герои и Жертвы Труда“, содержащих 22 необычайных рассказа из жизни тружеников разных стран и народов:

1) „Огненный Билль“; 2) „Драма в воздухе“; 3) „Мост на Миссури“; 4) „Подвиг телефонистки“.

Полугодовые подписчики получают:

6 №№ журнала и 2 сборника
из библиотеки „Герои и Жертвы Труда“.

В виду огромного наплыва подписки, № № 1 и 2 журнала „Всемирный Следопыт“ разошлись полностью. Издательство имеет возможность принимать новую подписку, начиная только с № 3.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Издательство „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“ (ЗИФ),
Москва, Кузнецкий Мост, 13